

Анатолий Калачев

«ТО НЕ СКАЗКА – ЖИЗНИ БЫЛЬ!»

PRIPYAT-CITY.RU

Художественная
проза
«Чернобыля»

Москва
2011

Анатолий Калачёв

*Посвящается
ликвидаторам последствий
катастрофы на ЧАЭС...*

«ТО НЕ СКАЗКА - ЖИЗНИ БЫЛЬ!»

Художественная проза Чернобыля

«Советский писатель»
Москва
2011

А.И. Калачёв

«То не сказка - жизни была!». Художественная проза Чернобыля. – М. «Советский писатель», 2011. 224 с., 32 с. илл.

Анатолий Иванович Калачёв - известный современный прозаик, член Союза писателей России, заместитель председателя Исполкома Международного сообщества писательских союзов. Почётный строитель России, Почётный гражданин Чердаклинского района Ульяновской области, полковник.

Участник ликвидации последствий радиационной катастрофы на Чернобыльской АЭС, один из руководителей легендарного строительного управления УС-605, занимавшегося ликвидационными работами в высоких радиационных полях на энергоблоках АЭС. Заместитель председателя Комиссии по присуждению Международной премии «Звезда Чернобыля» в области литературы и искусства.

Лауреат международных и всероссийских литературных премий имени М.А. Шолохова, генерала М.Д. Скобелева, А.С. Грибоедова, «Чернобыльская звезда» и др.

Автор художественно-публицистических книг и романов «Мой Чернобыль», «50 лет вместе», «Всё возвращается», «Неурочное время», «Ищи и найдёшь», «Друзья сердечные», «Стежью Прави» и др.

В книге активного участника ликвидации последствий радиационной катастрофы представлены строки-раздумья об участниках ликвидации последствий чернобыльской аварии через призмы вечных ценностей и судьбы России.

ПРОСТАЯ ЖИЗНЕННАЯ БЫЛЬ

Безусловно, после Чернобыля нет нужды разъяснять здравомыслящим читателям, сколь остра и злободневна проблема природной и техногенной безопасности. Но напомнить в художественных произведениях о героизме и бесстрашии советских людей, в буквальном смысле грудью преградивших путь разбушевавшейся атомной стихии, бесспорно, необходимо, дабы «не прервалась времён связующая нить».

Не стоит ломать копыта, что так должно или не должно быть, но всё-таки нынешнему и грядущим поколениям стоило бы немного призадуматься, что произошедшая 26 апреля 1986 года радиационная катастрофа по своим масштабам, сложности, драматизму и долговременным последствиям явилась самой крупной и тяжёлой за всю недолгую мировую историю использования атомной энергии.

Художественному осмыслению тех трагических дней, мужеству и героизму ликвидаторов посвящен литературный труд известного писателя Анатолия Калачева. Утверждение вечных ценностей любви, добра, справедливости, верности, настоящей дружбы - главная тема книги автора, являющегося активным участником ликвидации последствий радиационной катастрофы планетарного масштаба.

Каждый мыслящий человек вправе знать суровую правду о событиях апреля 1986 года. В основе повседневных героических поступков чернобыльцев лежал не страх, не жажда славы или денег, а высочайшая, как бы это пафосно ни звучало, Небесная духовность.

Взрыв на четвёртом энергоблоке не только деформировал стальные и бетонные конструкции станции, но спустя годы вызвал серьезнейшие деформации вечных ценностей в массовом сознании определённой части людей. В этой связи книга Анатолия Калачева «То не сказка - жизни были!» продолжает ту героическую нравственно-духовную битву, которую он вел на развалах атомной станции с незримым и оттого во много крат страшным радиационным врагом.

Валентин Сорокин,
проректор Литературного института имени А. М. Горького,
лауреат премий Ленинского комсомола, Государственной имени А.М. Горького,
международной имени М.А. Шолохова и С. А. Есенина

ГИМН ЧЕРНОБЫЛЬЦЕВ

*Слова Владимира Степанова,
музыка Петра Крылова*

The image shows a musical score for the song 'Hymn to the Chernobylers'. It consists of four staves of music in a single system, written in a treble clef with a key signature of one flat (B-flat). The lyrics are written below the notes. The first staff starts with a measure rest, followed by the lyrics 'Они не мнят се бя в ге ро ях Ни ге не рал и ни сол дат за все'. The second staff begins at measure 6 with the lyrics 'го один из стро я Что за кры вал доро гу в ад Фо нил гра фит об лом ки'. The third staff begins at measure 11 with the lyrics 'ТВЭ Лы И ни сви нец ни сталь ме чей серд ца лю дей прон за ли стре лы Насквозь не'. The fourth staff begins at measure 16 with the lyrics 'ви ди мых лу чей'. The music is a simple, melodic line with some rests and ties.

Они не мнят се бя в ге ро ях Ни ге не рал и ни сол дат за все

6
го один из стро я Что за кры вал доро гу в ад Фо нил гра фит об лом ки

11
ТВЭ Лы И ни сви нец ни сталь ме чей серд ца лю дей прон за ли стре лы Насквозь не

16
ви ди мых лу чей

Они не мнят себя в героях,
Ни генерал и ни солдат,
За шаг - всего один - из строя,
Что закрывал дорогу в ад.
Фонил графит, обломки, ТВЭЛы...
Но не свинец, не сталь мечей –
Сердца людей пронзали стрелы,
Насквозь, невидимых лучей.

«Ура» здесь не было с «полундрой».
Был тяжкий труд среди руин.
Тот счёт: на БЭРы¹ и секунды –
Давался каждой клеткой им.
С годами явственней всё боле
Мы ощущаем боль утрат,
Но во Всевышней только воле
Судить, кто прав, кто виноват.

И память дней тех будет свята
Для всех народов и времён.
Ведь снова подвигом Солдата
Был мир от страшных бед спасён.
Навечно вписан «белой» кровью
Людей отважных каждый шаг
На крыше ада - чёрной кровле,
Где пьедесталом «Саркофаг»².

Они не мнят себя в героях...

¹ БЭР – биологический эквивалент рентгена

² «Саркофаг» - неофициальное название объекта «Укрытие» над четвертым разрушенным реакторным блоком станции.

РАССКАЗЫ

ОБЕЛИСК

Удивительная краса летней природы Полесья. Редкой чистоты сосновые боры с ярко-оранжевым цветом гладкоствольных деревьев, перемешанные белыми красками ветвистых берез, обильно росших по опушкам лесов.

Спокойная, неторопливая гладь водохранилища и поспешные в своем течении извилистые реки Уж и Припять. Они невидимо подпитывают необъятный водоем и грунтовые воды, полнят влагой низины, болотца и приносят жизнь растительности. Нещадно днем ярится солнце и щедро одаривает природу теплом и светом, с избытком оно дает энергию для поглощения хлорофиллом, чтобы сочной зеленью покрыть окрестности.

В первозданной красе расположилась Чернобыльская АЭС, и ее окружали сосновые леса. С незапамятных времен они здесь росли, и с ними связано немало легенд и преданий.

Славяне, жившие в этих местах, относились к деревьям с большим почтением, наделяя их сверхъестественными свойствами. Рощи и леса почитались священными местами. Зелень украшала мир, давала кров и пищу предкам, была словно знаком особой милости Бога к людям. Поэтому они молились в рощах и лесах, а если там еще была вода, то это место было особо священным для вознесения молитв.

Леса и рощи старательно охраняли и с принятием христианства. Считались неприкосновенными они, и жители говорили, что дерево здесь вырубить, все равно, что в церковь залезть. Страхом болезни и смерти оберегались в мире наших предков избранные деревья, отмеченные каким-нибудь особым или чудесным событием, а равно и те, которые игра природы выделила какими-то отметинами в росте, направлении ветвей, уродливостью ствола и прочее.

Недалеко от АЭС, в десяти минутах ходьбы на поляне соснового бора стояла удивительная стволистая сосна - «трехствольник». У причудливого дерева от основного ствола под прямым углом параллельно земле на высоте 2,5-3 метров отходили двух-трехметровые толстые ветки в разные стороны и также под прямым углом поднимались вверх, образуя своего рода трезубец. История донесла до нашего времени, что в целях экономии патронов на этих отводящих стволах-плечах немцы и бандеровцы вешали партизан. Одним из последних подвели к месту казни юношу, совсем еще мальчишку, и, когда ему набрасывали на шею петлю, он истошно кричал:

- Хочу жить... я хочу жить... жить хочу-у...

Но бессердечные вешатели не смилостивились и не пощадили юность.

После войны у этой необыкновенной сосны обустроили мемориал павшим в Великой Отечественной войне и на мраморной плите высекли памятные слова:

И ты, идущий по весне,
Остановись! И поклонись ей низко.
Кому? Да этой вот сосне.
Сосне, что стала Обелиском.

Новое невосполнимое горе грянуло на Полесье в середине восьмидесятых годов - взорвался реактор на атомной станции. И нещадно покрыла радиация окрестности, бездушно преследуя и убивая все живое. Не пощадила она и красу реликтовых лесов. Уже в начале мая 1986 года появилась желтизна на ветвях

деревьев и в скорости они погибли, засохли. И прозвали лес, потерявший зеленый цвет, «рыжим». Первыми пожелтели сосновые деревья, они погибали при уровне облучения 50 р/ч. Но березы еще благоухали и зелеными островками изрядно красили порыжевший лес. Однако и их листья стали сникать, желтеть. Они погибли лишь при фоне радиации 100 р/ч и больше. Невидимая была их гибель, жестокая и ни что живое не способно было прокричать громко и надрывно: «Я жить хочу! Жить хочу!» Они умирали безмолвно.

Кроны деревьев, особенно хвойных, активно поглощали аэрозоли и радиационный фон в лесу превышал в два-три раза уровень радиации на открытой местности. Ко всему лес становился просто пожароопасным, мог принести неисчислимые беды и началось его уничтожение. Вначале вдоль дорог, идущих через лес, прорубали стометровые коридоры. Эту неблагодарную работу выполняли инженерные войска с применением штатной их техники ИМР³. И только на следующий год пошло повсеместное его уничтожение. В начале осени 1987 года добрались и до деревьев, стоявших рядом с причудливым «трехствольником». Бульдозером их сносили, копали глубокие траншеи, с корнем вырывали деревья и туда их сваливали, погибших, засыпая грунтом и песком. А затем прошли по образовавшемуся полю отвалами бульдозеров, выровняли землю и посеяли траву. Снесли реликтовый бор и лишь сосна, что стала Обелиском, в одиночестве застыла сухой корягой над мраморным мемориалом. Не уберегли причудливое дерево! Видимо пропал, потерял свою силу вековой оберег предков и преследуют болезни и недуги людей, занимающихся ликвидационными работами на ЧАЭС. Но причудливая сосна останется в памяти людей, как строгое напоминание живущим об обычаях предков хранить и оберегать такие природные чудеса. Сосна-трехствольник запечатлена на иконе «Чернобыльский Спас», которая была создана в Киеве на народные пожертвования и была освящена 28 августа 2003 года в Киево-Печерской Лавре. Написана она была по инициативе Всеукраинской государственной организации «Союз Чернобыль Украины» и социально-экологической партии «Союз. Чернобыль. Украина». И хочется верить, что поможет она здоровью ликвидаторов и снимет грех с людей, не уберегших этот лес, эту причудливую сосну.

Ну и что, что она не каноническая икона, зато наше с вами прошлое запечатлено с живым, искренним религиозным чувством.

И будут люди с верой молиться иконе «Чернобыльский Спас» и той сосне на ней, что стала Обелиском!

³ ИМР – инженерная машина разграждения

ИНАЧЕ НЕ МОГЛИ ЖИТЬ!

Тревожными ожиданиями зажила страна после первых сообщений об аварии на атомной станции в Чернобыле. В смятении замерли люди, в тягостном напряжении и стыла кровь от жутких кадров по телевидению. Переживали, волновались и со страхом следили за разрастающимся несчастьем.

Впечатлительных европейцев вообще ввели в шок первые сообщения о происшедшем. Они требовали и настоятельно подгоняли своих ученых срочно смоделировать аварию и дать ответ о вероятных ее последствиях. Но в первые дни катастрофы им невозможно было оценить ее масштаб и представить какие-либо выводы и оценки.

Вся Европа крыла матом
Наш советский мирный атом!

С перепугу и не то еще скажешь!

А страна медленно, но постепенно выходила из оцепенения, словно просыпалась от глубокой спячки. Экстренно командировались в Чернобыль специалисты, ученые по оценке случившегося и по принятию мер для ликвидации последствий аварии. А вслед им на ЧАЭС уже ехали рабочие, строители, дозиметристы и другие специалисты. Передислоцировались и обустроились войсковые части для участия в ликвидационных работах. Масштаб принимаемых тогда мер Правительством СССР во главе с Н.И. Рыжковым не оценен еще до сих пор, но он был грандиозен и оперативен! Уже в середине мая развернулись работы по укрощению разбушевавшегося монстра и началась дезактивация зараженных мест на Украине, в Белоруссии и на самой АЭС. Люди работали вахтовым способом, и сроки их пребывания часто зависели от доз облучения. В первые месяцы допускались высокие нормы на четвертом блоке до 25 бэр. После устройства «Укрытия» норма снизилась до 15 бэр.

Гласность еще не внесла разброд и сумятицу в души советских людей и их патриотизм на ликвидационных работах был искренним и самоотверженным. Незабываемым на века! А творческие люди - глас народа! Они всегда с ним и чаще в самой его гуще! Не могли же они остаться в стороне от постигшей страну беды? Одним из первых, если и не первый, приехал в Чернобыль народный артист СССР, лауреат многих престижных премий Иосиф Давидович Кобзон. Он не нуждался ни в чьих представлениях, его песни были популярны, их хорошо знали люди и с удовольствием сами пели.

Жизнерадостный, густой и бодрый голос И. Кобзона, его неистовая работоспособность и участливость к людям, дерзновенная смелость в Афганистане, четко выверенная строгая манера поведения без пошлости и фиглярства на сцене и многие другие незаурядные качества певца, а так же глубокая содержательность исполняемых песен - все это вместе подкупало, очаровывало и завораживало людей, независимо от их воспитания. При прослушивании его песен обычно у зрителей поднималось настроение, и они невольно вместе с артистом погружались в душевную атмосферу соучастия, наполненную нравственностью, любовью, и вместе с тем песни заставляли их думать и гордиться своей страной.

Подобных талантливых артистов мало в стране, чтобы так сердечно понимали свой народ, тонко чутко его чувствовали и выверенно отвечали его чаяниям и

надеждам. Редкое дарование, поэтому, несомненно, по праву Иосиф Кобзон назывался «Богатырем советской эстрады»!

В свое время он не испугался душманов в Афганистане, а тут и бояться некого! Невидимый враг, хотя и говорят, что коварный. Но труса пусть почитает Европа или другие какие места, но в Советском Союзе было непривычно даже говорить об этом. Неправильно будешь понят! И ему показалось, что его место уже там на передовой в Чернобыле рядом с теми, кто пошел первыми в бой с распоясавшимся Злом. По зову души он поехал в Чернобыль поддержать своих соотечественников в столь непростой борьбе. Оказалось, что город был густо накрыт радиоактивной пылью, и она въедливо пролезала во все щели, в дома, в помещения, в машины. Повсюду она была и заставляла людей постоянно находиться в защитных «лепестках»⁴. Опасно вдыхать ее радиоактивные изотопы, долго их придется потом выгонять разными способами. Они, как малые реакторы работают внутри человека. Облучают мягкие беззащитные ткани, разрушают их структуру и неотвратно влекут организм к злокачественным образованиям.

Предохранительные «лепестки» стали неотъемлемым, необходимым атрибутом для людей, и они их не снимали, пока не попадали в чистую зону. И на концерт любимого артиста пришли все в «лепестках». Иосифа Кобзона несколько удивила, а вернее, шокировала неотличимость людей в этой однообразной серой одежде с одинаковыми эллипсоидными повязками на лицах. И ему показалось, что в зале сидели манекены в масках, но, внимательно приглядевшись, он почувствовал их отличительность, увидел усталые глаза, которые высвечивали обычные эмоции в ожидании начала действий на сцене. Лишь эту часть лица не прятали от коварного и злого врага! Иосиф Давидович невольно и на себя взглянул со стороны, на свою защитного цвета афганскую военную одежду, с «лепестком», закрывающим две трети лица и он внутренне почувствовал какое-то единение с этими людьми в своей внешней однообразности и в душевном состоянии. Он был одним из них, этих застывших манекенов в масках, и тут он ощутил настрой зала и начал концерт в обычной своей манере исполнения. Душевно и с вдохновением он пел, но маски не меняли своего выражения.

А ему самому казалось, что кто-то поет под Кобзона и со зрителями он разделен непроницаемой стеной. Все это ему представлялось чем-то запредельным, сюрреалистическим, нечто вроде галлюцинаций. Видением казались эти усталые лица клонившиеся ко сну. Они пришли на концерт после смены, пренебрегая обычным отдыхом после работы в высоких радиозараженных зонах. Он это знал, но что-то ему мешало наладить контакт с залом и почувствовать душу в песне. Вдохновение не приходило, «лепесток» был ему инороден, он ему мешал, раздражал и злил. Кобзон резко сорвал его с лица и открылся ему воздух, зал, люди. Он понимал их нетерпеливое ожидание услышать вживую Кобзона. Ему заплодировали и многие поддержали его порыв и снимали с усталых лиц надоевшие «лепестки». Между ними рушилась стена, они проникались взаимным доверием, с симпатией и восторгом слушали знакомые мелодии. Они наслаждались мастерским владением голоса, его звучанием, и их души благодарно тянулись к артисту. Он поднимал в них волю к жизни, вселял в их сердца бодрый настрой и надежду на лучшее будущее!

Он врачевал души ликвидаторов!

⁴ «Лепестки» - респираторы с тканью академика И.В. Петрянова

Повсеместно разносилась по Чернобылю весть о концертах Иосифа Кобзона, и торопились люди после работы к нему за положительными эмоциями. Вспомнить забытые ощущения счастливых и радостных минут переживаний с любимыми песнями вживую. И они не ошибались в своих ожиданиях. Талант артиста их очаровывал и заставлял наслаждаться мелодичным сочным звучанием неповторимого голоса и магически погружал в легкое и безоблачное состояние. Настрой на жизнь давали его песни!

Не ожидал Иосиф Давидович такого душевного подъема людей и не готовился к длительному марафону. Пять концертов за день в грязной атмосфере зала! Ему представлялся сонм этих взвешенных нуклидов, хаотично снующих по залу в поиске своих жертв. И он был один из первых среди них! Ему нужно было глубоко дышать и требовалось много воздуха, чтобы исполнять свои песни без халтуры. Он призадумался на некоторое время, пренебрежительно показал им кукиш и мысленно послал нуклидов подальше - не на того напали!.. В начале последнего концерта у него во рту появилась сухость и ему тяжело стало глотать. Он испуганно подумал, что может обмануть надежды последних зрителей. Не о себе он подумал, а о тех, кому всецело принадлежал по жизни! Ему дали пососать фарингосепт, оказывается здесь его повсеместно употребляли. Полегчало в горле, но не было в голосе того обычного звучания. Концерт состоялся, а это главное!

Организаторы концертов удивлялись его самообладанию и восторгались работоспособностью. Между собой они восхищенно говорили, что мощью своей Кобзон истинно похож на Бизона. Эта метафора в свое время стала достоянием газетчиков и часто обыгрывалась ими, когда писали о великом артисте.

Прошло много лет после этой памятной первой поездки к ликвидаторам в Чернобыль. И тяжело заболел Иосиф Давидович, слег в больницу неутомимый в своей мощи «Бизон» и прошел все круги ада лечения химиотерапией. Но его природный оптимизм и хорошая генная наследственность, его самообладание и организованность, взвешенный ум и, в конце концов, его ненасытная жадность к жизни - все воедино соединилось и сплавилось в нервный железный клубок и не позволило болезни одолеть его. Твердая воля пациента и заботливая помощь докторов вернули к жизни необыкновенного человека, еще так необходимого для страны не только как артиста, но как авторитетного общественного деятеля.

Благодушно оценивая прошлое он иногда укорял себя в некоторой увлеченности и бесшабашности. Можно было быть и более воздержанным! Можно... но вряд ли он был способен идти вопреки своей натуре.

Однажды на скорбных торжествах в честь очередной печальной годовщины аварии на ЧАЭС ему молодой журналист задал с подтекстом вопрос:

- С высоты прошедшего времени ваша оценка своего поведения в первые дни после аварии не изменилась?

Иосиф Давидович, в свойственной только ему манере, неторопливо повернулся всем телом к собеседнику, с некой долей осторожности и любопытства посмотрел на него выжидательно и спросил:

- А почему она должна измениться?

Шустрый журналист не растерялся перед авторитетом артиста и спокойно пояснил, словно вразумлял непонимающего:

- Другое время... страна не та. Просто интересно, как бы вы сегодня поступили?

Иосиф Давидович сдержанно ухмыльнулся, видимо сожалел, что мозги столь юному дарованию не туда направили и твердо ответил:

- Точно так, а как иначе?.. Иначе мы не могли жить, - и взял он паузу, а потом пояснил, сочувственно поглядывая на спесивого молодого журналиста, - В

большой стране мы тогда жили и гордились ею! И сейчас моему поколению за нее не стыдно! Люди жили едиными заботами и радостями, не было никаких тогда разборок и дефолтов. Где трудно, туда ехали лучшие... лучшие вызволяли страну из беды. А могли ли отстать от них артисты?.. Нет! Мы были вместе со своим народом и совместно разделяли горе и радости, несчастья и победы! Нельзя нас упрекать в том, что было нашей жизнью!

Лучше не ответишь! Жалко только, что таких «Бизонов» в стране поубавилось, иначе, может, по-другому бы жили?!

ДРУГОГО И НЕ ДАНО!

Накопилось грязных отходов на территории четвертого блока... И словно кто диверсию организовал, вывел экскаваторы из строя и нечем было грузить отходы в КРАЗы для отвоза в могильники. Пока они ремонтировались, груды радиоактивного мусора росли и раздвигали территорию заражения.

- Ну что делать? - ломал себе голову уже в который раз Андрух⁵.

Механизаторы расписались в своей бессилии и надежды на них были малые. И пошел он с протянутой рукой в ОГОЗ⁶ к ее руководителю - контр-адмиралу Тулину.

- Кирилл Алексеевич, я за помощью... - и рассказал Андрух о своих бедах. Контр-адмирал прибыл только что с заседания Правительственной комиссии, явно чем-то был расстроен и ему не до сочувствия соседям. Со своими бедами хоть бы справиться, но его вдруг осенило:

- Владимир Дионисович, может, ты нам поможешь? В электрических лотках трансформаторного коридора фон в 30 раз больше допустимого, никто дельного не может посоветовать, а?

Хмурое круглое лицо контр-адмирала застыло в надежде, а тут его прервал какой-то важный звонок. Глаза торопливо забежали и он суетно что-то записывал и отвечал по военному:

- Есть... слушаюсь...

- Так что с экскаватором? - напомнил о себе Андрух. - Поможете?

- Да... да... н-да, - совсем потерянно проговорил контр-адмирал и продолжал торопливо что-то записывать. Андрух никуда не спешил и терпеливо ждал, а тот словно забыл о нем, снова взялся за телефонную трубку.

- Есть... слушаюсь... будет сделано, - вновь отвечал фразами контр-адмирал и делал у себя пометки на бумаге. А потом устало поднял глаза на Андруха, тускло улыбнулся и сказал:

- Извини... совсем затерроризировали своими указаниями... им лишь бы их дать, - а потом собрался с мыслями и продолжил разговор с Андрухом. Договорились они о выделении экскаватора на две недели, хотя и у них с погрузочной техникой свои трудности. Но обещал четко! И на прощание Андрух подбросил контр-адмиралу спасительную идею:

- Затампонируйте лотки раствором!

⁵ Андрух – заместитель начальника УС-605

⁶ ОГОЗ – оперативная группа отдельной зоны

- Думали об этом, но его таскать через эксплуатируемые чистые зоны. Второй блок уже работает и третий на выходе... не разрешают.

- Ну что, приходи, помогу, - иронично улыбнулся Андрух.

- И чем же поможете? - обрадованно оживился контр-адмирал, и вопросительно застыл его карий взгляд в ожидании.

- Придумаем что-нибудь... одна голова хороша, а три лучше, - уклончиво ответил Андрух и пояснил: - помозгуем с главным механиком и что-нибудь придумаем.

- Если сам сейчас к вам поеду, попусту не потеряю время? - с сомнением спросил контр-адмирал. Он намеревался не откладывать на потом решение такого важного для него вопроса, не хотелось перекладывать его на подчиненных.

- Не потеряете, - уверенно произнес Андрух, - дам штукатурную станцию, и затампонируете свои лотки. Вот только не знаю, как с комплектовкой... в случае чего рукава сами приобретайте, если Босик⁷ вам не поможет.

- Буду очень признателен, Владимир Дионисович, - и не долго думая пошел вместе с Андрухом, оправдываясь перед ним по пути: - Неудобно как-то получилось, вы ко мне с просьбой, а я как на базаре... баш на баш!

Добродушно усмехнулся Андрух и успокоил всколыхнувшуюся совесть контр-адмирала:

- Кирилл Алексеевич, чего уж там? Одно дело делаем, ответственность только у каждого своя!

- Беда для всех одна! - сумрачно проговорил контр-адмирал, не отойдя еще от своих беспокойных мыслей. А потом, словно сбросил с себя оцепенение и оживленно продолжил:

- В единстве духа - залог нашего успеха! А другого нам и не дано! В единстве!

ДОСТОЙНЫЕ СВОИХ ОТЦОВ!

Осколки ТВЭЛов и графита после аварии на четвертом блоке были хаотично разбросаны по расплавленным поверхностям битумно-рубероидных покрытий кровель третьего реактора и радиационный фон некоторых мест доходил до 500-700 рентген/час. Опасный фон для человека, который в минуту мог облучиться до 10 бэр. А что за это время можно сделать? Ничего! Да такой уровень заражения и непозволительный для работающих!

Выполнение дезактивации кровель третьего блока поручили сибирскому полку, и Владимир Дионисович Андрух обрадовался несказанно крепким и серьезным ребятам. Смелые, сообразительные солдаты и их офицеры активно включились в работу и с умом подошли к ней. Вместе с производственниками нашли подходы и каждому технологическому приему дали свою кличку для краткости объяснений. «Рыбачить мешком» или еще мимоходом бросали, что пошли на рыбалку за... ТВЭЛами. Клади вблизи радиационных кусков пустой мешок и с расстояния двух-четырех метров арматурными стержнями выковыривали осколки и заталкивали их в мешок. Потом его подцепляли на стержень и, чтобы легче тащить, клали на плечо и несли в металлическую ёмкость, стоявшую на кровле. У нее на петлях был приспособлен хомут, за который кран «Деаг» дистанционно цеплялся

⁷ Босик – главный механик УС-605

крюком и затем переносил в кузов автомашины КРАЗ, который и отвозил отходы в могильник. Так и «рыбачили»!

А для очень загрязненных мест изобрели лафеты из свинца. Их подвигали к зараженным местам, а за лафетом укрывались рабочие с «сачком» и набрасывали его на осколок. «Сачок» представлял собой подобие мешка с двумя прикрепленными к нему веревками, с помощью которых мешок подвигали к осколку, а затем палкой его запихивали внутрь. Потом забрасывали «сачок» в емкость, эта работа получила название - «В штыковую с сачком!» или просто «Сачковая».

Больше двух месяцев трудился Андрух с ребятами сибирского полка, а когда пришло время расставания, он им сказал с восхищением:

- Молодцы-ы! Спасибо, - а потом грустно заметил: - Вот что значит суровая закалка характера и русское воспитание!.. - Слегка примолк и огорченно закончил: - не то что у нас в Крыму, там и в блюдце человека утопят!

Никто из ребят не поинтересовался у Андруха причиной таких контрастных слов. Он сам был из Евпатории и хорошо знал жизнь крымчан. Ему, наверное, лучше, чем кому-либо, были знакомы условия проживания там, вот он непроизвольно и высказался о том, что наболело и что его ожидало после Чернобыля. Непокойно ведь у них в Крыму, особенно после сидячих демонстраций крымских татар в Москве и их митингов. В июле были опубликованы в газете «Правда» данные об участии крымских татар в фашистском терроре во время войны. При участии добровольческих батальонов и рот крымских татар было истреблено 86 тысяч гражданского населения и 47 тысяч военнопленных. Но это не остановило их и они самовольно захватывали земли и селились, кому где заблагорассудится.

Непокойно у них в Крыму, зато в Чернобыле объединены все единым духом и порывом в борьбе с последствиями аварии. И сибирякам он высказал свое искреннее «спасибо»! Они достойно повели себя и сделали хорошо работу, как их отцы в далеком 1941 году с честью выполнили долг и отстояли Москву!

ИНЫЕ ПОДХОДЫ

Тресту «Промэлектромонтаж» поручили на ВСПО⁸ запустить вентиляцию. А для этого следовало проверить электрические сети, электрооборудование и по необходимости выполнить выбраковочный ремонт. По окончании задания приехал начальник треста Дмитраченков и сам лично доложил о завершении работ. Но акты не могли быть подписаны без пуско-наладочных работ. А по классической схеме взаимоотношений участников работ обычно это входит в обязанность эксплуатации. А у тех нет сил и возможностей!

- Сергей Александрович, - обратился к нему генподрядчик Дроздов⁹, крупный рыжеватый мужчина, на плечах которого лежала ответственность за все дела четвертого блока и за очистку зараженных мест с высокими фонами. Он словно сам опалился энергией радиации и, сочувствуя ему, устало высказал, удерживая того от необдуманного шага:

- Здесь нетрадиционные подходы, ставьте своих наладчиков.

- По тресту не хватает 36 человек, - попытался оправдаться Дмитраченков и расстроенно выговорил: - срываются заключенные договора, а сюда надо на три недели командировать 13-15 человек!

- Иного выхода нет! - выговорил Дроздов, как о неизбежном, и повторил: - Здесь нетрадиционные подходы!

В раздумье почесал Дмитраченков поредевшие волосы и ушел к своим, несколько расстроенный. Неожиданным оказался для него такой тон разговора с Дроздовым. Не готов он был к нему! Наладчики - «штучные специалисты», и непросто их сорвать с «горячих» объектов. Он них зависел ввод новых мощностей, они последними уходили с объекта, и начинался отсчет выпускаемой продукции. Директора предприятий этого ему не простят и так просто не «проглотят». А время на переговоры с ними не ждало, и он расстроенный возвратился в свой электромонтажный район. Удивился его потерянному виду начальник района В.М. Рябичкин и сочувственно поинтересовался:

- Сергей Александрович, что случилось? Вы на себя не похожи!

- Пусконаладчиков на ВСПО требуют, а где я их возьму? - поделился своим Дмитраченков. - За срыв мощностей по головке не погладят, и здесь... сорви! Не помилуют!

- Ну два-три наладчика изыщите?.. Но чтобы с приборами приезжали и с бланками документации, и снимем проблему, - спокойно пояснил Рябичкин, не видя трудностей решения, и успокаивающе подействовал на начальника.

Но тот нерешительно спросил:

- Валера, а сможете?

- А куда мы денемся, коль нужда такая, здесь же не бывает нерешаемых задач.

И Дмитраченков не уехал из Чернобыля, пока трест не выполнил свои работы и не были подписаны акты. На прощание он проговорился Дроздову с восхищением:

- Владимир Павлович, здесь какой-то другой настрой у людей... никого не требовалось подгонять... старательно все работали!

Понимающе усмехнулся Дроздов и пояснил:

⁸ ВСПО – Временное сооружение радиационных отходов

⁹ Дроздов В.П. – начальник УС-605

- Тяжелые условия диктуют нетрадиционный настрой людей... А сам-то как поступил? - вопрошающе с затаенной улыбкой он посмотрел на Дмитраченкова, и этот его усталый взгляд был красноречивее любых слов. - Ты же сам себе продлил командировку на 20 дней и не уехал, пока не закончил дела. Разве это традиционный подход для руководителя треста?..

Пока говорил Владимир Павлович, молча слушал его Дмитраченков и не единого слова не проронил, только головой кивал в знак согласия. Его удивила и заставила углубиться в себя и поразмышлять неожиданно осенившая его мысль. В Чернобыле наиболее выпукло проявляются характерные черты и особенности наших людей. Здесь подтверждается истина, что чем труднее, опаснее, тем беззаветнее и собраннее они. Видимо, так уж мы созданы Всевышним!

ДЕНЬГИ-НЕ ГЛАВНОЕ!

Дух захватывает от гусеничного крана «Демаг». Стрела протянулась в поднебесье, и ее охват рабочей зоны был до 150 м. Лишь приблизишься к нему, невольно возникает уважение к немецкой инженерной мысли. В этаж высотой гусеницы, а в кабину можно забраться только по лестнице. Ее стены, потолок и пол были освинцованы, и для машиниста создали безопасные условия. Тесновато были внутри, часто в кабину залезали прорабы, инженеры, чтобы посмотреть панораму кровель на дисплее и проконтролировать ход работ. Редко пользовался машинист смотровым окном, оно было просто на всякий случай, как «дежурный глаз».

На дисплее хорошо просматривалась панорама кровли, и поворотом стрелы обзор ее мог расширяться. Тесновато в кабине, но безопасно. Машинист Василий за два месяца работы набрал всего 5,5 бэр и подходило время окончания его командировки. Начальство было им довольно и не хотело его отпускать. А Василий хоть и доброжелательный парень, понятливый, с располагающей улыбкой на лице, но твердо стоял на своем:

- Надоело, уеду! - и не хотел даже слышать о продлении командировки.
- Но такие деньги получаешь! За два месяца больше годового заработка! - убеждал его начальник и обещал ему еще премию подбросить.
- При чем тут деньги? - раздражался Вася от такой назойливости начальства. - Скучно, неинтересно, как в склепе шесть часов, без выходных. Два часа на дорогу - и отдыхай! Спи! Вот дома-а!

И скучнело лицо Василия, тускло уже светилась его улыбка, и туманили его сладкие мысли о семье. Как они там без него?

- Ну что дома? Что дома? Деньги семье, что ли, не нужны? - раздражался Николай Степанович, начальник участка «Демагов». Ему было трудно доказать Василию недоказуемое. Тот выполнил свой долг с честью и какие еще могут быть разговоры и претензии к нему? Тем более, что у него лично не было никакого желания оставаться!

- Они всем нужны, но... деньги не главное в жизни, - философски заметил Вася и нравоучительно продолжил: - Семья, домашнее тепло, уют - вот главное для любого человека в жизни!

- Да, да, да! - нетерпеливо заговорил Николай Степанович, - бесспорно! Но ради этого-то и работаем! Не так ли?

На что тот снисходительно хмыкнул, извинительная усмешка тронула его губы, и он вымолвил свою выстраданную истину:

- Да-а... но всех денег не заработаешь, а меня девчонки ждут и они мне... дороже любых денег.

- Помнишь, как в песне поется?... Ну а девушки, а девушки - потом! Стоят ли они этого?

Николай Степанович посчитал, что он нашел весомый довод и убедит Васю прислушаться к его просьбе. Но тот весь потускнел и с грустью в голосе пояснил:

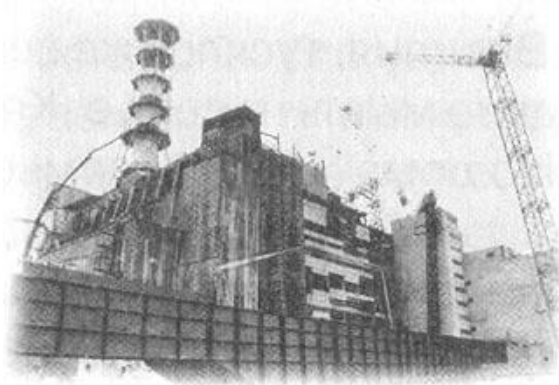
- Стоят они этого, стоят! У меня же три дочери, и все они мал мала меньше, трудно там жене одной.

И замолк Вася, притих наступательный порыв Николая Степановича и он в раздумье произнес:

- Дети в жизни человека - главное!.. Вася, на пару деньков подзадержу, не ропщи, а? - просительно глядел начальник на машиниста.

И полюбовно решился вопрос об окончании командировки Васи. И он радостный, в предвкушении скорой встречи с семьей, продолжил умеючи управлять передвижной машиной по имени «Демаг». Подождет он еще эти два дня... шестьдесят ждал, а тут совсем ничего. Главное - дети, семья, а остальное и так приложится, в том числе и деньги!

Успокоился Вася в своих терзаниях и с нетерпением ждал срока возвращения домой.

ЛЮБОВЬ СИЛЬНЕЕ «РЕЙГАНОВ»

С охоткой поехал Карим в Чернобыль на ликвидационные работы. Еще бы не поехать - при его равнодушии к деньгам, ему их почему-то всегда не хватало. Раньше ползарплаты отдавал матери для воспитания сестёр, потом его семья потребовала больших расходов. И всю жизнь ему деньги не давали покоя. А люди возвращались из командировки в Чернобыль здоровыми и рассказывали о таких заоблачных зарплатах, что ему они и не снились.

Давно выдал Карим своих сестер замуж, помог на первых порах одной из них, которая взяла мать к себе, и сейчас его деньги шли только в свою семью. А у него двое ребят-школьников и об их судьбе пора уже заботиться. Он откладывал деньги понемногу на будущее, и они с женой дали себе зарок, что ни под каким предлогом не вправе снимать деньги со сберкнижки! А тут перед ним открылась такая заманчивая возможность, и он не удержался, охотно поехал прорабом в Чернобыль. Много он наслушался о последствиях воздействия радиации на

человека, но себя и жену успокаивал тем, что нужда у них отпала в детях, им уже не рожать, и почему бы не съездить за таким длинным рублем?

Поначалу Карим прислушивался ко всяким разговорам о безопасности и особенно без нужды не лез за лишними бэрами. Остерегался и штудировал разные инструкции. А тут услышал от земляка Архипова, главного инженера района, что после двух-трех бэр начинает жечь пятки, а чуть больше - уже сохнет во рту. При получении дозы в десять-пятнадцать бэр у человека наступает сонливость и наблюдаются провалы в памяти. О самочувствии человека и при больших дозах рассказывал ему Архипов, но он уже его слушал в полуха. Хорошо знал, что недолг срок его командировки и не дойдет у него очередь до таких высоких доз облучения. Но стал Карим внимательно прислушиваться к своему организму, постоянно следил за счетчиками, записывал показатели и суммировал цифры доз облучения. Вот уже три бэра получил, а в пятках не ощущает жжения. Осмотрел их, насколько это возможно, и подумал, не прихватил ли другую какую болезнь, что так повлияла на пятки, поэтому в них не ощущается радиация?

Было лето, и стояла жара, всюду стояли ящики с минеральной водой, и он особо не ощущал сухости во рту, это его не беспокоило, потому что часто пил. И как не попить на халяву? Без ограничений, сколько хошь!

А в садах Чернобыля буйно спели груши и яблоки. Аппетитно они смотрелись, будто сами призывали, заманивали своей сочностью попробовать их на вкус. И тут он как-то зашел в гости к земляку, который жил с ребятами в частном доме. Не удержался от манящего запаха наливных яблок и сорвал несколько, а земляк одобрительно заметил:

- Ешь, ешь! Очень вкусные... мы постоянно их едим.
- Но они же в радиации! - возразил Карим.
- Ну и что, тонны полторы опасно съесть, а с десятка тебе - что слону дробина, - и со знанием дела уже советовал: - ядра не ешь, а у хвостиков вырежи мякоть!

И Карим с удовольствием хрумкал яблоки, а земляк, заметив что он их все съел, что нарвал, интригуяще пояснил:

- Потом эту радиацию почувствуешь, когда с женой спать ляжешь.
- А сам чего... не боишься? - тревожно спросил Карим.
- Чего мне бояться, я импотент, мне это все до лампочки! - обреченно заметил земляк и не вдавался в дальнейшие объяснения.

Холодный пот пробил Карима, и он поспешил уйти от такого «гостеприимного» хозяина.

В среде ликвидаторов частыми были разговоры о влиянии радиации на человека, уже и рентгены в «рейганы» переименовали, чтобы меньше страха они нагоняли в душу. И прибаутки разные выдумывали, ему особенно понравилась вот эта:

Бэры - не помеха,
Бэры - это бабки.
Говорю серьезно,
Что они не сладки.

Отвечал стишок его настроению и тешил ожиданиями возвращения домой. Но тут Сашка-дозиметрист его некстати вконец совсем расстроил своими умозаключениями. Доверительно он ему поведал, что им нечего бояться бета- и альфа- излучений. Они действительно вредны, когда их зараженные частицы проникают внутрь человека. Но ликвидаторам, побывавшим в высоких полях, их уже нечего бояться! У них же все внутри видоизменилось, мутировалось, клетки, молекулы двинулись отмирать! И что для них эти альфа и бета? Пустяк!

Участливо Сашка говорил и сочувствующе посматривал на Карима. А тот совсем расстроился, не замечал язвительной улыбки дозиметриста и потерянно спросил:

- Что?.. Не доживу до того времени, когда детей женить?

- Не ты, так другой женит, - успокаивал его, посмеиваясь про себя Сашка. - У тебя же молодая еще жена?

- Да-а, и красивая, - и замутилось в глазах Карима от страха и тоски.

- Ну тем более. - продолжал Сашка терзать душу Карима, - Чего бояться?

Наслышаны были ребята о его жадности и подначивали Карима при любом случае. И на полном серьезе продолжал Сашка терзать душу Карима:

- Халявных денег не бывает, за них чем-то надо расплачиваться!

Проработал Карим в Чернобыле четыре месяца и, по его подсчетам, заработал для семьи на «Жигуль». Это была их с женой сказочная мечта, чтобы, как и другие люди, могли съездить в отпуск на машине, и для мальчишек это было бы большой радостью. Но с потерянным настроением он возвратился к жене, беспокойство его одолевало в ожидании встречи с женой в постели. Сашка-дозиметрист умными своими разговорами, словно костыль в душу забил, и тревожил тот его, беспокоил и поедом разъедал своей ржавчиной. Радостно встретила его семья, и ликовали дети от известия о покупке машины. А оставшись с женой наедине, скованно себя почувствовал он и стеснялся ей объяснить свое состояние. Зациклились мысли на страхе и черном юморе о потенции, питавшем его в разговорах последние месяцы. И он лучшего ничего не придумал, как пересказал анекдот о возвратившемся к жене ликвидаторе.

Ничего у него с ней не получалось, и она со злостью ему выговорила:

- Иди! Бутылку на стол поставь!

- Я не хочу пить! - заметил муж.

- Бутылку поставь! - требовала она.

- Я не хочу! - продолжал ее уговаривать.

- Бутылку поставь! - упрямо продолжала жена требовать своего.

- Зачем?

- Хоть что-то в доме будет стоять!

И затих в тревожном напряжении Карим, затаился в ожидании реакции жены. А та иронично рассмеялась и словно мимо ушей пропустила скрытый смысл анекдота. Соскучилась, истомилась она по мужу, доверчиво прильнула к нему, нежно обняла и горячо целовала окаменевшее от страха лицо Карима. А кончиками пальцев мягко ласкала его тело, и оно уже волновалось, радостный трепет прошел по нему. А она настойчиво нашептывала ему с придыханием:

- Милый, соскучился по мне... чувствую - тосковал?

- А то, - выдохнул Карим, но тревога не покидала его. А жена продолжала ласкать слух и самолюбие мужа:

- А мышцы у тебя еще сильнее стали... налились.

- Кормили, как на убой, - оживился немного Карим и отступил от него понемногу страх.

- Ты сильный у меня!.. - восторгалась жена, шаловливо тревожа мужа всевозможными способами. Она, мудрая женщина, много лестного шептала ему, и ее слова успокаивали душу Карима, вселяли в него уверенность и выветривали из головы наносные чернобыльские страхи. Ушли сомнения, покинули его робость и страх, тревожащие душу в последнее время. А по телу волнами пробегали восторги желаний и растворялись в каждой его клеточке. Взбодрился Карим, повеселел и уверенно почувствовал себя в объятиях любимой жены. И уже никакие «рейганы» любящим сердцам не были страшны!

«ГОРЕ МИРУ ОТ СОБЛАЗНОВ»

Неудобно, неуютно чувствовал себя Александр Семенович в тесном и узком вагончике. Он заменял ему номер гостиницы, но было тесновато в нем и мрачно от мало падающего света в подслеповатое оконце. Единственное достоинство этого спального места - находилось далеко от Чернобыля и в чистой зоне! Скромная, спартанская обстановка в вагончике: две металлические кровати, небольшой столик под единственным оконцем, встроенный шкаф для одежды да два стула. Вот и вся меблировка! Было понятно, если бы это был год аварии на ЧАЭС, но сейчас 1987 год! И люди уже более требовательны к условиям сна и отдыха. Это Климову все нипочем, сходит вечером в баньку, тяпнет стакан водки, сытно поужинает и на боковую с книжкой, а то и спать. А утром чуть свет на зарядку с пробежкой, и никакая погода его не остановит. Живет по четкой программе, как однажды заведенный механизм. Ни шага влево, ни шага вправо! Просто робот какой-то, а не человек!

Быть аскетом и воздерживаться от соблазнов и искушений? Не его стихия и противно его натуре! Бегут, спешат годы, а с ними торопятся, опережая время, радости жизни! Если Климову в кайф, то пусть над собой издевается и лишает себя наслаждений. Ему же это поперек горла! Надо своему телу доставлять радости и тешить его удовольствиями и сладостью общения!

В вагончик и женщину не пригласишь, не укрыться в нем от посторонних. Целый комплекс здесь из вагончиков, и лишь при входе на огороженную территорию стоял старинный кирпичный дом для приема гостей, и был зал под столовую. Между собой его прозвали «кубриком», там же смотрели телевизор и задерживались люди перед сном для общения.

Заботливо пекутся о начальстве, теплое и уютное было жилье, хотя с минимумом удобств, но его лично это не радовало. Пусть в сарае, шалаше, но чтобы он не гасил в себе желания и не умерял плоть непотребным способом. Доверительно поговорил с начальником коммунальной службы, и тот с пониманием отнесся к его просьбе. Свой свояка видит издалека!

Маялся вечерами Александр Семенович в душном тесном вагончике. Не находил он себе места, страдал от нехватки воздуха, теснилось у него в груди и порой туманилось в голове. Он шел тогда в «кубрик» или пластался на кровати и спал. А какой может быть сон, когда его сосед Климов не расставался с книжками и газетами. Свет надоедливо не давал ему спать, и он болезненно все это воспринимал. Сосед был образованным интеллектуалом, и его мозгам постоянно требовалась загрузка. Он четко придерживался распорядка дня - и какие к нему могут быть претензии?

Время было перестроечное, и оно возвращало людям искусственно отобранную веру в Бога, забытые обычаи и потчевало недавно еще запретными темами. Вывел его как-то из себя назойливый свет лампочки, будто специально на него он был направлен! И свое раздражение он адресовал соседу, а может, захотелось ему просто поговорить, чтобы отвлечься от плохого настроения? Возможно хотел понять себя и найти ответы на мучащие его вопросы?

- Олег Николаевич, вот я татарин! Но только фамилия меня роднит с моим народом, а имя и отчество чужие для него. Мы с отцом утеряли свои родовые корни, и когда он умер, то его хоронили близкие по обычаям предков с муллой, и тут-то я понял, что живу по чужим правилам... почему?

Не лучше настроение было и у Климова, не в подходящий момент завел Александр Семенович свой разговор! В другое время Олег Николаевич нашел бы

нужное объяснение его сомнениям и развеял бы их, чтобы душа успокоилась. А тут он свое раздражение сердито и жестко обрушил на соседа:

- А я русский!.. Мои потери весомее, но я не задаю тебе дурацких вопросов!

Несколько опешил Александр Семенович от тона Климова, обычно он спокойный характером и ровный в отношениях, а тут столько недоброжелательства! Какая муха его укусила? Примирительно он продолжил свой разговор:

- Я больше телевизор смотрю... а ты вон читаешь много, вот я и подумал... может, развеешь мои сомнения?

- Да это проще пареной репы, - несколько успокаиваясь, поддержал миролюбиво настроение соседа. Он взял себя в руки и повел поучительный разговор: - Наши предки были одного поля ягоды, и жили в единении с природой и космосом... Поскреби любого русского и найдешь в нем татарина и наоборот! Православие впитало в себя много от ведов, даже праздники остались, лишь поменяли названия... скрыли от нас ту культуру, скрыли! А жаль! Много в ней полезного! А в шестнадцатом веке наши религиозные пути разошлись, и так было до революции. Потом нашим предкам стали вбивать безбожие... религия - опиум для народа! Убивали попов и мулл, грабили церкви и мечети, разрушали наши монастыри и всех подгоняли под одну безбожную гребенку... вот и терялась связь с родовыми корнями... Вселили в наши души бездуховность и образовалась там пустота!..

Остыл немного в своих метаниях Александр Семенович, ему Климов особо нового не открыл, разве вот только о единой ведической религии. Гласность приоткрыла многое из нашего прошлого, и чем больше узнавали о нем, тем больше понимали и осознавали скудность своих знаний. Согласился с Климовым Александр Семенович и в том же ключе поддержал его разговор:

- Видимо, не в чем нам упрекать друг друга, оба народа равно хлебнули горя, и советская власть одинаково обворовала память прошлого. Предали забвению родовые корни, а жаль! Не зная прошлого, трудно даже говорить о будущем.

Удивился своим мыслям Александр Семенович и сам не понял, откуда они у него появились такие умные. Вопросительно замолчал, поглядывая на Климова. А тот обрадовался такой разговорчивости соседа и неожиданной теме для беседы и доверительно сказал:

- Выдам сокровенную тайну ведической религии: она не запрещала заключать брачные союзы с несколькими женами, как и в исламе.

Взбодрило это известие Александра Семеновича, и он оживленно заметил:

- Это хорошо! - размагнитился Александр Семенович от их доверительного тона разговора между собой и пооткровенничал: - Слушай, я не могу поститься, как ты... наверное, перееду жить в Чернобыль.

- Бабы - не главное в жизни! - нравоучительно высказался Климов и продолжил разговор со знанием дела: - Здоровье можешь потерять! Воздух там загрязнен, много нуклидов... организму может не под силу их выводить...

Хорошо слышал соседа Александр Семенович и ясно понимал справедливость логики его убеждений. Но ему не хотелось борьбы с искушениями. Всю жизнь он к ним стремился и вдруг отказаться? Это было ему не под силу! Он кротко и беспечно отдавался стихии своих желаний. Бездумно и безрассудно!

По жизни Александр Семенович ветреным мужиком был, менял женщин чаще, чем места работы. А он их сменил немало! Женился, разводился и вновь искал! Сожалел только о бездумном разводе с первой женой Люсей. У них росла красавица дочь, он помогал им материально, не терял с ними связи и не оставлял без своего внимания. После развода с первой женой у него как-то все покатилося

неудержимо под откос. По работе не ладилось, личная жизнь не складывалась, и все женщины были хороши, пока заветную регистрацию не получали или не начинали жить вместе. А потом словно кто их менял, и требовали от него без соизмерения его возможностей. Болтался он, как дерьмо в проруби, пока не познакомился с Ириной. Она его очаровала и приклеила к себе, словно приворожила, и не было от нее ему хода. Получила штамп в паспорте о регистрации и через полтора года выгнала его из квартиры, предусмотрительно бросив вслед: «Импотент!» Но он-то знал, что это неправда, и его психика не заиклилась на переживаниях из-за этого. Ей все-таки двадцать пять, а ему уже полтинник! Конечно, разная у них потенция и энергетика.

Оставшись без семьи, без домашнего очага и уюта, попереживал он немного и лучшего ничего не придумал, как подался ликвидировать последствия аварии на ЧАЭС. Внутри теплилась надежда поднакопить денег и устроить потом по-новому свою беспутную жизнь.

В Чернобыле работало немало женщин - в основном в сфере обслуживания, в бухгалтерии, в аппарате управления организаций. И, как правило, ехали сюда в большинстве одинокие женщины или в разводе, их ничто не удерживало дома. Разве что только дети, но их обычно оставляли на попечение родителей. Они ехали за длинным рублем для тех же детей! Женщин в Чернобыле не обходили вниманием мужчины, и одиноким выпадал хороший шанс найти здесь суженого. Но редко кто им воспользовался, тут уж они сами виноваты, что торопили события и не противились искушению.

Вообще-то, женщины там были о себе высокого мнения и требовательные. У них был выбор, и они этим пользовались. В число престижных «кавалеров» входили те, кто имел служебные «Жигули», а еще лучше, если были закреплены чистые машины из киевского таксопарка. Обращали они внимание и на одежду. Афганская форма последнего пошива ценилась здесь выше одежды от какого-то Зайцева! Взыскательным требованиям женщин как никто другой отвечал Александр Семенович. Если еще учесть, что у него в центре города был персональный жилой дом с обслугой, то он шел у них вне конкуренции, нарасхват!

Успокоился Александр Семенович, внутри у него стихло от переживаний и метаний, а за спиной словно крылья выросли. Легко ему все давалось, активно он работал, не считаясь с временем, и все он успевал делать, не жалея себя в тех тяжелых условиях. Он отвечал за дезактивацию высоких фонов и обеспечивал внутри «Саркофага» работу ученых, создавая им безопасные условия для исследований. Все у него образумилось, вот только к радиации высокомерно относился. Не он ее должен остерегаться, а ей надо было его бояться! Ко всему он был еще заядлым курильщиком и грешил частенько сигаретой вблизи четвертого блока. В свое время его сдерживал Климов, если замечал, то нещадно ругал его.

- Себя травмишь!.. А за что людей гробишь?
- А я причем? - опешил он от ора интеллигента Климова.
- Пример начальства заразителен! ... Вон посмотри, рабочие курят и не боятся! Почему?.. Сам ответь, а я тебя, видимо, откомандирую домой!

И ушла душа в пятки у Александра Семеновича, испугался он такого исхода командировки, ему за это спасибо на работе не скажут, и не известно еще, чем все это кончится. Настоятельно стал упрашивать Климова оставить этот инцидент между ними, а он не даст больше такого повода. Нормально потом стал вести себя Александр Семенович, держал себя в рамках и не своевольничал. И таким был до тех пор, пока Климов работал. По окончании командировки передал он свои дела Александру Семеновичу, и тот у него же на глазах преобразился.

Поднял кверху нос, окреп голос, и подчеркнуто независимо с ним разговаривал. По какой-то надобности перед отъездом Климов заехал на совещание, которое проводил Александр Семенович в здании ХЖТО¹⁰ четвертого блока. Дым стоял в помещении такой, что хоть топор вешай! Увидели Климова люди, непроизвольно подтянулись и притихли, спешно туша сигареты. И только Александр Семенович небрежно заметил ему:

- Кончилась твоя власть, Олег Николаевич! Другая теперь и ты нам не указ!

Тишина застыла в помещении. Все хорошо понимали, что Климов не заслуживал такого к нему отношения. А его авторитет был бесконечно велик даже без должности! Не понимал этого только Александр Семенович, но и до него стало доходить, когда люди неодобрительно загудели в помещении и слышались уже возмущенные голоса. Климов поторопился уйти, досада его взяла, и он сказал ему на прощание:

- Указ для всех нас - требования безопасности! Свое не жалеешь здоровье, так другим побереги!

Климову большее хотелось сказать, особенно про его мальчишескую браваду и своеволие. Его показная раскованность и вседозволенность вредны делу. Но он ничего не сказал больше, расстроенный вышел из помещения. Видимо, недоброжелательство Александра Семеновича к Климову давно копилось, только не прорывалось наружу, сдерживалось. А вообще-то было, что и проявлялось!.. При осмотре жилого дома, где он собирался жить, Климов упрекнул его:

- Роскошествуешь не по карману! Поскромнее бы надо!

- Чужих денег, что ли, жалко? Не свои же платишь!

Недоброжелательно высказался Александр Семенович и затаился, ожидая реакции. Но Климов пропустил мимо ушей такой тон и подначил его:

- Успокойся... ты что всю жизнь здесь собираешься жить?

- Как минимум, года два, - не задумываясь, уверенно ответил Александр Семенович.

- О здоровье подумай, оно не вечное! - словно несмысленно напомнил Климов, но он видел, что тому эти слова, что горох о стенку, отлетает и не задерживается!

Прошло полтора года, и в квартире Климова раздался телефонный звонок от Александра Семеновича. Неожиданно он вдруг дал о себе знать, но Олег Николаевич искренне ему обрадовался. Все-таки не один месяц они прожили бок о бок и поработали в таких трудных и сложных условиях. Этого не забыть и немало по жизни стоило! Хорошим специалистом и грамотным руководителем был Александр Семенович, не считая его закидонов с женщинами. В общем по работе к нему не придерешься, если не считать его пренебрежения вопросами безопасности.

- Какими судьбами... может, в гости заедешь?

- Не могу... на консультацию направили медики Киева в институт онкологии... рад бы в рай, да грехи не пускают, - сожаление слышалось в его негромком голосе.

Грустно рассмеялся, и трубка телефона не передала его жизнерадостного и бодрого тона. Потом высказал просьбу, из-за которой звонил:

- Тут у вас в Обнинске смешные порядки, все по талонам. Сахара жена не может купить!

¹⁰ ХЖТО – хранилище жидких и твердых отходов

- Привезу... что еще надо?.. - охотно согласился Климов помочь ему, зная особенности своего города. Распределительная система уже давно действовала здесь по указанию секретаря горкома партии. Своим - все, чужим - ничего! Но Александр Семенович отказался от других услуг, а Климов как истинный хлебосольный русский человек, участливый к людям, с двумя набитыми сумками явился к нему в гостиницу. Обрадовались оба их встрече, растрогались - и пошли разговоры о черныбыльских буднях, и невольно заговорили о здоровье. Благодарно принял его приезд и заботу Александр Семенович, но заметил:

- Завтра уезжаю, чего столь много принес?
- От души дружище, от души! - расстроено пожал плечами Климов, а потом поинтересовался: - Когда следующий приезд?
- Через полгода, а сейчас взял отпуск на два месяца и вот с женой и дочкой хоть отдохнем вместе.

- А потом куда? - не скрывал своего любопытства Климов.
- В Чернобыль, там мое место! - удрученно он это сказал, как о какой обязательной необходимости. - Да, кстати, я бросил курить!

Не сдержал он своего хвастовства и сказал это показательно горделиво. Достоинство такое чувство гордости, бросать курить трудно курящим людям, и это происходит обычно в двух случаях: первый - когда человек сильной воли, а второй - болезнь заставляет! Третьего не дано!

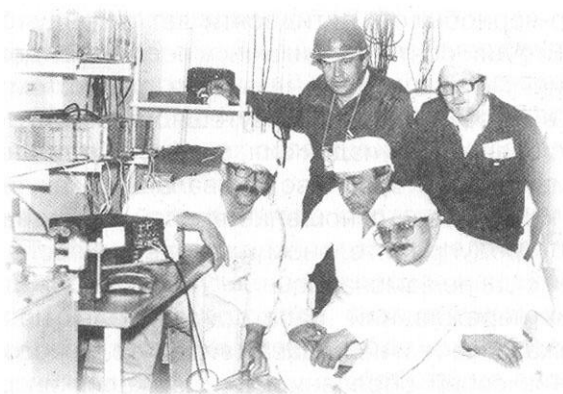
- Что можно сказать? Молодец! - похвалил участливо Климов.
- Твоя школа, - неожиданно откровенно выдал Александр Семенович, и Климов посчитал его слова за мелкий подхалимаж на прощание в качестве извинения.
- Вдвойне рад, если в том моя заслуга. В общем, молодец!

С грустью провожал Климов своего приятеля, пугливо замельтешились его мысли, вытаскивая из закоулков памяти печальные истории про онкологических больных. Он со многими докторами института атомной радиологии был знаком по работе, а один из них соседствовал с ним по даче. От них он и слышался о многих неутешительных историях, особенно после черныбыльской катастрофы.

Своим внешним видом Александр Семенович расстроил Климова. И он провожал с ощущением его полной безнадежности и беззащитности перед болезнью. Хорошо еще, что к нему не пришло понимание своей участи, и он не пал духом. Климов особо обрадовался, увидев рядом с ним Люсю, его первую жену. Воссоединился он с семьей, и Люся заботливо восприняла его болезнь и повсюду сопровождала, куда бы ни направляли мужа на консультации и лечение. Вид у него был болезненный, и никак не вязался с его прежней живостью и свежим цветом лица. Он мечтательно говорил о своих планах завершения работ на четвертом блоке и желании переехать из Шевченко в центральную полосу России. О дочери говорил, о домике на берегу маленькой речки и о многом другом. Олег Николаевич радовался его радужным планам, а где-то внутри у него засело беспокойство, и с сожалением он смотрел на Александра Семеновича, сочувствуя горькой участи его жены.

Появился он в Обнинске не через полгода, а спустя два месяца и вновь со своей Люсей. Его положили в онкологическое отделение, и Климов предложил Люсе воспользоваться его гостеприимством и остановиться у него. Но ей не нужна была гостиница, она не отходила от любимого Саши, днями боролась вместе с ним за его жизнь. Александр Семенович отказывался от встреч с Климовым и вообще с кем-либо, не хотел никого видеть и слышать, кроме дорогой Люси. Ей всецело он доверился и на ее руках ушел он из жизни. Она простила ему все измены и прегрешения, до последнего часа боролась за его

здоровье и помогла спокойно уйти из жизни не покинутым и не забытым. А это важно и многого стоит в последние дни жизни человека!

ЗАТЯНУВШИЙСЯ ПОИСК

Тревожен человек в одиночестве на больничной койке. Неугомонно тягучи его мысли от беспокойного поиска своей вины и путей, средств возвращения в здоровую жизнь. Настойчиво въедливо всплывает в памяти прошлое со своими неудачами, страхами, недугами, и тревожат душу переживания. В бездушной больничной палате почему-то редко вспоминается хорошее и приятное. А вот плохое и душещипательное как-то злостно и въедливо выплывает из памяти. Может, это на генной основе заложено в человеке, чтобы учиться на своих ошибках? Но оставаться повседневно наедине с такими тяжелыми думами о прошлом, о его ликвидационных работах на взорвавшемся реакторе?.. Становится нестерпимо, а сердцу тревожно за исход из больничной палаты.

Лишние переживания из-за той грязной, неблагодарной и никем не оцененной работы вредны лишь ему. Поздно вспоминать все перипетии той злополучной работы, ничего не исправишь, только настроение портится, да сердце горечью полнится от безысходности и раздражения. А это вредно только ему в его состоянии, учитывая, что и надежды у него остались весьма призрачные. Он, Олег Климов, ликвидатор-чернобылец, пятидесяти лет от роду, безнадежно болен! Его дни сочтены! Никаких у него нет видов на выздоровление! По жизни он был всегда реалистом и смотрел правде в глаза. А к такому безутешному выводу он пришел, почувствовав вдруг упадок сил, слабость, паутинки в глазах, интенсивность которых увеличивалась с каждым днем, и увидев к себе иное отношение врачей, по их нарочито назойливо-предупредительному поведению, чего раньше за ними никогда не замечалось.

Своих переживаний, расстройства Олег не показывал, все держал в себе и не подавал вида, что до него уже дошло осознание своей обреченности. Держался он ровно, спокойно, будто свыкся со своей безнадежностью, но иногда появлял свой обычный оптимизм и уверенно разговаривал с врачами, если его не одолевала слабость. На праздник медицинского работника он постарался одарить докторов фарфоровыми изделиями из Гжели. Его царские подарки удивили врачей, особенно заведованием, которая на Климова давно уже махнула рукой, оставаясь участливой к нему лишь из-за своего

профессионализма. По обязанности она собиралась с врачами у постели больного, а, когда жена Климова вручала роскошные подарки (для начала 1990-х годов!), больной их шокировал своим пафосным лозунгом:

- Слава нашей советской... тьфу ты, российской медицине!

Откуда только в нем силы появились, чтобы так громко и энергично произнести. Последнее время голос у него сел, и он говорил тихо, сиплым шепотом и в его словах не было фальши, искренне он их произнес. Почувствовала заведующая Лидия Васильевна укор в свой адрес и скрытый подтекст его слов. Она извинительно улыбнулась, не стала оправдываться, а с сожалением выговорила:

- Спасибо, стараемся! Но не все пока получается... спасибо за подарок!

А Климов с помощью жены поднялся с трудом из постели. Будто живой скелет предстал перед врачами. Натянул на себя бодрую улыбку, насколько это можно было в его состоянии, и затопал ногами, а потом уверенно произнес:

- Лидия Васильевна, у нас с вами получится! Видите, уже пляшу в честь вашего праздника!

И та не скрыла своего удивления и участливо сказала:

- Нет безвыходных состояний! Люди порой возвращаются к жизни из невозможного. А у тебя, Олег, не так уж все и плохо! А коль еще такая сильная воля, думаю, что долго будешь жить!

По неизвестным для Климова обстоятельствам среди группы медиков оказалась врач из соседнего корпуса Наталья Владимировна. Случайно она попала или ей было интересно посмотреть на больного, счет отпущенным дням жизни которого давно уже истек. Уходила она последней, пожала с сочувствием ему руку и одобряюще проговорила:

- Попробую вам помочь, пришлю моего друга по институту... доверьтесь ему и ничему не удивляйтесь... он особый человек!

Олегу бросили спасительную соломинку, но и ее слабенькая плавучесть подняла в нем бурю ожиданий и убежденность выздоровления.

В его палате Сергей Михайлович появился буквально на следующий день. Симпатичный улыбающийся мужчина с ласковыми голубыми глазами и с внимательным отношением к любому слову, просьбе пациента. Он долго не раздумывал и много не говорил. Внимательно смотрел на больного, будто в его глазах он видел причину болезни. А потом обильно помыл руки водой из-под крана и приступил к работе, если можно так выразиться по поводу его манипуляций руками над Климовым, лежащим с закрытыми глазами в постели. Ослаб больной, и ему привычно было вводить себя в полудрему и отдыхать. Он не видел «колдовства» Сергея Михайловича над ним, единственно, что его удивило, так это частое потирание ладоней и их шуршащий звук, который не давал ему забыться. Около часа длилась процедура, и, когда Олег открыл глаза, он увидел усталое, напряженное лицо с красными отливами на щеках, тусклый взгляд не пойми какого цвета глаз и усталость во всем облике Сергея Михайловича. Он поспешил в туалетную комнату, где ему специально были припасены принадлежности и полотенце. Долго журчала вода в кране и слышался шум умывания. Возвратился он в палату с влажным лицом, тусклой улыбкой, усталым, и виду него был переутомленный.

- А теперь вставайте! - бодренько он начал командовать, - вставайте, вставайте и походите!

- Не могу, больше месяца не ходил, - испуганно ответил Олег, не веря услышанному.

- А сейчас пойдете! - настойчиво сказал он и его мягкая улыбка одобряюще действовала на Олега, и он попытался встать. Оперся руками о стену и сделал

первые шаги в палате. И у него получилось, его ноги слушались, они принимали сигналы от головы. Осмелев, он оторвался от стены, вышел, балансируя руками, в коридор и остановился. Не решился он дальше идти, вдруг сил не хватит и получится первый блин комом. Возвратился в палату радостно-возбужденный и сел на постель. Не лег как обычно, а опустился на нее и сел, выжидательно с благодарностью поглядывая на спасителя.

С этого дня начался нетрадиционный процесс лечения Климова и он благотворно сказывался на его здоровье. Он получал живительную энергию через Сергея Михайловича и появилась надежда на его возвращение к нормальной жизни. Но именно с этого времени и стала его беспокоить память прошлого. Она напоминала о себе беспокойным временем его работы на взорвавшемся блоке. Он думал, что детали его ликвидационных работ давно выветрились из памяти и стерлись. И вдруг они стали напоминать о себе и тревожить почти каждую ночь. Почему-то чаще всего снился поиск прохода на отметку +42.0 для установки телескопического манипулятора («руки Криворучко») с приемной телевизионной камерой для наблюдения за состоянием реактора разрушенного блока.

Мельтешил сумрак лестниц, наполняя сон тревогами и переживаниями. Темная лестница, по ней шли на ощупь в надежде найти переход на светлую лестницу. Шли в абсолютной темноте по языку бетона вместо ступеней, единственные ориентиры - перильное ограждение. Нашли узкий лаз по свету из него, Олег еле протиснулся в тесное отверстие, и пот его прошибал от страха застрять. По светлой лестнице вышли к развалам реактора, словно обширная панорама кратера предстала перед ними в полумраке нагромождений и хаоса. По наклонным поверхностям железобетонных панелей стен, лавируя между вентиляционными коробами, поднялись на высшую точку откоса развала и увидели вверху заветную площадку с отметкой +42.0 м. Там были КИПовские помещения, там есть выход в зал реактора и оттуда надо выставить манипулятор с тем, чтобы наблюдать за оставшейся частью реактора. Но далекий туда путь, трудный, невозможный! И люди, люди, люди! И уже по длинному узкому мосту, защищенному листами свинца поднимался он к заветной отметке. Проход по самому верхнему коридору здания реактора пугал черным провалом шириной в пять-шесть метров между ограждением «Саркофага» и торцом здания четвертого блока. Он, словно «тартар» для грешников, был угрожающе страшен! О его сорокаметровой глубине лишь напоминали узкие полоски света, проникающие сквозь щели «Саркофага». На отметке мусорно, бесхозно, и осколки ТВЭЛов, графита безжалостно, словно фурии древних римлян, мстили и карали за разрушенный реактор. Жутко работать в высоких радиационных полях в 150-200 р. Но от груды мусора на +42.0 шел фон в 2000 р. Это так было, как и наплывающая во сне спекшаяся стекловидная черная лава помещения 207 с вкраплениями топлива и графита (по этой причине и цвет ее такой). Он хорошо знал, что высокий фон радиации она излучала, цифры даже не подлежали осмыслению. Но почему-то именно он должен вручную брать пробу, и шел он обреченно к ней с кувалдой, чтобы отбить кусочек. Он в глубине сознания понимал, что его ожидало 18 000 р., но он шел потому что обязан, - и это надо! Если не он, то кто? Обречено он шел, приближаясь к «слоновой ноге», так прозвали лаву за схожесть с ней. Каждый раз он не доходил до цели и в страхе просыпался с лихорадочной дрожью и весь мокрый.

Доверительно об этом он рассказал Лидии Васильевне, что всколыхнулось воображение от плохих воспоминаний, поэтому и наплывают тяжелые сновидения, и она его успокоила. Посоветовала перед сном не думать о болезни,

а о чем-то светлом, радостном, и с хорошим настроением засыпать. Невольно она разбередила его сердечную рану. Ушла от него после Чернобыля любимая женщина. Слишком взыскательной она была в своих требованиях и не получала от него желаемого. Тогда уже в нем давала о себе знать болезнь. Вместо того, чтобы помочь ему словом и участием, она забрала сына и оставила его наедине со своими горькими думами. Хорошо еще, что не запил из-за отчаяния и горя, а женился вскорости, и вторая жена оказалась заботливой и участливой, благодаря которой он еще и живет. Его разум тесно связан с Катериной, его второй женой. А вот сердце выкрала, утащила окаянная первая, и не теплится там больше ни к кому. А о той и вспоминать не хочется, слишком все тяжело, непросто и горько!

Разговор с Лидией Васильевной не успокоил его психику, не наполнились перед сном его положительные эмоции, и он беспокойно спал, как и прежде. Только вот темы сменились. Не всплывала больше во сне кувалда, не наполнила страхом лава, «слоновья нога», и не возвращались работы, связанные с отметкой +42.0. Зато в подробностях стал видеть во сне переплетения труб в длинном помещении главных насосов (ГН) на уровне груди. До такой отметки было залито помещение бетоном. Полумрак посреди зала, а за трубами скрывалась абсолютная темнота стен. А там где-то входная дверь, в которую вошли и ее никак не могли найти три человека во главе с Климовым. Фонари не работали из-за высоких фонов и он всю ночь беспокойно метался во сне в своем поиске. Их охватил тогда гнетущий страх потеряться, а один из них уже сдрейфил, панически напугался сам и пугал остальных безысходностью поиска. Все это вновь оживало во сне и дополнялось угрожающими картинками. Но Климов и здесь взял себя в руки и научился прерывать такие тяжелые сны. Старался просыпаться и отключаться от навязчивой темы, чтобы сердце успокаивалось и не стучало так надрывно.

На больничной койке человек представлен самому себе, со своими размышлениями, думами, переживаниями. Из своего прошлого Климов выуживал причины своей болезни. Отрадно, что хоть рак обошел его стороной, да и не могло быть по другому. Почему сердце не знает рака? Потому что оно постоянно работает! Так и он вечно в работе, и у него хорошая наследственность! А на ликвидационных работах он тщательно соблюдал безопасность и выверено вел себя. Но консилиум врачей видел истоки болезни в его работе на аварии в Чернобыле. Естественно, что пребывание в высоких радиационных полях на любого человека окажет свое воздействие. Но его состояние зависело от настроения организма, психологического самочувствия и принимаемых им защитных мер. Это он хорошо знал, и это было его правилом, он им руководствовался! У него иная причина болезни, он сам погубил себя, истощил свой организм. В последние восемь лет работал до самозабвения, без регулярного сна и отдыха, без отпусков и при частых стрессах. Ему надо было помочь организму восстановиться, а врачи не хотели этого знать, слышать и продолжали брать разные анализы и проверяли его на компьютерах, томографе. Вырезали на шее лимфоузел, из желудка взяли на проверку ткань, отщипнули из груди костный мозг, запускали изотоп в кровеносные сосуды и что только с ним ни делали, а их концепция никак не подтверждалась. И отправили его в хирургическое отделение, чтобы разрезать живот и посмотреть воочию состояние органов. Климов принял это за шутку председателя консилиума, но он ему на полном серьезе подтвердил о таком приеме в медицине, они вынуждены им воспользоваться.

Андрей Иванович, - в отчаянии спрашивал Климов медицинское светило, - но вы ничего там не найдете, как не нашли в лимфоузле, костном мозге, в ткани желудка?

- Не найдем - зашьем! Зато будем знать! - спокойно и бездушно пояснил, как будто речь шла о разборке какой-то машинки.

И перевели Климова в хирургическое отделение, несмотря на его возражения. А он уже вовсе потерял аппетит, организм не принимал пищу, а высокая температура тела продолжала его ежедневно донимать. Она начинала подниматься с двенадцати часов и к вечеру достигала 38,5-39° и отпускала на отдых лишь в восемь утра.

Ослаб организм, еле теплилась жизнь, и то благодаря Сергею Михайловичу, который до изнеможения себя доводил, поддерживая в нем живительную энергию жизни, и давал настрой на выздоровление. И Климов сам в себе будил прошлое, возвращался в то здоровое для него время, укреплял неутомимое желание памяти и оживали перед ним события, люди и насыщался он воспоминаниями. Обычно после этого его посещали приятные сны, и иногда он просыпался отдохнувшим. Ему казалось, что его славное здоровое прошлое направляло в него энергию жизни и заставляло верить в свои силы.

Хирурги не стали резать Климова, внимательно посмотрел историю болезни Николай Никодимович и иронично посмеялся, не стесняясь пациента:

- Андрюша в своем ампула!.. А сам-то дал согласие на операцию?

- Нет! - проговорил с надеждой Олег.

- Вот тебе на! - воскликнул главный хирург, а подумав, одобрительно высказался: - И правильно сделал... попробуем лечить методом тыка.

И прописал он Климову гормоны, шесть таблеток преднизолона в день. Странное дело, вскорости возвратился к нему аппетит, а через неделю он уже всю ходил по палате и по коридорам. Вселял в его утихающую плоть энергию манипуляциями рук Сергей Михайлович, а вечерами по телефону он поднимал в нем настрой и не отпускал до тех пор, пока не вышел он на маршрутные дорожки больницы. В него возвращалась жизнь! И туманилась голова от сладостных надежд возвращения домой, на работу. А сердце наполнилось довольством и радостью в своих ожиданиях. И Климов не знал, кого благодарить за это? Убеленного сединами и мудростью хирурга Николая Никодимыча? Бесспорно! Заботливого Сергея Михайловича? Вне всякого сомнения! Он много сил потратил для его здоровья. Но он благодарен и памяти, поднявшей из небытия его лучшие доблестные времена и людей, с которыми он так жизнерадостно общался и дружно работал. Этим он полнил себя положительными эмоциями и настроен на борьбу с болезнью. А благодарен ли он консилиуму врачей, которые в течение четырех месяцев не помогали здоровью, а искали причину болезни? Внутри у него не теплился утвердительный ответ, слишком бездушно воспринимали они больного. Не выявили они причины болезни, не поставили правильного диагноза, и метания врачей в подходах были схожими с беспокойным их поиском выхода в полумраке помещения главных насосов на четвертом блоке. Долго они тогда искали в темноте ту злополучную дверь, но все-таки нашли. А именитые врачи так и зациклились на одном. И не поставили они правильного диагноза, не помогли Климову.

Спасибо медицине, что она допускала в практике пользоваться «методом тыка». И большая благодарность рано ушедшему из жизни великому врачу - нефрологу Владимиру Владимировичу Суре, принявшему на себя после хирургии заботы о Климове. Мир не без добрых и не без мудрых людей! Они возвратили к жизни Олега Климова, вырвав его из затянувшегося поиска.

ДОСАДА

Ну что поделаешь, у каждого своя странность, а вот Сергея Сергеевича медом не корми, позволь ему женщина поцеловать ее. И все норовил в губы, да так страстно, будто и в самом деле захватывало его. В молодости он больше увлекался своим пристрастием, а в зрелом возрасте остепенился, и уже его странность больше была адресована жене. По случаю и без него, по праздникам и в застолья он всегда произносил здравицу в честь супруги и принародно первым взывал к собравшимся:

- Горько!

А тем, только и надо было, почему бы не потрафить хорошему человеку с его же женой, и дружно скандировали, почище, чем на свадьбе.

- Горько, горько, горько!

И жена с удовольствием воспринимала его шутки и целовалась.

Нагрянула беда на страну, взорвался четвертый блок на Чернобыльской атомной станции, и судьба забросила Сергея Сергеевича туда на ликвидационные работы. Долго там задержался, но в день рождения супруги он вырвался на денек, чтобы поддержать их семейную традицию вместе отмечать дни рождения. Не государством определены семьям такие праздники, поэтому и праздновали каждая в силу своих традиций. Все же они свои, домашние, установленные семьей для ее крепости и долговечности, в воспитательных целях для детей.

Естественно, что за столом пошли расспросы, что да как там в Чернобыле. Ему было что рассказать, в самом пекле работал и многое повидал. А от него просили и уже требовали подробностей и намекали о них. Хорошо понимал Сергей Сергеевич их тему интереса, и ему свежи в памяти байки и анекдоты про потенцию, ходившие там. Злободневной она была, и часто вели разговоры о ней среди ликвидаторов, и они нагоняли страх на вновь прибывших и заставляли интенсивно самообразовываться. И он решил немного разыграть гостей и поизгаляться над их неграмотностью.

- Береженого Бог бережет... я там не снимаю свинцовые трусы, даже сплю в них.

- А другие?... Снимают? - не унимались гости в своей любознательности.

- Вероятно!.. Коль жалобы на потенцию есть!

- А как же ты спишь в них? Неудобно?

Они сочувствующе поглядывали на Сергея Сергеевича, а он продолжал «парить им мозги».

- Рахметов на гвоздях спал и отдыхал, а тут всего лишь трусы.

Он говорил убедительно и на полном серьезе, оживленно загалдели гости, особенно женщины, услышав такую новость. Сергей Сергеевич примолк с усмешкой наблюдая за разговорами, а потом, словно что вспомнил, сказал:

- Трусы защищают от гамма-лучей, а от нуклидов и слабых лучей нет никаких средств защиты... Я сейчас вам продемонстрирую, - и встал из-за стола, вышел молча в кабинет и вернулся с небольшим прибором, размером чуть больше коробки сигарет. Проверил его исправность, настроил включением каких-то кнопок и приблизил его к жене и нажал кнопку. Коробка пикнула, а он стал ею водить вдоль лица, по волосам, по спине и больше звуков не было слышно. И он интригуяюще без разъяснений обратил внимание собравшихся:

- А вот теперь посмотрите, как прибор реагирует на меня, на чернобыльца!

Приблизил прибор к своему лицу, провел им вдоль волос, и он непрерывно пищал, надрывно извещал о чем-то неприятном:

- Пи-пи-пи-пи...

Сергей Сергеевич пояснил, что это экспериментальный прибор, изготовлен специалистами из курчатовского института для простоты замеров альфа- и бета-излучений. Он помогал людям познавать степень загрязненности и необходимость очистки от нее. Но трудно избавиться от радиоактивных частиц, непросто их смыть, а изнутри из органов просто не убрать. Для этого время надо, а пока сам становишься источником загрязнения. Подошел к жене, встал позади нее, обнял и стал целовать лицо, не прикасаясь к губам. Покраснел весь от удовольствия, в кайф ему свое пристрастие. Потом взял в руку прибор и провел им вдоль лица жены, и он стал трещать надрывное свое «пи-пи-пи-пи»!

Жена недовольно отстранилась от него и испуганно выговорила:

- Не подходи! Ты что? Заразить всех нас хочешь?

Снисходительно засмеялся Сергей Сергеевич, а потом провел краткую беседу о радиозагрязнении. Напомнил он этим грамотным людям азы школьной физики об альфа-, бета- и гамма-излучениях и как они ведут себя по отношению к человеку. И торжество в честь дня рождения жены неволью переросло в ликбез по радиационной безопасности. А после того, как насытилась их любознательность, праздник пошел своим чередом. Поднабрались, повеселились и, как всегда пили за здоровье его жены, и он не преминул воспользоваться случаем и закричал:

- Горько!

Его дружно поддержали громкоголосым хором:

- Горько! Горько! Горько!

И он привычно потянулся к жене, а она в страхе отпрянула и предупредила на полном серьезе:

- Не подходи! Вот когда смоешь грязь и твоя пикалка перестанет пипикать, тогда и подходи!

Она была категорична, и он хорошо знал ее упрямый характер. Стушевался немного, отступился от нее и сел, расстроенный, на другой край стола. В одиночестве и со скукой воспринимал продолжавшееся торжество, нещадно себя ругая за просветительство собравшихся. Лучше бы он им ничего не рассказывал, непосвященным людям проще и легче живется! И ему бы было хорошо!

ШЕЛЬМЕЦ!

Муторно и беспокойно на душе Левона от службы в «грязном» Чернобыле. Однообразно одетые люди малоразговорчивы, малообщительны и в поведении какие-то сдержанные. Ему показалось, что эта отрешенность и их замкнутость - от страха перед радиацией. И он утихомирив в себе желание быть на виду и присмирив со своим беспокойным озорным характером. Особенно он был незаметным и тихим, работая внутри «Саркофага». При приближении к нему его брала какая-то оторопь, он его завораживал и пугал. Изобретательный ум Левона придумал опустить дозиметр в сапоги, поближе к источнику радиоизлучения, а не подвешивать на груди. Он случайно подслушал разговор двух умных людей, что на высоте один метр от земли уровень радиации понижается в два раза. Замеры доз облучения после посещения высоких загрязненных зон у Левона оказывались выше других, и значительно. Он мухлевал до тех пор, пока не попало от начальства службе дозконтроля. Почтенного возраста дозиметрист, разбирающий его дело, выжидательно долго смотрел на него, внимательно, изучающее, как на диковинку, пронизывая его укоризненным взглядом. После длительной паузы спросил с усмешкой:

- Сам добровольно признаешься или расследование проводить?
- А чего признаваться? - напугался Левон неизвестности, тут особая зона и могут быть свои законы. Откуда ему их знать!
- Все люди в бригаде не набрали и по пяти бэр, а у тебя зашкалило аж за 15? Как такое может быть?
- Откуда мне знать? - нагло натянул на себя маску простачка Левон, а сам замер в ожидании.
- Хорошо... будем оформлять дело о мошенничестве!.. Или? - и замер дозиметрист, твердо поглядывая на хитрого армянина.
- Пусть будет «или»! - поспешно согласился Левон.
- Молодец, а то не обобрался бы неприятностей... так и быть, отправлю тебя к быку, так называется у нас санпропускник номер один. Там нет особо радиации и не будет возможностей обманывать!

Сердечно поблагодарил Левон благожелательного руководителя дозконтроля и отправился к новому месту работы. Этот санпропускник оставил за собой название с первого года аварии, а сейчас он фактически стал перевалочным складом для спецодежды и средств дозконтроля. Располагался он на бывшей колхозной ферме для коров, и отличительной его особенностью была внушительная скульптура быка, призванного олицетворять силу и мощь природы. Особенно постарался скульптор изваять его мужское достоинство и оно хорошо просматривалось вместе со скульптурой едущими людьми по дороге Киев - Чернобыль. На повороте к ферме стоял этот внушительный постамент с мощным быком, прямо вблизи республиканской трассы...

И вот однажды засветилось, стало фосфоресцировать в темноте мужское достоинство быка и бросилось в глаза высокому начальству. Большие неприятности вышли, и срочно стали очищать краску. Много людей на это не поставишь, поручили одному солдату и тот дня три чистил. Не было у него подручных химических средств и скребком убирал краску, да ножиком. Но не успел очистить, как вновь какой-то шутник его покрасил, и солдат недовольно говорил своему начальству:

- Так и буду чистить яйца быку? Спросят меня дома и что я им отвечу, чем занимался тут?

Огорченный, недовольный солдат оговаривался каждый раз, когда его вновь заставляли чистить достоинство быка после очередной выходки шутника.

Смеялись над ним сослуживцы, подначивали, и никто из солдат не изъявлял желания заменить его и заняться этим неблагодарным делом. А Левон с удовольствием взялся, но поставил условие, чтобы справку ему дали о профессии в Чернобыле - «яйцедрал».

- А почему такое название? - удивились его требованию.

- Есть же слово «драить», а сложите вместе и получится то, чем буду заниматься... А дома в военкомате пусть поломают голову, им-то я уж докажу что почем!

И посмеивался довольный Левон, что наконец-то и здесь он становится приметной фигурой, коль уже выдвигает начальству свои условия.

Продолжалось хулиганство с покраской мужских достопримечательностей быка и при Левоне, но что-то уж очень часто и тот кроме работы «яйцедрала», ничем больше не занимался.

И вот перед самым его отъездом попался Левон с поличным начальнику, не заметил он его, когда рано утром красил гуашью мужские достопримечательности быка. Но вынужден был признаться и раскаяться перед этим улыбающимся добродушным начальником. Действительно, он рано утром ежедневно сам их красил гуашью, а вечером смывал краску.

- При мне вас же никто не ругал?.. На гуашь никакая краска не ложилась, а шутники пробовали, но отстали, подумали, что кто-то подхватил их почин... Защищал я эту скульптуру от глумления и поощрить бы надо, а не ругать!

Умно вывернулся Левон, хитро повернул разговор и начальнику настроения не испортил. А тот вообще прибалдел от пройдохи и восторженно ему заметил на прощание:

- Ох и шельмец ты, Левон! Далеко пойдешь! Может, сермяжная правда и была в твоих действиях? Да кто ее знает..., ладно, счастливого пути!

Выдали Левону хорошую премию и по доброму с ним распрощался начальник. Сдержал он слово и вручил ему, словно в насмешку, справку, что работал тот «яйцедралом» и получил дозу облучения в 7,8 бэр. Но не передал Левон эту справку военкомату, вовремя одумался, а то потянулась бы за ним эта кликуха на всю оставшуюся жизнь. Переборщил он с ней, не рассчитал и потому пугливо о ней помалкивал. А то ведь и не очистишься, он же не скульптура!

БОЛЬШЕ БАНЬ - МЕНЬШЕ БЕСОВ!

Немыслимо представить толпы командируемых людей на ликвидацию аварии в ЧАЭС. Их размещение, питание, доставка к рабочим местам, досуг без спиртного - все это хлопотно, затратно и стесненно в возможностях. Неимоверные усилия прилагали на местах, а московские руководители изыскивали средства, ресурсы, людей и старательно обеспечивали всем необходимым для проведения ликвидационных работ.

И в этой сутолоке забот и раздираемых беспокойств Олег Климов, верный своей привычке еженедельно посещать баню, решил и в таких непростых условиях приспособить под нее пустующий вагончик. А чтобы и бассейн получился, он притащил с конца огорода металлическую емкость, служившую прежним хозяевам для запаса воды для полива огорода кубов на пятнадцать. Их команда ликвидаторов жила в вагончиках, размещенных прямо на территории огорода частного дома. Приноровился Олег и получился у него небольшой банный комплекс: парилочка, моечная, раздевалка и бассейн. Ну что еще банщику надо в таких полевых условиях?

Нашли шамотный кирпич, на любой стройке он тогда водился, и сделали из него каменку. Внизу в прорезанные бороздки положили спираль киловатт на 15, накрыли ее чугунным отопительным радиатором и подсоединили его к баку с водой куба на полтора, чтобы была всегда горячая вода. А сверху радиатора уложили навалом гранитных камней. И парилка радовала Олега своей простотой, и жар в ней стоял, даже после отключения электричества за счет нагретых камней.

Вопрос встал о вениках, попросил он шоферов нарвать березовых веток, а связать уже сам он свяжет в свободное время. Им же все равно делать нечего целый день. Привезли своих руководителей на работу и до вечера мучились от безделья. Не допросился он их, боялись леса из-за радиации. Делать было нечего, и сам надрал веток, навязал два десятка веников и под вагончиком повесил их сушиться. Предварительно помыл под струей воды и смыл с них радиационную грязь. Вагончик был приподнят над землей, чтобы вход в баню был на уровне с зеркалом бассейна. И стал он париться с веничком, щедро его одаривал жар и тело несказанно было радо привычной процедуре, особенно после холодного бассейна.

Баловал себя банькой Олег дважды в неделю. Вначале на него люди смотрели, как на «тронутого шизой», но его одержимость банькой и рассказы о том, что с потом он освобождался от альфа- и бета-частиц и что самочувствие резко улучшилось, вызывало у людей немалый интерес. Стали к нему напрашиваться в баньку много желающих, но всех не вместить, и он графиком распределил их по дням и часам, чтобы удовлетворить побольше жаждущих. Сам же удивлялся такой заинтересованности людей, которые еще недавно над ним так насмехались и подначивали. Однажды с ним в парной оказался молодой парень, тихий такой, с ласковым взглядом и неторопливым мягким голосом. Он больше молчал, мало принимал участия в их разговорах, но в парной азартно парился сам и, более того, старался чаще парить других, будто в нем неумная сила была и жар на него не влиял. Парил умеючи, со старанием, хорошо массировал тело и протирал старательно веничком кожу, стирал с нее всю грязь, сальные отложения, высвобождаемые из пор тела. Понравился этот Алексей, так звали парня и разговорился с ним Олег:

- Где же научился банной мудрости?

- В монастыре, - тихо и со значением произнес тот, как о само собой разумеющем факте.

- Не понял, - удивился Олег, он впервые в жизни встречался с человеком, имеющим прямое отношение к монашеству Жил же в безбожном времени, и вот так просто встретить человека из необычного мира? Это было ему удивительно и он поинтересовался, каким образом из монастыря попал в Чернобыль.

- А что тут особенного? - спросил Алексей и пояснил: - Монастырские проживают такую же жизнь, как и все. Только на себя накладывают обет и ограничения, чтобы высвободить душу от мирских забот для познания Бога.

Ничего не понял Олег из сказанного и продолжал его выспрашивать с любопытством:

- А сюда как попал из монастыря?

- Пока я послушник и не оформился в монастыре, пришла повестка и по благословлению настоятеля приехал делать святое дело.

Оказалось все так просто, но Олег не успокоился и продолжал удовлетворять свой интерес:

- А где учился?

- Бауманку закончил, работал в оборонке, но потянуло в монахи, душа просила, поддался ее искушению и рад этому...

И чем больше говорил Алексей, тем больше Климов Олег открывал для себя неизвестные страницы православия. Об этом он никогда не задумывался, вырос в атеистической семье, в церкви никогда не был и разговоров подобных ни с кем не вел. И откуда им взяться в то безбожное время, коль вместо Всевышнего чтили учение великого Ленина? Его скульптуры стояли во всех селах и городах на центральных площадях. К ним люди шли в торжественные моменты, в праздники, возлагали цветы и славил его, который считался «живее всех живых». Невольно разговор их перевелся на чернобыльские события и Алексей уверенно говорил, что свою руку к аварии приложил дьявол. Ему по душе расплзающееся Зло от радиозаражения и что бесы радуются нуклидам, особенно, когда они проникают в человека. Вот тут уже усомнился Олег:

- В чем же их интерес?

- Творить человеку зло... они же всегда с нами рядом, их можно лишь отпугнуть молитвой, крестным знаменем и... жаром парилки. Они боятся высокой температуры и бегут заполошно из бани.

Свихнулись мозги у Алексея или у него самого, и Олег, не веря, переспросил:

- Вот так просто и бегут от жара?

- Да, именно!

- Ты о них говоришь, как о чем-то естественном, и кто их видел?

- Не обязательно увидеть, их бесовщину чувствуешь и видишь результат, коль допустил и дал им волю.

- Не верю, все слова, - стоял в своем безбожии Олег, не укладывалось все это у него в голове.

- А ты зайти на крестины детей в церкви и увидишь, - подсказал Алексей, сочувствующе поглядывая на Олега.

- Что там можно увидеть? - удивился Климов.

- Плач ребенка не принятого еще Богом, и его успокоение на глазах при крещении, а после умиротворенность чада... у него уже иной взгляд на родителей, на мир...

- Неужели правда? - упорно продолжал сомневаться Олег.

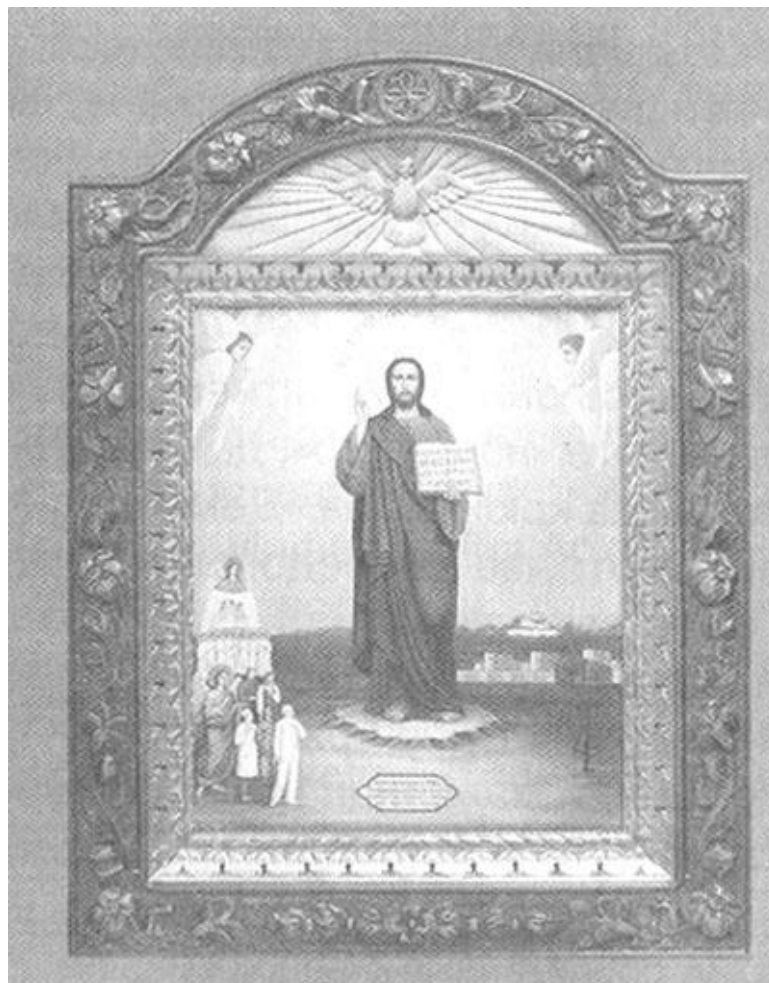
- Зачем мне тебя вводить в заблуждение? Не для того пошел в монастырь.

Олег тяжело переваривал в голове полученную информацию, ничего ему не сказал в ответ, а только предложил со смешком:

- Ну что же, пошли изгонять бесов?
- С удовольствием, - откликнулся Алексей, а Олег с сожалением заметил:
- Жалко, что не каждому это дано! Всех бы надо пропускать через парилку, глядишь, и бесовщины поменьше бы стало.

Алексей доброжелательно рассмеялся и одобрительно согласился:

- И то правда... больше бань - меньше бесов!

СКРОМНЫЕ ЗАПРОСЫ

Беспокойно было на душе у Архипова в последнее время. Что-то не спалось ему и сон не шел к нему совсем он пропал. Ворочался на кровати всю ночь, и одолевали его тревожные мысли, перебирал в уме возможные варианты очистки кровли машзала четвертого блока. Не шла там работа, не получалась, будто кто специально им вредил, чтобы сорвали они сроки их выполнения. Он, главный инженер района, лично нес ответственность за них. Более того, сам напросился, привык брать на себя ответственность, и тут его привычка быть впереди стала подводить. Не хватало ему еще прослыть болтуном или хвастуном. Он достаточно еще молод, и прозвище может прилипнуть к нему на всю оставшуюся жизнь. А для карьеры это не на пользу Амбициозен Виктор Александрович Архипов, потому и мятежный у него сон и беспокойно на душе.

Пасмурной и прохладной погодой начался сентябрь. Редкие капли дождя сеялись с неба и несли массу проблем их работам с «промокашками»¹¹. Недавно еще страдали из-за нехватки «КРАЗов» для транспортировки отходов, а сегодня и машины есть, и могильники по приему отходов работали круглосуточно, но зато их дела просто остановились. Не прилипали «промокашки» к влажным поверхностям кровель. Пустой оказывалась работа, не захватывали они радиационную грязь. А те, что наклеивали в сухую погоду, не отрывались. Задержались они с их снятием из-за отсутствия машин и приклеились те «намертво», да так, что приподнимали кровлю. Повесили на крюк крана «Демага» динамометр, и он показал 13 тонн, а отрыва не следовало. Несущая часть крыши машзала была выполнена из металлопрофиля, поэтому она и вздыбливалась от таких усилий, колыхалась и грохотала. И страх тревожил душу Архипова, как бы что не случилось. Рухнет крыша, и мало не покажется. Одно дело, что ее надо восстанавливать, но и другое, что радиационная грязь вновь покроет очищенные поверхности первых трех блоков и потребуются десятки тысяч людей для их очистки. С такими работами шутки плохи! Не оберешься неприятностей на всю оставшуюся жизнь. И первый сигнал уже прозвенел не далее как неделю назад. Одна из «промокашек» легла на молниеотвод и при отрыве захватила его с собой, но не удержала. Сорвался он с высоты десяти метров, пробил кровлю и наделал столько шума, что дошло до Правительственной комиссии. И загрязнение произошло на других блоках, еле отмазались от неприятности. Других ему еще не хватало! Пошел он с дозиметристами, обследовал тщательно всю кровлю и хорошо сделал, что лично пошел. Опасной она оказалась, с ловушками для людей. При аварии ее пробило во многих местах, особенно вблизи разъединительной стены с третьим блоком. Опасные дыры и провалы закрыли еще год назад. Набросали двенадцатиметровые металлические листы из штамп-настила, без крепежа, без соединения между собой. Просто закрыли ими отверстия и двигаться по настилу было сродни ходьбе по тонкому льду, не знаешь, где провалишься. Настил под ногами колыхался, и каждый шаг сопровождался грохотом железа. Фон уцелевших мест кровли колебался от 40 до 60 р/час, а по парапетам он доходил до 100 р/час. Набрался он тогда по полной программе этой радиации, но с пользой был выход его на кровлю. Семь ловушек обнаружил и лично вычертил схему безопасного передвижения людей по крыше, которой и ориентировался потом при работе.

¹¹ «Промокашки» - безлюдный метод дезактивации. Представляют собой маты 10х2 м, пропитанные клеевой смолой

Не обещало пасмурное утро Архипову нормальной работы, и он не поехал на четвертый блок. С утра остался в конторе и по его просьбе заместитель начальника УС-605 Климов О.Н.¹² собрал заинтересованных лиц, и обсудили работы по дезактивации кровли. Информация Архипова не вносила ясности, а лишь множила проблемы.

- Погоду нам не заказать, - удрученно заметил Олег Николаевич, - но «Демагу» надо помогать.

Не сделал открытия руководитель, все понимали, что следует подрубать промокашки по периметру. При аварии горячие частицы так растопили битум и рубероид, что они сплывались в единую массу и пропитали утеплитель. Пробную рубку делали в хорошую погоду, но было очень ограничено время на работу, и топоры просто вязли в битуме. Проход на кровлю был организован с чистой кровли третьего блока по приставным лестницам через разъединительную стенку. По пути к месту работы люди уже набирали норму облучения. И все понимали, что надо искать более безопасный маршрут. Флегматично-интеллигентный заместитель руководителя службы дозиметристов Александр Почтаков нарушил свое молчание и предложил:

- Чего бесполезно тратить здесь время? Поехали на место и поищем нужный маршрут.

- Из деаэрационной надо делать выход, - проговорил Виктор Архипов, он в этом был уже уверен. Но лично такое решение не имел права принимать, надо ему было узаконить проектом производства работ. Словно угадал его мысль Климов и послал Архипова за технологом Чуприным, чтобы, не откладывая дела в долгий ящик, сегодня и оформить все необходимые решения.

Из Чернобыля на ЧАЭС ехали на «Жигулях», но по приезде на место пересели в освинцованный автобус, и он подвез их прямо к деаэрационной. Двери и проходы в здание были засыпаны двухметровым слоем щебня. Иного метода борьбы с радиацией на первых порах не придумали - всю прилегающую территорию засыпали таким образом. Поэтому в здание деаэрационной проникли через оконный проем. Почтаков взял инициативу в свои руки, убрал металлический лист, заменяющий стекло, и первым пролез внутрь, а за ним последовали остальные, всецело ему доверившись. Уверенно чувствовал себя внутри помещений Почтаков, видимо, не раз здесь бывал и знал, куда им идти. Он увлек всех за собой в зияющую темень проема входа на лестничную клетку.

- А фонаря нет? - спросил Климов, начальнику привычно вопросы задавать, оно всегда умно задним числом, а сам тоже не подумал заранее.

- Спички есть, - отреагировал Почтаков и пояснил: - С ними привычнее, они надежнее, а фонари - нет!

Почтаков не принял упрека начальника, ему виднее, с чем ходить, и первым двинулся по лестничной клетке, заметив остальным:

- Крепче держитесь поручня... не споткнетесь!

Шли в темноте на ощупь, крепко перехватываясь руками за перила лестницы, слегка задерживаясь на площадках. На отметке плюс шесть нашли в сумеречном свете комнату, фон в ней оказался небольшим - 10-15 миллирентген. Долго не задержались здесь, вновь пошли по темноте вверх и уже на отметке шестнадцать метров задержались во втором помещении, фон в котором тоже не превысил пятнадцать миллирентген. Из него вышли в коридор, через забитые окна

¹² Климов О.Н. – псевдоним одного из руководителей УС-605

проникал туда свет, и они пошли вдоль стены по оси В в сторону реактора. Почтаков по ходу оповещал о резко меняющемся фоне:

- Сорок... семьдесят... двести...

Шли молча, и первым не выдержал Климов:

- Дышит, гад! - в сердцах высказался, в голове у него промелькнула мысль: а вдруг на этой отметке придется оборудовать помещения отстоя и контроля.

- Пойдем выше, - спокойно предложил Почтаков и у всех появилась надежда, что они найдут то, что ищут.

Вновь по темноте вверх, чувствовалась в воздухе пыль, хотя все были в «лепестках». Привычно уже в них ходить, но подниматься вверх было тяжело, да и возраст у всех далеко не юный, поэтому и тяжело дышалось. Но вверху забрезжил свет, пришло какое-то облегчение, и поднялось настроение, пошли даже шуточки:

- Обмыть бы такое дело, - не сдержался тяжеловатый Чуприн и слова его прозвучали просьбой, а не шуткой.

- У меня есть с собой, - поддержал тему шустрый Архипов.

- Но, но! - грозно предупредил Климов, - Нуклидов наглотаться решили?

- Шутят, Олег Николаевич, - успокоил его Почтаков, первым добравшийся до двадцать четвертой отметки. Фон оказался достаточно сносный, не более десяти миллирентген, и он, объявляя его, заметил, что пол из пластика, мокрая уборка понизит уровень загрязнения.

Железобетонная лестница закончилась, но нужно было подниматься еще выше! Наверх вела уже крутая металлическая лестница. Свет проникал откуда-то сверху и легче было ориентироваться. Но подниматься было тяжело, а шаги гулко раздавались в узком пространстве лестничной клетки и поэтому особо не торопились, но и зря нигде не задерживались. Войдя в вентиляционный центр на тридцать второй отметке, без разговоров все поняли, что их подъем окончился и что нашли то, что искали. В помещении стояли целехонькие вентагрегаты и бесчисленное количество венткоробов. Для выхода людей на кровлю машинного зала надо было пробивать проем в стене из железобетонных панелей. Фон в этом месте был семьдесят миллирентген, решили по методике его понижения, определили места и схемы освещения, сигнализации, громкоговорящей связи. Приемные камеры для мониторов решили установить на кровле деаэрационной для большего обзора, но помещение отстоя оборудовать на двадцать четвертой отметке.

С чувством выполненного долга и довольными возвращались в автобус, и настроение им подняли еще замеры их облучения. Всего по 0,013 бэра у каждого и это вместо 0,4-0,9 бэра по ранее разработанному маршруту за это время.

Не напрасно беспокойно себя чувствовал Архипов последнее время, оценка труда района, а вместе с ней и премии, напрямую зависели в Чернобыле от успешного выполнения утвержденной тематики и графика-задания. А у них на кровле был застой, спячка, и дела не шли. Не зря Виктор волновался, зато при ясности задач и работа пошла. За два дня выполнили все подготовительные работы по новому маршруту, и Архипов лично подобрал команду «партизан» из знакомых и из тех, кому подходило время отъезда, но оставался у них еще резерв в 0,9-1,55 бэра для работы в высоких полях. Люди с пониманием откликнулись на просьбу главного инженера и добровольно согласились поработать с этими «промокашками».

На земле, в чистой зоне, на стенде ознакомили всех с конструкцией «промокашек», методами обруба примыканий и особенностями кровельного слоя, со схемой их движения по маршруту и очередностью следования. Для их

уверенности рассказали о контролирующих средствах, об их времени работы и системе оповещения. До автоматизма отработали все детали, вплоть до того, где брать топоры и где их оставлять после работы.

По монитору наблюдал Архипов с замиранием сердца работу первой команды. Вроде подобрал степенных и серьезных мужиков, но только они вышли на кровлю, как сразу засуетились, судорожно задвигались в поиске топоров.

- Слева топоры, слева от выхода берите, - подсказывал им громко Архипов по связи. Опамятовались, схватили топоры и подбежали к ближайшей «промокашке», которую лишь вчера наклеили, и стали ее рубить.

- С шестьдесят первой работайте! - ориентирует Архипов в раздражении, - кому говорят, шестьдесят первая!

Нервно бегали люди по кровле, размахивая топорами. Он уже беспокоился, чтобы не саданули друг друга. Время было упущено, безрезультатным получился их выход. Виктор Александрович сдержался, не упрекнул людей, но вторую команду инструктировал уже с показом по монитору схемы их действий. Вроде всем было ясно, и он для верности отправил с командой начальника участка. И вновь было видно по монитору, будто подменили людей: суета, поспешность, нерасчетливость. Начальник участка старался их организовать на работу, но ни один удар топора не достигал цели. Дошло до того, что вместо удара топором по краю один из рабочих стал перерубать соединяющий трос «промокашки» с пирамидой захвата крюком крана. Команда «на выход» застала людей врасплох, спешно побросали топоры и возвратились. Не выдержали нервы Архипова, матюкнулся он на начальника участка и сам возглавил следующую команду. Уж он-то вдохнет в них уверенность в работе! Не будут копошиться, как жуки в навозной куче!

Вновь по монитору людям все объяснил, рассказал о суете предыдущих команд и спросил:

- Задание понятно?

- Так точно, - дружно ответили «партизаны», но в их голосах не чувствовалось особой бодрости.

- Может, кто передумал идти? - постарался Архипов поиграть на их самолюбии.

- Мы что, трусы? - возмутились наперебой, и уже в голосах чувствовалась твердость.

Дружно их команда выбежала на кровлю, но топоров на месте не оказалось. Предыдущие ребята в страхе их разбросали по крыше. Архипов лично поспешил собрать топоры, вручил каждому в руки и сам стал рубить. А люди застыли, как вкопанные, и следили за его работой, он же им закричал:

- Рубите! Рубите! Чего стоите?

Суета и торопливость и здесь породили неразбериху, уже стали рубить саму «промокашку», да так старательно, что можно только удивляться дисгармонии ума и действий. В ярости заорал на них Архипов с матом:

- ...здесь, здесь рубите, - и пальцем показал места рубя.

Сошло оцепенение с людей и они начали работать. Но опять один из них взъярился на трос и начал рубить, а его хороший знакомый Алексей вроде и рубил края «промокашки», а получалось что целился себе в обувь и при опускании топора поспешно скакал назад. Третий рабочий рубил по краю, но топор вяз в битуме, и он решил чистить его лезвие. Плюнул на всех Архипов и давай сам работать, но по громкоговорящей связи шла уже команда об окончании их времени.

- Топоры на место! - крикнул вслед убегающим Архипов, а сам дорубывал лицевой край «промокашки».

Возвратившись в мониторинную, дал необходимые распоряжения о снятии подрубленной им «промокашки». И когда ее, снятую, опускали в кузов машины, провели замеры, и они дали хорошие результаты. «Промокашка» захватила клеевым составом грязи до 20-35 рентген. И это было отрадно, главное, что начало было сделано, а со временем и люди приспособятся и выполнят эту работу.

Учили при инструктажах предыдущий опыт, тщательно все поясняли людям, и те уже не спеша выходили на кровлю и помогали «промокашкам» отрываться от крыши.

Отлегло на душе у Архипова, успокоился он и возвратился к нему крепкий сон. Но почему-то ему часто вспоминались те ребята, с кем он тогда выходил на кровлю. Особенно у него не выходило из головы поведение Алексея, вроде собранный такой мужик и не робкого десятка, а на тебе - топором и по носам своих ботинок! И скакал он от него, что кенгуру, только назад. Не помог он им морально собраться, не убедил и не настроил их психику, почему так заполошно и вели себя. Но начало-то было положено!

И погода стала под стать настроению: сухая и ровная. Возвратилось солнышко в Полесье, высушило оно кровлю машинного зала и стала работа спориться. О чем Архипову и мечталось, а до этого только печалился. Не велики у него были запросы, совсем малые, скромные. Ему хотелось всего лишь, чтобы работа спорилась, да и только.

ПОЛЫНЬ - ТРАВА ЗАБВЕНИЯ

Неспокойная служба у Никиты, невозможно ему заглянуть в свое будущее и спланировать что-либо для себя, семьи. Жил, словно на действующем вулкане, только и жди перемен. Ничего постоянного, больше переменчивого. Размеренность жизни и покой ему только снились. Вроде уже два года в полковниках, на солидной должности в центральном аппарате, в Москву переведен, знает хорошо свое дело. Жить бы да жить им всей семьей! Но с квартирой проблема и это не его персональная беда, а скудость финансирования строительства жилья для военнослужащих. Вот и скитаются бедолаги офицеры по частным квартирам Подмоскovie. Они со Светой отказались от такой перспективы, и она с детьми осталась в Ленинграде, в своей теплой, обжитой квартире.

А тут вызвал Никиту заместитель министра и обнадежил с получением квартиры. Обрадовался он приятному известию, но тут же потухло настроение. Нужно ему ехать в командировку на два месяца в Чернобыль.

- Двух лет не прошло, как я из Афгана вернулся, - пытался Никита найти спасительную защиту.

- Ну и что? - недовольно уставился руководитель. - Детей настругал?.. Тебе их больше не делать! Чего бояться? Пять окладов! Что, лишние для твоей большой семьи? Пенсия повышенная... и квартира без очереди!

Умело убеждал его руководитель, знал психику своих подчиненных и выверенно напирал на их слабости. Никите нечего было возразить, и единственное что спросил:

- Когда ехать?

- Завтра!

Холостяцкие сборы были недолгие. Сообщил семье, что уезжает в длительную командировку с инспекционной проверкой по Сибири. Не рассказал жене правды, зачем лишний раз ее огорчать и вносить беспокойство в семью.

В Чернобыле он оказался в распоряжении оперативной группы особой зоны. Между собой для простоты эту зону прозвали «ОГАЗ», и такое сочетание чаще всего звучало в разговорах. Поселили его в общежитии на «Зеленом мысу», в чистой зоне, и на автобусах ежедневно доставляли к месту службы.

Оперативной группе особой зоны придавали войсковые части, и их задачей была дезактивация полей в помещениях третьего блока АЭС, включая вентиляционные системы, которые работали несколько часов после аварии, очистка от загрязнений вспомогательных зданий и сооружений и промплощадки в целом. Вручную промывали дезактивирующим раствором с разными добавками, а часто просто водой с использованием специальных машин и гидропылесосов. Местами на очистке оборудования применялась съемная полимерная пленка - наносился на обрабатываемую поверхность раствор, который, полимеризуясь, образовывал пленку, абсорбирующую радиоактивные загрязнения.

ОГАЗ занимала просторное помещение вестибюля административного здания первого блока, отгороженное от прохода людей, занятых на эксплуатации реактора. Столы штабных офицеров теснились друг к другу, свободный проход был только к центральному, за которым сидели дежурные и руководитель ОГАЗа. По стенам, на подставках и тыльной стороне книжных шкафов висели красочные схемы, старательно вычерченные ситуационные планы и разные графики. Суебно было по утрам в помещении от множества народа, но ближе к обеду стихал разноголосый шум и пустели места. Офицеры выходили в курильни или

собирались в укромных местах для разговоров. Никита быстро освоился в ОГОЗе, он попал в родную и привычную офицерскую среду. Он перезнакомился со всеми и постарался запомнить каждого по имени, отчеству, чтобы потом не ссылаться на свою забывчивость. По его мнению, эта черта не красила человека, наоборот, подчеркивала ограниченный уровень его умственных способностей. Хорошо зная это, Никита старался потом после знакомства всё записать в свою карманную книжку.

О чем бы ни вели беседы офицеры в свободные минуты, всегда разговор возвращался к ликвидационным работам и влиянию зон радиационных загрязнений на людей. Часто они поднимали себе настроение свежими байками или анекдотами. И этот заразительный смех, доверительные беседы и разговоры объединяли людей и не позволяли им замкнуться в себе со своими мрачными думами.

Вскорости интерес к таким сборищам стал проявлять Никита со своим непоседливым характером и любовью к острому словцу. Он брал просто между прочим свободные стулья и садился с кем-нибудь в углу у окна. Делали вид, что они уединились и не хотят мешать другим. Но дурной пример всегда заразителен, и к ним уже часто присоединялись другие, чтобы слегка размяться или отвлечься от этих горьких цифр по радиации. А за окном открывался нерадостный вид на вспомогательные здания, вокруг которых засыпано щебенкой метра на два. В панельном одноэтажном здании бывшей столовой, едва виднелись верха оконных проемов, заложенных кирпичом. В одном из проемов сквозь этот мощный слой щебенки, огороженной кирпичом, был виден спуск внутрь здания. Приятно ласкала глаза только свежееасфальтированная дорога, блестящая влагой от обильно политой воды. И всюду люди, до неузнаваемости одинаковы, экипированные в спецодежду, каски, «лепестки».

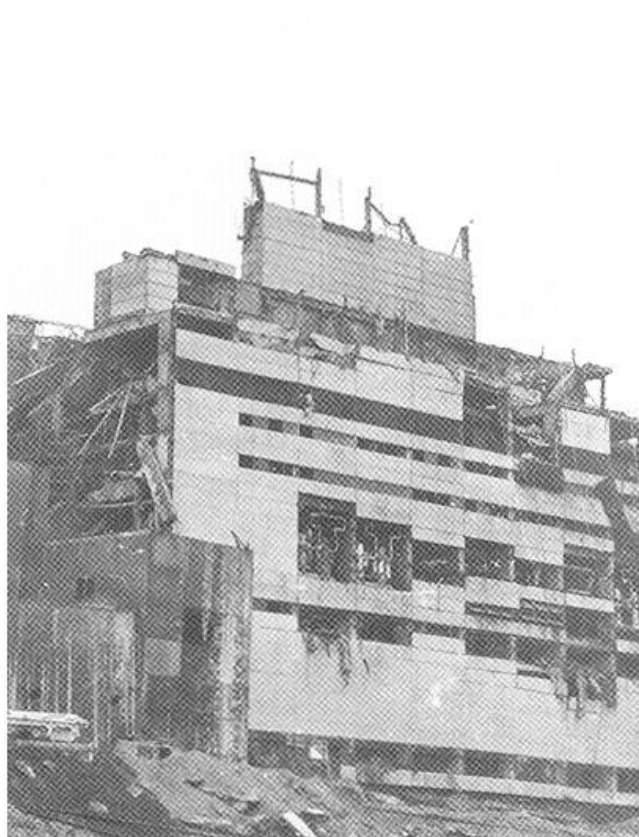
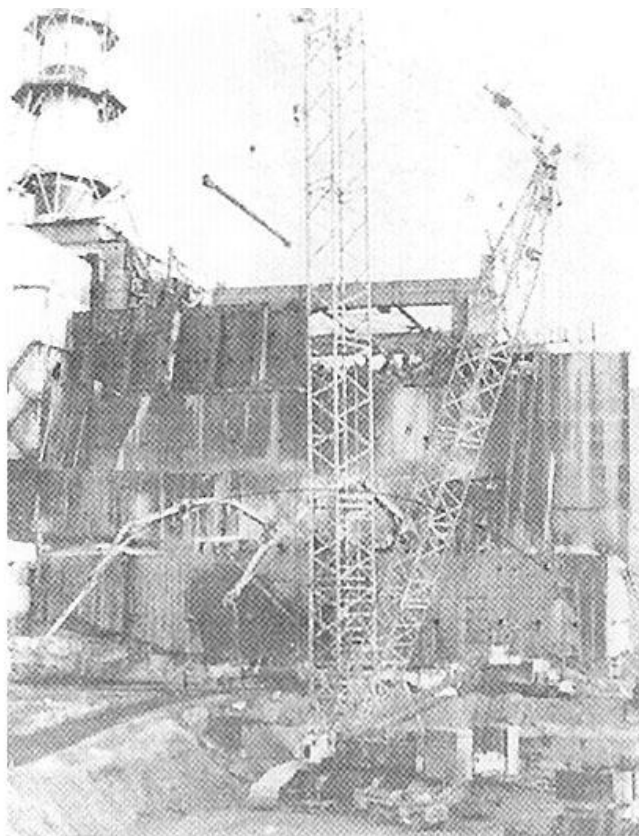
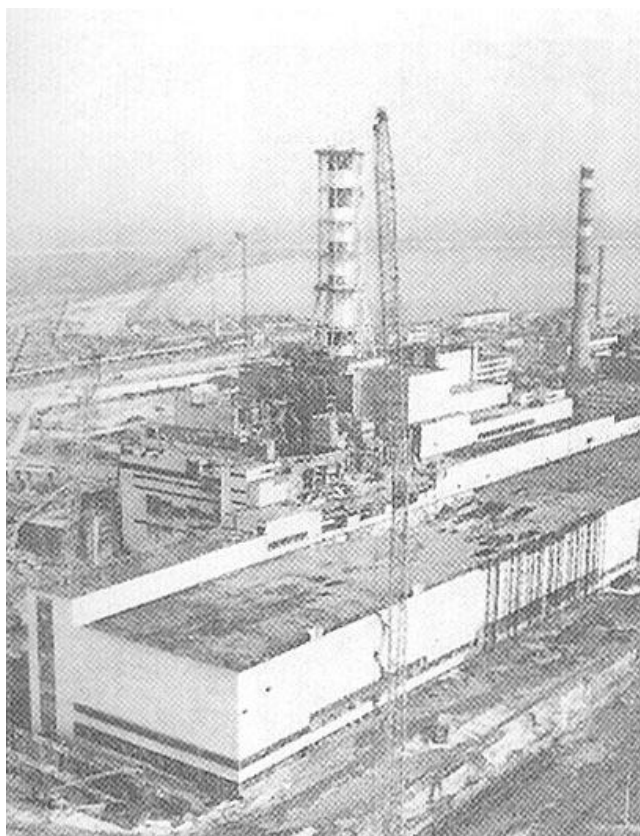
- Н-да! - горько вымолвил полковник Назаров Владимир Сергеевич, доктор технических наук, командированный в ОГОЗ из научного центра, - забвением уже покрывается станция, изначального на АЭС не увидишь!.. Ведь Чернобыль по-русски - это полынь. А она трава забвения. Она служила колдунам средством вызывания злых духов... не символично ли?

Начало разговора положено, и редко кто из офицеров оспаривал истины доктора Назарова. Вот только «курчатовец» Николай Степанович порой ему перечил, и они уже вдвоем вели умные беседы, а остальные лишь слушали. Николай Степанович из Физико-энергетического института им. Курчатова часто по делам бывал в ОГОЗе и с охотой поддерживал познавательные, интеллектуальные разговоры.

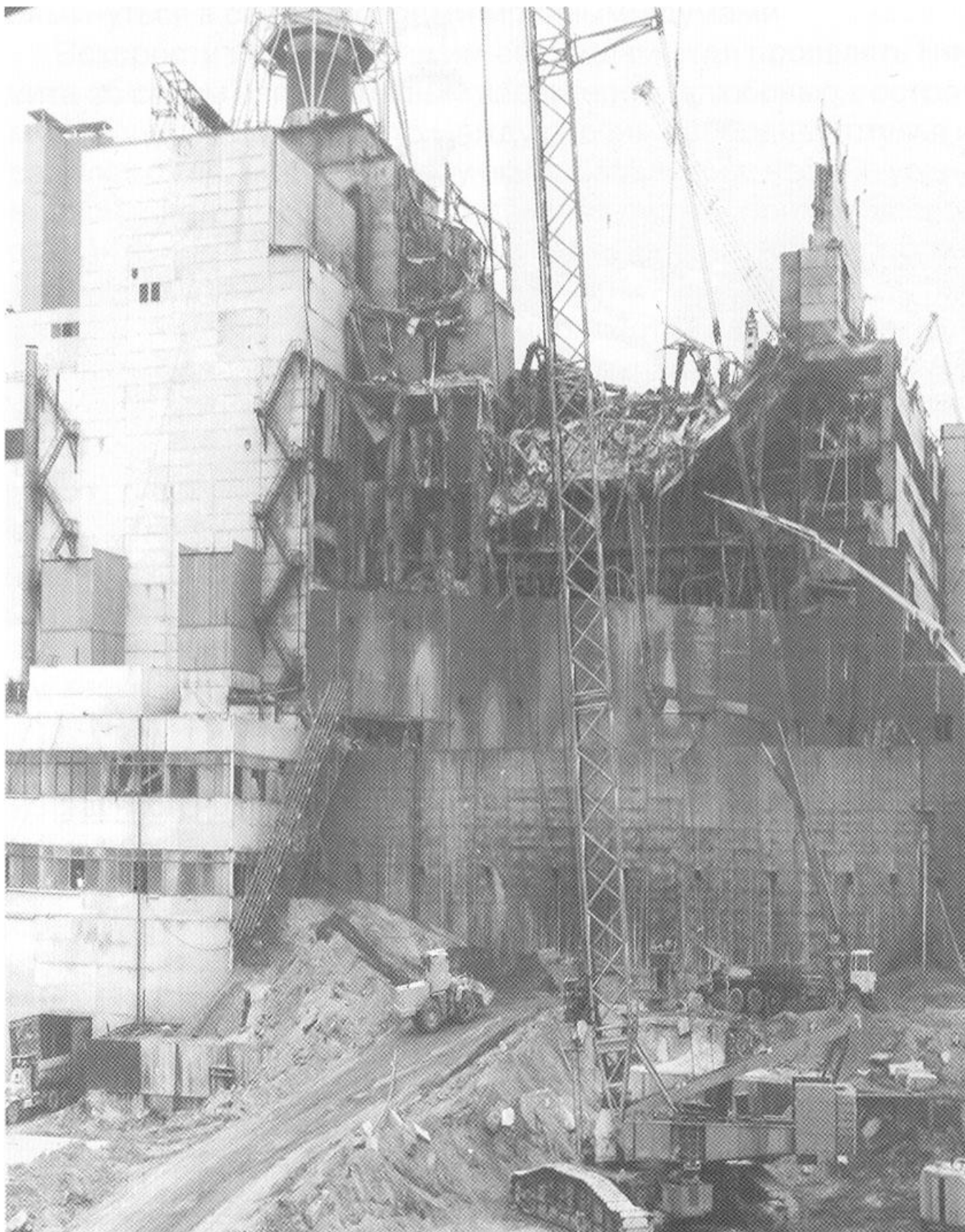
- Полынь имеет и другое название, - возразил Николай Степанович и пояснил: - лунная трава. Горение ладанки с полынью и лавровым листом навевает пророческие сны... - вопросительно посмотрел на примолкнувшего полковника Назарова, понял, что не получит возражения, продолжил, - Листок полыни в обувь - и дорога покажется менее утомительной!

- Наука, лучше расскажите нам, как эта радиация влияет на потенцию? - нервно встрял в разговор ученых подполковник Евсеев Николай Никодимович. На его сумрачном худом лице редко увидишь улыбку. Замкнутый и весь сосредоточенный в себе, он часто тянул пальцы к блестящей лысине, легонько поглаживал ее, словно пробуждал мысли в подкорке к выходу из затруднительного положения.

Фотоархив свидетельствует

1986 год.
Развалы четвёртого блока Чернобыльской атомной электростанции

Фрагмент объекта крупным планом

Напряженный темп работы.

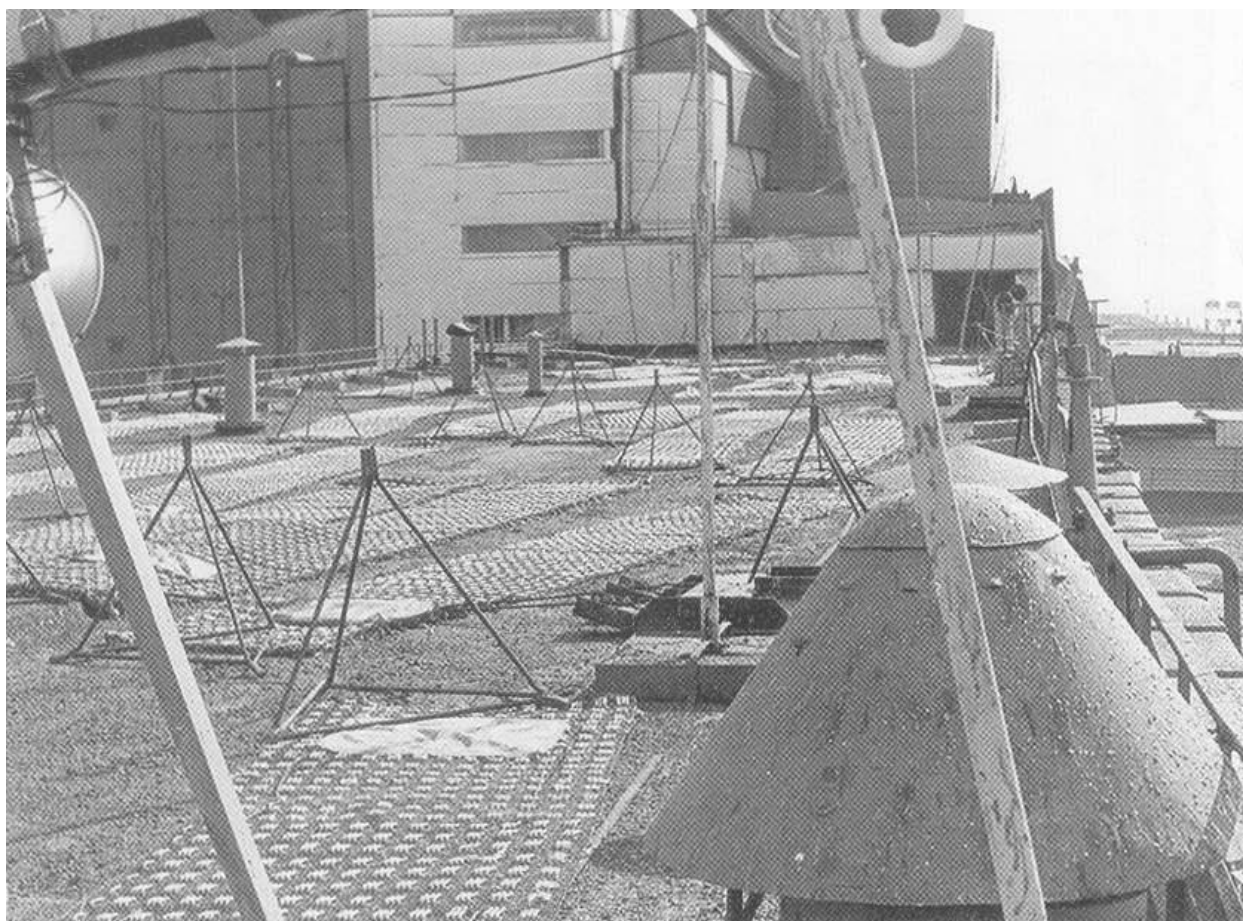
Пропуск А.И. Калачева на въезд в зону Чернобыля

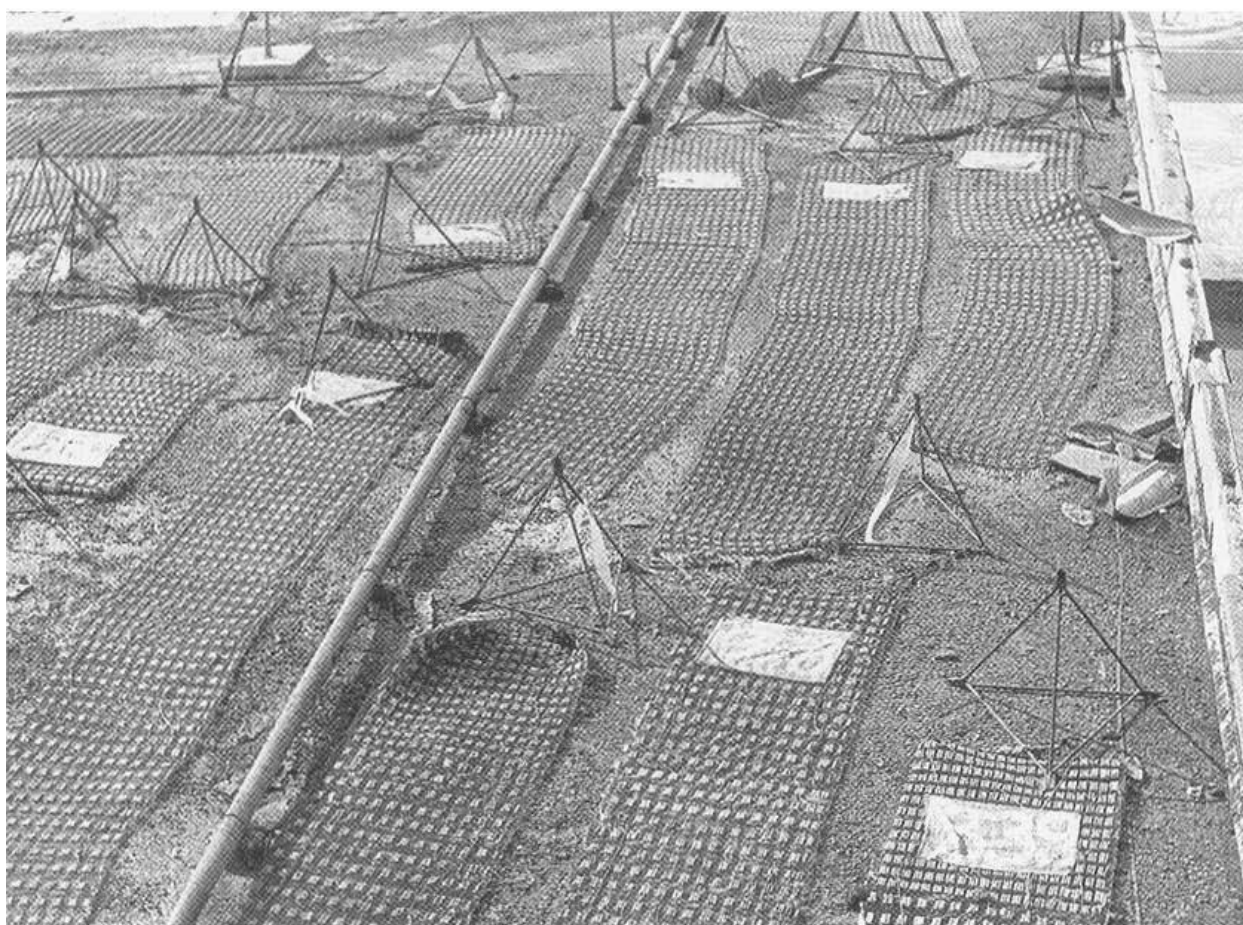
Рабочие будни. В центре - А. И. Калачёв.

*Перед обследованием отметки +42,00.
Второй справа - А.И. Калачёв.*

«Промокашки» на деаэрационной (к рассказу «Скромные запросы»)

«Промокашки» на машинном зале (к рассказу «Скромные запросы»)

Строители

Отдельные моменты на рабочей площадке
(к повести «Подранки»)

Вахта окончена. Снимок с министром на память

Фото на память

фото на објекте

Вручение грамот на объекте

О тех днях напоминают награды...

Торжественное собрание по поводу празднования 70-летия Октября. Чернобыль. 7 ноября 1987 года

Руководство УС-605. 7 ноября 1987 года. Девятый слева – заместитель начальника УС-605 А.И. Калачёв

Начальник 11-го Главного управления Минсредмаша
Константин Николаевич Москвин
(к повести «Подранки»)

А.И. Калачёв (третий справа) с героям повести «Торопился жить!»
Владимиром Владимировичем Преображенским (второй слева)

Никита умышленно не вступал в умные разговоры ученых, он больше слушал их и запоминал. Сам он мало читал книг в своей жизни, и нечем ему похвалиться или удивить сослуживцев. Он мог их потчевать только армейскими байками или анекдотами. Поэтому помалкивал в ожидании своего часа, и он наступил с вопросом Евсеева.

- Плохо влияет, Николай Никодимович... Вон сколько объявлений в Киеве на каждом шагу... меняю большого висячего на маленький, но стоячий, а в придачу даю машину и дачу!

Насмешил Никита народ новым анекдотом, но расстроил Евсеева. Тот и не скрыл этого, обреченно махнул рукой в его сторону и раздраженно проговорил:

- Вам все хиханьки да хаханьки? Вот побываете в высоких полях и задумаетесь... да поздно будет.

- Да я уже был, - нашелся Никита.

- Прихватите с мое и тогда поймете, - угрюмо закончил разговор Евсеев, навеявая недосказанностью мрачные мысли.

Отношение к радиации в офицерской среде было настороженным, она пугала их неизвестностью. Практика уже показала, что такие опасения не напрасны. Особенно боязнь появляется у новичков на первых порах. Первые дозы облучения вносили беспокойство за свое здоровье. Никита одно время занимался со своими военнослужащими, «партизанами», как их часто называли, по защите кровель перед пуском третьего блока и набрал первые 2,65 бэра. Беспокойство овладело им, и он поинтересовался у молодого майора-дозиметриста:

- Это много?

А тот оказался насмешником под стать Никите, сокрушенно покачал головой и сочувствующе спросил:

- А как вы думаете?

- Не знаю, - мрачно ответил Никита, не чувствуя подвоха.

Майор насмешливо заулыбался и нравоучительно продолжил:

- Вот на лысой голове три волосинки - уже хорошо! А если в супе? Так вот и с радиацией.

Никита взорвался и накричал на майора за путаность ответа с поддевкой. Его больше всего разозлило, что он стал объектом шутки такого «молокососа». Но тут же остудил Никиту полковник Назаров своим убедительным голосом:

- Никита Сергеевич, запомни! Страх и уныние - опасны нашему брату! Только ощущением счастья и полной жизни сможем выгнать из себя эту радиофобию и боязнь последствий! Это учти и не раздражайся!

Грубоватый генерал Воеводин из Одессы внимательно прислушивался к разговорам офицеров, делал равнодушное лицо и безразличный вид. Но, видимо, его что-то задело, и он пренебрежительно выговорил, как приказал:

- Болтовней занимаетесь! Никакого прока от нее!

Никита оседлал уже свое любимое место шутника и возразил генералу:

- Зато знания повышаются... вон Евсеев уже начирикал объявление о замене!

Улыбнулись сослуживцы шутке, но особо они были довольны, что Никита немного осадил генерала, а то тот может закрутить такую околесицу, что за него становится стыдно порой. Но уважительно помалкивали офицеры. Звания полным глупцам не дают! Значит, есть в Воеводине что-то такое примечательное. Его послужной список, видимо! Участвовал в венгерских событиях, чехословацких, два года воевал в Афганистане. Лишь только приехал сюда, в ОГОЗ, лично повел людей дезактивировать помещение 605 в «Саркофаге», где оказались еще целыми киповские щитки и шкафы. Но его решительно остановил руководитель работ:

- Почему без «лепестка»? Какой пример для подчиненных? Ведь недолго и рак горла заработать!..

Нагнал на генерала страха подполковник, на плечах которого не виднелись знаки различия.

- Морда у меня большая, - оправдывался генерал, чувствуя, что здесь со своим уставом не полезешь, - «лепесток» не натягивается!

Подполковник взял из рук генерала «лепесток» и аккуратно надел его на широкое лицо генерала.

- Вот видите... подошел!

- Спасибо, - только и ответил пристыженный генерал.

Об этом случае все знали в ОГОЗе, но помалкивали, опасно было с ним шутить на счет «морды»! Генерал охотно поддержал шутливый настрой офицеров и заинтригованно спросил:

- Евсеев, а что, у тебя есть такая потребность?

- Слушайте вы Николаева ... он такого наговорит! - обиженно ответил подполковник Евсеев, не прекращая своей работы над ситуационным планом.

- Да ...а, армия забавляется, анекдотами в свободное время, а пройдохи уже строят капитализм... У нас в Одессе всю работу делают 500 частных такси, проститутки легализовались на улицах, а парки отданы торгашам и там всю идет торговля, - огорченно выговорил генерал о своем наболевшем, - а мы обсуждаем прибалдаи Евсеева! Других дел нам нет!

- И то верно, снял Горбачев смиренную рубашку с экономики... но куда мы придем с этой вседозволенностью, - в раздумье проговорил доктор Назаров, поддержав разговор генерала. Никита посмотрел игриво на сослуживцев, сверкнул лукавством в глазах и затаенно выговорил:

- Кому на Руси жить хорошо?

Пошли разговоры среди офицеров, каждый о своем, и в конце концов попросили Никиту ответить самому:

- Лентяю! Все получают одинаково мало, а он не работает и получает!

И заговорщически поглядывал на офицеров, ожидая реакции. Доктор Назаров откликнулся на это и в раздумье пояснил:

- Люди изголодались по порядку и эту перестройку выстрадали.

Но ему возразил постоянный его оппонент Николай Степанович.

- История не пишется с черновика и ее не исправишь! Вдруг не туда забредем, не в то будущее, которое сегодня мерещится? На ошибках учиться затратно и больно!

- Золотые слова, - дал о себе знать подполковник Евсеев забыв недавние обиды на товарищей, - Горбачев нас уболтает и запутает!.. Поверьте моему слову! Его перестройка похожа на плохой рассказ, не имеющий начала и окончания. Нету него ясной программы...

Монолог Евсеева прервал генерал-лейтенант Ермаков, неожиданно появившийся в штабе ОГОЗа. Своим появлением он остудил желания офицеров продолжать дискуссию о перестройке, и каждый из них занялся своим делом. А к столу Ермакова подошел «курчатовец» Николай Степанович и долго они разговаривали о совместных делах института и военных. Следующим к нему приблизился генерал Воеводин. По-дружески поздоровались крепким рукопожатием и доложил:

- Анатолий Васильевич! Бригада ваша задание выполнила, акты подписаны... какие будут задачи?

- А штабисты что говорят? - недовольно и зычно выговорил Ермаков.

- Так вы меня лично предупреждали... - начал было объяснение генерал Воеводин, но его остановил Ермаков и поспешно сказал:

- Да-да, извини! Запомню, один полк закрепите за минсредмашевцами на четвертом блоке, а остальных - в Полесье!

- Ясно! Разрешите выполнять, - четко развернулся Воеводин и бодро покинул помещение ОГОЗа. Ермаков явно был чем-то раздражен и не скрывал своего настроения перед подчиненными, чтобы лишних вопросов не задавали. Он вкратце ознакомил штаб с последними решениями Правительственной комиссии и директивными указаниями из министерства, а в заключение спросил:

- Вопросы есть? - интонация голоса не предвещала ничего хорошего тому, кто осмелится сунуться к начальнику с просьбой или вопросами.

- Никак нет! - дружно ответили офицеры.

- Николаев, подойди! Разговор есть! - отрывисто сказал Ермаков, словно подал команду.

Хорошего ждать Никите от такого тона начальства не прилилось. И он поспешно подошел, доложил как положено. А Ермаков устало махнул рукой, пригласив его сесть рядом и доверительно заговорил. Интуиция Никиту не подвела, генерал закреплял его за четвертым блоком.

Ни для кого не секрет, что там высокие поля радиации и «партизаны» набирали дневную норму облучения за считанные минуты. Поэтому и людей не хватало, что рабочий день у них длился два-три часа. А руководителям работ надо выполнять программы - и требовали увеличения военнослужащих. Решит ли эту проблему дополнительно закрепленный полк за четвертым блоком? Неизвестно! Там уже работало полторы тысячи человек, а с пополнением будет чуть больше двух тысяч. Сможет ли он лично повлиять на эту ситуацию? Вряд ли! Нехватку людей испытывали повсюду на ликвидационных работах, а производственники свои неудачи часто этим прикрывали. Хотя, по сути, и сами в дерьме по горло! Классическая ситуация времени - валить все на другого! А самому не быть голым королем перед обстоятельствами.

Внимательно и дотошно разобрался Никита в делах на четвертом блоке, познакомился с офицерами частей, вникнул в организацию работ и стал тщательно контролировать выход личного состава на объект и учет доз облучения. Много всплыло неприятного для офицеров, но не все он указывал недостатки в рапортах Ермакову. Открыто и откровенно поговорил с офицерами и предупредил, чтобы впредь не допускали таких промахов или умышленных упущений.

Знакомая Никите ситуация - пока нет дыра над головой, можно и повальжничать, дурака повалить. Почувствовав жесткий контроль Николаева, в частях увеличился выход личного состава на объект. Офицерам определили ответственность за конкретный фронт работ и сроки их выполнения. Наладил хорошие отношения с техническим персоналом УС-605 и постарался своих офицеров с ними познакомить. А то обычно приводили людей, уединялись в укромном месте и травили анекдоты, пока не закончится работа. Никита обязал офицеров контролировать своевременность предоставления фронтов работ и материальных ресурсов. И пошли взаимные претензии, и никто не был заинтересован в их гласности. Стали совместно решать вопросы, скрывали недочеты взаимно и в общем «спелись». А может, и спились? Частенько вечерами инженерно-технические работники ехали к военным побаловаться банькой. А где баня, там и... Притерлись ребята и пошла работа.

Вечером Никита должен был письменно доносить рапортом Ермакову об итогах прошедшего дня. Читал ли их генерал? Неизвестно, но Никита был обязан лично

представлять этот рапорт. Но вскорости его не стал пропускать дозконт- роль в штаб ОГОЗа из-за повышенных уровней загрязнения. Тщательное мытье в душе, смена белья не всегда помогали понизить его. Дозиметрический контроль в первом блоке был строгий, не то что у строителей. У тех по загрязнению альфа- и бета-частицами вообще редко люди проверялись, а для эксплуатационщиков, следовательно и для офицеров ОГОЗа, этот уровень не должен превышать 100 единиц распада. И он договорился с генералом, что ежедневно будет докладывать вечером дежурному по ОГОЗ, а письменный рапорт оставлять на вахте у дозиметристов.

Ермаков охотно согласился с таким предложением Николаева потому, что одной «болячкой» у него меньше стало, и на Правительственной комиссии вопросы по обеспечению людьми четвертого блока уже не поднимались. А Никиту это вполне устраивало - он был представлен сам себе. Вольному - воля, а военному - рай!

Поначалу настороженно относился Никита к радиации. Осторожничал, внутри у него где-то под ложечкой пошевеливался страх и заставлял жить в ожидании опасности. Беспокоили и въедливые мысли, питающиеся информацией о случаях переоблучения людей, о последствиях и о госпиталях, забитых «чернобыльцами». Все это вместе заставляло Никиту беречься и с опаской относиться к радиации.

Но человек, оказывается, привыкает к любым условиям и свыкается с обстоятельствами. Притупляется чувство постоянной настороженности в ожидании опасности. Ослабевает и меркнет бдительность человека, покидает его постоянное тягостное ощущение страха.

И Никита неожиданно это понял, когда на него налетел с матом начальник района Цеулев:

- ...дуба дать захотелось? Валяй! Зачем других тащишь?

- Леонид Михайлович, ну чё разорался? - попытался понять Никита, а его слова еще больше разозлили Цеулева.

- Не орать, а бить надо! Горе-командиры!

Понял Никита причину гнева уважаемого Леонида Михайловича. Затушил он сигарету, извинился, надел «лепесток» и молча затаился. Хорошо, что его подчиненных не было, а то не обобратиться было стыда. Но Цеулев тут же сменил гнев на милость, спросил:

- Недавно, вижу, здесь?

- Месяц, - ответил Никита, словно проштрафившийся школьник.

- Ну-у, полковник! Поди лучевую болезнь прихватил? - вымолвил сочувствующе Цеулев, - поэтому и куришь в открытую.

- А что это такое? - с опаской спросил Николаев, а под ложечкой зашевелился страх и капли пота выступили на лбу.

- А у нее четыре признака! - ответил Цеулев и спросил: - Может, не буду дальше?

Напугал Николаева начальник района, а тут еще интригует страхом и он попросил его рассказать.

- Первый, - решительно стал говорить Цеулев, - хочется спать! Ну что, хочется?

- Да вроде, - вымолвил Никита.

- Хочется есть и не хочется работать!.. Ну что скажешь, с охотой идешь на четвертый блок?

- Не горю особо желанием... про четвертый признак скажите, - попросил Никита, всецело доверяя опыту умудренного опытом производственника.

- Думы одолевают, что... мало платят, - насмешливо выговорил Цеулев, а сам серьезно поглядывал на Никиту.

- Мы же служим, - нашелся Никита. А Цеулев внушительно закончил свои признания.

- Служите, служите... но придет четвертый признак, когда денег на лечение не будет хватать.

Шутки из разряда черного юмора часто слышались в разговорах людей между собой. Может, они и взбадривали их и помогали им в той тягостно-тревожной обстановке. Но шутки шутками, а шрамы чернобыльские впоследствии навечно останутся в душах и сердцах ликвидаторов.

ПРОКАЖЕННЫЙ

Приехала в гости к своей тетушке шестнадцатилетняя племянница Светлана. Непоседа такая, шустрая, вся в порывах и стремлениях куда-то пойти, что-то узнать и побольше увидеть. Не давала она покоя тете Люде и тянула ее в город, к толпам снующих людей и в волшебный мир улиц сказочной Москвы. Она с удивлением и восхищением смотрела на открывающийся перед ней столичный мир и с удовольствием впитывала его чарующие красоты в себя, с ненасытной жадностью тянулась к незнакомому, привлекательному.

Наивная провинциалка хотела враз объять необъятное и насытить себя впечатлениями. Для этого жизни не хватит, не то что ее двух гостевых недель!

После посещения Мавзолея у нее враз испортилось настроение, остался в душе неприятный осадок и какое-то жуткое чувство от мертвого вождя. Она никак не могла избавиться от холодной маски мертвеца, несколько подавленной выходила из подземелья и растроенно спросила тетю Люду:

- Зачем водят смотреть на мертвеца?.. Ему это не впрок и нам не в радость... зачем?

- А ему почему не впрок? - поинтересовалась тетушка.

- На кладбище всегда же тихо, благостно и просят не шуметь, не беспокоить усопших!

Ругала она себя в душе, что сама настояла на этом посещении. Несколько улучшилось ее самочувствие и настроение при выходе из мрачного подземелья. Их встретило мягкое солнце, серебристые капельки влаги на листьях кустов, играющие в лучах своим разноцветьем радуги. Ее уже не интересовали холмики могил со скульптурами, не читала она текстов на памятных досках, прикрепленных к кремлевской стене. Она просто торопилась выбраться с этого погоста подальше, туда, на свет к людям, на Красную площадь. Поток увлекал ее невольно туда, куда ей хотелось, и она оказалась перед парадным входом в Мавзолей с двумя картинно замершими часовыми по его бокам. Словно статуи застыли они неподвижно с карабинами в руках, вздернув подбородки, от чего тульи и фуражек устремились вверх, будто лишний раз подчеркивали их высокую миссию на Посту № 1 страны.

Диковиной все это ей показалось, и она с любопытством глядела на щегольски стройных солдат в красивой форме. И тут в одном из них она узнала их земляка Мишу Губайдуллина и ткнула в бок тетушку:

- Гля, тетя Люда, узнаешь того, что слева?

- Не-ет, а кто это? - поинтересовалась та.

- Губайдуллин... дяди Фарида сын! - пояснила Светлана гордясь за своего земляка, которым восхищалась вся толпа.

- Ох ты! Значит, нашенский? - удивилась тетушка, - ну пусть себе стоит на загляденье, а мы пошли!

А Светлану будто кто приклеил к месту, и она не способна была двигаться. Попросила тетю не торопиться, она должна с Мишей встретиться. А как же иначе? Была, видела и ушла? Так нельзя! Пусть толпа им любит, а она с ним пообщается и еще дома об этом всем расскажет. Вот будет диковина! Приличная толпа собралась у входа в Мавзолей, а Светлана увлекла тетушку к самому ограждению напротив входа. Они стояли в нескольких метрах от него и Светлана не удержалась, тихо его позвала:

- Ми-иша! Ми-иша! Ми-иша!

Он не слышал ее или не обратил внимания на ее слабый призыв.

- Миша! Ми-иша! - нетерпеливо и громче она позвала, стараясь быть услышанной, Люди с удивлением и любопытством поворачивали в ее сторону головы и с интересом посматривали на нее. А тетушка потянула ее за руку и поспешно сказала:

- Пошли отсель, еще заберут! Дался тебе этот Миша, пусть службу несет!

Но в Светлану словно уже вселился беспокойный и упрямый бес, и для нее уже не стало никаких преград, чтобы дойти до своего. Глухота и невменяемость Миши ее лишь раззадорила, и она, выбираясь из толпы, крикнула:

- Ми-иша-а! Я буду ждать!

И пошла она быстрым шагом к Спасской башне, где стоял милиционер. Вслед за ней спешила перепуганная тетушка и отговаривала ее от задуманного. Светлана остановилась около милиционера и скороговоркой поведала что почем. Он хорошо ее понял, видимо, не она первая и не она последняя встречала в часовых знакомого. Он пояснил, что через полчаса смена, и она потом может с ним пообщаться, ну а сейчас не надо ему мешать. Обрадовалась такому обороту Светлана, и тетушка успокоилась... С удовольствием они наблюдали за четким, ритмичным шагом часовых при пересмене. Первым к Спасской башне шел Миша, высоко был поднят подбородок, и его глаза будто смотрели поверх толпы, а он же должен видеть, куда идет. Четко и красиво шел Миша, легко, словно игрушку, держал на плече карабин и в ритме шага делал отмашку правой рукой. При повороте у Спасской башне они мимолетно встретились глазами, и он приветливо слегка кивнул головой. Она вся восторгалась от радости, схватила за руку тетушку и произнесла:

- Он заметил... увидел он нас!

Недолго они его ждали. Миша прибежал запыхавшийся, возбужденный. Приветливо поздоровался и радостно выдохнул:

- Откуда ты, Светлана? С кем приехала?

- Да одна! - нашел о чем спрашивать, лучше бы сказал, как она выглядит или как повзрослела, а то - откуда ты? От верблюда! Известное дело, из Покровского!

- И одну тебя отпустили? - удивился Миша, глядя на повзрослевшую и похорошевшую Светлану. В нем сквозил страх за нее и беспокойство, будто она его собственность или сестра родная!

- Вот тетя Люда меня встретила, чё такого? - удивилась вопросу Светлана, у которой уже прошла радость от их встречи. Сбила она оскмину, добилась своего, будет что рассказать дома!

Мишу охватил восторг от этой неожиданной встречи и он не узнавал той угловатой голенастой Светки в этой воздушно-красивой девушке. Ему уже хотелось прикоснуться к ней, погладить этот белоснежный глянец оголенного

плеча, поправить ниспадающие белые локоны волос с рыжеватым оттенком и вынуть оттуда застрявший зеленый листочек. Он смотрел на нее безотрывно, будто запоминал ее на долгие годы. У него никогда не было девчонки, не встречался никогда ни с кем и не было даже повода, чтобы кем-то увлечься. А тут вдруг внутри него что-то затлело, будто костер кто в нем разжигал. И это тепло неожиданно поползло по всему телу, и ему стало жарко от своих желаний. Невольно он протянул руку и вынул из волос застрявший листочек и протянул Светлане.

- Вот, - этим жестом он словно оправдывался от своевольного прикосновения к шелку ее волос. И тетушка почувствовала неладное в глазах Миши, но особенно ее возмутила эта глупая улыбка племянницы, не отрывающей своего взгляда от щеголеватого земляка-солдата, и она поспешила домой.

- Пошли, пошли... пусть человек службу служит, а нам еще в музей надо!

Обрадовался Миша от услышанного и предложил:

- Хотите сходить в Алмазный фонд?

Не могла тетушка устоять перед таким соблазном. Туда можно было попасть по великому благу или отстоять много часов в очереди, и то не всегда выпадал счастливый случай. Она первой ему ответила:

- Да-а! С удовольствием!

Светлана не знала, о чем они вели разговор, он ей был малоинтересен, главное было в том, что они еще встретятся!

* * *

На следующий день Мише дали увольнительную, и они втроем посетили музей Алмазного фонда. Светлана восторженно смотрела и жадно впитывала в себя красоту и изящество волшебных ювелирных изделий. Захватил ее этот сказочный мир и долго не отпускал из своего очаровательного плена. И даже великолепные и редкие экспонаты Оружейной палаты не вывели ее из сказочного мира мечты и надежд. Потом они гуляли по территории Кремля, и Светлана несколько Успокоилась от своих грез по ожерельям и подвескам. А потом проза жизни возвратила ее к действительности, и ювелирные украшения перестали будоражить ее чувства несбыточностью. Они поужинали в кафе, что в Ветошном переулке за ГУМом и с сожалением расстались до лучших времен.

Но через несколько дней позвонил Миша и сообщил тетушке, что получил отпуск и собирается ехать домой. Пришло время возвращения Светланы домой, и тетка мучилась проблемой как ее отправить. Отпуск ей не давали, из Покровского некому было ехать за ней и тетушка обрадовалась случаю отправить ее с Мишей. Вначале она ему не доверяла, а потом, познакомившись поближе, поняла его порядочность и сдержанность в отношениях. Приличный он молодой человек и вполне надежный. Она ему уже доверяла, этому спокойному и умному «татарину», так стала она его величать в разговорах с племянницей.

Жутко интересно и заманчиво было им остаться наедине, без посторонних. Оба они радовались представившейся возможности побыть наедине, без вездесущих глаз тетушки, и поболтать о чем угодно, не думая о том, что скажет она. Если они и говорили глупости, то это было между ними, и, может, и не глупость вовсе, а иносказательность о главном, и она была им в радость. Они смеялись, шутили и наслаждались общением, не замечая никого вокруг. Во всем свете оставались только он и она, и весь мир принадлежал только им!

Они нежились от общения и тихо погружались в ласковый ручеек их вспыхнувших чувств. Восторгом полнились они и множилось его говорливое половодье от неизведанной новизны ощущений. Их сердца переполнялись

трепетом, желаниями и тянулись один к другому, словно встретились вдруг разные полюса... Огорчение и разочарование принесла им конечная остановка пути! Но у каждого начала всегда бывало окончание, и они это уже начали хорошо понимать!

Отпуска Миша не заметил, он ему показался самым счастливым и светлым мигом в жизни. Всего целиком взяла его Светлана в свой полон, и он с радостью ей сдался. Она не отпускала его от себя, днем они были вместе, а ночью в своих грезах и сновидениях она была с ним, и сон ему казался сладкой реальностью. А утром он вновь был у нее, хотя дома напряженные у него сложились отношения с родителями. Поедом ели его отец с матерью из-за его связи с русской. По обычаям своего народа он был помолвлен родителями, а невесту нашли в Уренбаше. И Миша раздражался от этого, не мог он уже приказывать своим чувствам забыть свою желанную и каждый раз непочтительно разговаривал с родителями.

- А моего согласия спросили?
- Для твоего счастья старались, - объясняли родители непослушному сыну.
- Зачем это сделали, почему так поспешили? - в отчаянии спрашивал Миша.
- Ради твоего будущего, у неё дядя в Казани, в медресе, а отец вроде муллы в деревне. Уважаемые люди, и род известный. Породниться с ними большая честь!
- А что мне даст их известность?... Внеочередное звание, должность? - возмущался сын, отказываясь понимать родителей.

- Совсем еще глупый... не тебе, так детям пригодится... да и сам уважаемым человеком будешь, - вкрадчиво продолжали убеждать сына, стараясь вложить в его голову уважение к обычаям своего народа.

- В твоей деревне, что ли? - иронизировал сын и со значением произнес: - В армии авторитет зарабатывается службой, а не фамилией!

Не принимало их доводов и объяснений влюбленное сердце Миши, но согласился съездить с родителями в деревню повидаться с бабушкой и родственниками. Взял с собой фотоаппарат, пофотографировал всех людей, близких семье и собрался уезжать.

- Куда торопишься? - выговаривал отец и гневно вопрошал: - Опять к ней?
- А то как? - язвил самоуверенный сын, но поспешил его успокоить, а заодно и родственников: - Фотографии надо сделать до отъезда, а то не успею,

В деревне редко появлялся фотограф, и получить жителю фотокарточку - большая радость. Уговорили родственники отца не препятствовать «делать фото», и тот, скрепя сердце, согласился с ними, и возвратился Миша в Покровское. Отдал свои пленки другу и попросил его отпечатать фотографии, а сам побежал на свидание к той, что его полонила. Он торопился к своей любви!

Без конкурса Миша поступил в следующем году в военное училище, и в то же время Светлану зачислили в педагогический институт. Жили они в разных городах, единственная связь оставалась между ними - это почтовая, и часто они радовали друг друга письмами. Они были сияющей весточкой и поднимали настроение, благотворно влияли на самочувствие. Им несказанно оба радовались, и ими словно полняли ручеек и он разливался в бескрайнее озеро их любви. Редкие встречи на каникулах пролетали незаметно, быстро. А в семье Миши было беспокойно, там постоянно тлели и разгорались ссоры из-за Светланы. Она и предположить не могла это, но Миша стоически молчал, не проронил ей ни слова правды, словно «стальной солдат» на допросе во времена китайской революции. Светлана никак не подозревала козней против себя и приветливо общалась с родителями Миши, и те внешне отвечали ей своей расположенностью. А на нее уже пошли наговоры, что она ветреная,

несамостоятельная и ухажеров у нее пруд пруди... Что только они ни пытались наговорить на нее сыну плохого и оторвать его от нее. Но Миша уже знал их настрой и не поддавался ни на какие провокации. У него самого пропадала всякая охота говорить об этом при свиданиях с ней. Оживленно, радостно она его встречала каждый раз и вся светилась счастьем и ликованием при взгляде на него.

* * *

По окончании училища он приехал в отпуск в форме офицера с золотыми погонами лейтенанта на плечах. На загляденье была его выправка, и кружила она девчатам головы. Но знали в селе его давнее увлечение и с тихой завистью они провожали взглядами красавца Мишу. А Светлана нетерпеливо ждала их встречу, и сердце сжималось радостью от ожиданий. Радужные мысли уносили ее в мечты, и строила она себе воздушные замки, один красивее другого.

Миша пришел к ней в гражданской форме, какой-то потерянный и прятал он ее свои сливовые глаза будто и не рад был их встрече. Светлана враз остудила свое воображение, будто натолкнулась в своем беге на ледяную стенку. Удивленно смотрела на растерянного Мишу, а сердце сжималось в предчувствии какой-то беды.

- Чего такой унылый, Миша? Ты не рад нашей встрече?

Потерянно он переминался с ноги на ногу, безвольно прятал глаза и держал скрещенные руки на груди, удерживая себя от искушения обнять любимую. И молчал, он не мог подобрать нужных слов, не знал, что сказать, как объяснить. Горечь послышалась в ее голосе от вопроса:

- Миша, что случилось? Говори, не томи душу!

Он медленно и нехотя начал издали, объяснял ей про их обычаи, семейные традиции. Не хватало у него смелости и воли откровенно ей рассказать правду. Удрученно он выговорил, стараясь «своей любовью» защититься перед ней и оправдаться:

- Я люблю тебя... очень люблю, но не могу жениться... не мой это выбор!

Его слова прозвучали приговором их долгой и сладостной любви! Светлана опешила от услышанного, она испугалась за него и тихо спросила:

- Ты что такое говоришь? - и заблестел ее чистый взгляд влажной поволокой, и она беспомощно проговорила: - Ми-иша, за любовь надо бороться! Бороться надо!

- Поздно, - глухо произнес он, решившись быть откровенным, - поздно! У меня в доме жена!

Согнулась в горе белоснежная шея Светланы, и ее волнистые ниспадающие волосы прикрыли щеки от любимого. Поникла она враз и молчала, сглатывая застрявший в горле безутешный комок горечи. Он ей мешал дышать и не позволял говорить, и она собирала в себе все силы и волю. Ей не хотелось остаться у него в памяти слабой и слезливой девчонкой. Она взяла себя в руки, пересилила вспыхнувшее уныние и привычно гордо выпрямилась, натянула на себя улыбку и иронично, с грустью поглядывала на Мишу и вызывающе уже спросила:

- Думаю, на свадьбу пригласишь?

- Ты что? - опешил испуганно Миша.

- Сама приду незваной, интересно все же, на кого ты меня променял, - недобро звучали ее слова, а сама она радовалась, что исчез, пропал в горле горький комок. Стало легче дышать и теперь можно немного и позлить его. - А ты как

думаешь, мне одной горе мыкать, пусть жена все знает и не быть ей благодушной!..

Язвительностью слов она высвобождала из себя душевное ненастье. Но она хорошо себя знала, что не способна на такое, пусть живут они в своем счастье, коль ее оно обошло. Не она судья Мише и их обычаям! Он продолжал безвольно и потерянно оправдываться перед ней, теряя связь в своем разговоре.

- По согласию женился? - прервала она его.

- Меня не спрашивали, - ответил Миша, - родители за нас с женой решили. Отец подобрал выгодную партию.

- Плохой обычай... он судьбы ломает! Почему раньше не говорил мне об этом?

Раздраженно спросила Светлана, чувствуя, что их разговор заканчивается. Не получив вразумительного ответа, она вздрогнула и враз освободила себя от оцепенения из-за свалившегося на нее несчастья. Приподняла голову, посмотрела на Мишу отстраненно, холодно и с сочувствием ему произнесла:

- Живи счастливо со своей... партией! Стыдно должно быть тебе, что столько лет меня обманывал... стыдно!

Потерянно смотрел Миша вслед Светлане и с горечью сознавал, что покидала его та, к которой он стремился все эти последние годы. Он понимал, что теряет навсегда, и будет лишен счастья видеть ее! У него не будет возможности восторгаться ее трогательной красотой, слышать радостные перезвоны неподдельного звонкого смеха. Он уже не вправе даже дотронуться до ее нежной глянцевої кожи оголенного плеча, которая всегда будет его тревожить в контрасте со смуглым и прыщавым телом жены. Но что он мог поделать? Слабину дал перед родственниками, не проявил свой характер и не показал упрямство. Сдался ты без боя, лейтенант!

* * *

Недалеко был расположен военный гарнизон Миши от родного села, куда он уехал со своей женой к месту его службы. Зажил он там обычной жизнью семейного офицера. Но холодно и пусто ему казалось в доме, не грела душу жена, и он весь отдавался службе. Временами мутилось у него в голове от воспоминаний, но гнал прочь их и старался не оставаться с ними наедине. Слишком горестно было ему от безысходности, и терялось в нем настроение. Свежей была еще душевная рана, и не заживала она от времени.

А тут случилось несчастье на ЧАЭС, и его вместе с частью передислоцировали в район бедствия на ликвидационные работы после аварии. Никто не спрашивал его согласия, приказали - и поехал! Дисциплина была еще строгая в войсках! Прослужил он там добросовестно и старательно около пяти месяцев и возвратился в свой гарнизон для дальнейшего прохождения службы. Квартира оказалась пустой, запущенной, в тенетах и с толстым слоем пыли. «Значит, давно уехала», - подумал Миша и расписался на столе по слою пыли в укор жене и решил не убирать, но на тумбочке нашел конверт, надписанный почерком жены адресованный ему. С любопытством раскрыл он его, она ему еще никогда не писала писем. Небольшая записка удивила его неожиданным текстом: «Я тебе больше не жена! Мутированный радиацией муж мне не нужен! Иди к своей русской!»

Выяснилось, что за ней на машине приезжали ее два брата и забрали вместе с пожитками.

Пусто ему стало в их квартире, хотя она особо ничего не потеряла от ее отъезда. Холодно встречала она его каждый раз и при виде сумрачной и малоразговорчивой жены враз портилось настроение. Он не припоминал ее

смеха или какой-нибудь шутки, не открывалась она ему и в своих чувствах. Словно запрограммированный робот послушно несла свои обязанности и не располагала к разговорам.

Был конец сентября, в домах еще не включили отопление, и он обогревателем согревал воздух. Но сначала проветрил помещение, убрал отовсюду скопившиеся пыль, грязь, и свежий воздух очистил атмосферу квартиры. Тепло проникло во все уголки, и он почувствовал ее уют. Спешно собрался на телеграф поговорить с родителями. Они заварили эту кашу и пусть сами расхлебывают ее. Отец был готов к их разговору, но явно расстроился за сына и долго пояснял ситуацию. Миша в конце разговора не мог не задать интересующий его вопрос:

- А если бы у нас был ребенок? Так же поступили бы с ней ее братья?

- Так же! - огорченно ответил отец, - боятся за будущие поколения... они же умные, грамотные.

- А обычаи кто позволил нарушать? - резко в сердцах выговорил сын отцу.

- Им подвластны эти обычаи, не нам, простым людям, - с сожалением открылся отец, хорошо понимая отношение сына к нему.

- Так что? Я теперь прокаженный? - со злостью он спросил отца, хорошо зная, что тот не найдет ответа на этот вопрос. Пусть попереживает и мучается сам из-за своей глупости слушаться родственников и не слышать родного сына. Молчал отец, нечего ему было сказать в ответ сыну, а тот продолжал тревожить душу отца.

- Что-нибудь знаешь о Светлане? Она замужем?

- Не знаю, - хмуро проронил отец в трубку.

- Узнай и сообщи, - требовательно высказал сын отцу, давая ему возможность реабилитироваться.

- У кого? - растерянно спросил отец.

- Ты же знаком с ее отцом! Вот и узнай! - подсказал ему сын.

- Не пойду, стыдно, - мрачно ответил отец.

И сын прервал их разговор, дав понять, что с ним больше не о чем говорить. Упрямый с детства характер у Миши, коль вобьет что себе в голову, будет до последнего биться за свое. Согласие на свадьбу у него выбил мулла после долгой с ним беседы. Думал отец, что проветрил мулла мозги сыну, а вышло вон оно как, все наоборот. Видимо, долго им с женой придется ждать его в отпуск и не будут ничего знать о нем. Ну что оставалось делать отцу, не искать же Светку по белу свету при живой жене. Он поехал к свату в деревню посоветоваться, а тот его и на порог не пустил. Вышла огорченная сватья и участливо повела разговор. Видимо, она горько переживала и жалела свою дочку, расстроенной была за нее.

- Не заботился Мишка о семье, мог бы он и не поехать в этот Чернобыль. Молодых освобождали от этой повинности ради детей. А он ни слова, ни полслова жене - и туда! Пусть уроды рождаются? Не-ет! Лучше пусть дома сидит до поры до времени.

- Так где же сам Саид? - огорченно вопрошал Фарид, мало слушая сватью, ее голоса нет в их семье, всем заведует муж, - Надо с ним посоветоваться... что делать-то?

- с Аллахом общается... молитвы читает, никак нельзя мешать. А что делать? У нее своя жизнь, у Мишки своя... положиться надо на волю Аллаха!

Коробило его от неуважительного произношения имени сына - «Мишка», для всех он Миша, Михаил Фаридович, а тут уничижительное имя! Но что он мог ей сказать, она передала слово в слово то, что велел муж! Не более, не менее! Ни с чем он уехал из деревни и по приезде в село напросился в гости к Фрониным.

Приветливо его встретили, пригласили в переднюю комнату, она у них вместо зала была для приема гостей. Хорошо и богато она у них обставлена: сервант с посудой, круглый стол посреди, полированный, из сосны, и стулья с резными спинками. И кругом ковры, один на полу и два на стенах, а еще было много фотографий в рамочках. Очень все это понравилось Фариду, и обстановка в доме, и приветливость хозяев, и даже зла они на него не держали. Виктор Сергеевич сердечно его спросил: «С чем пожаловал, Фарид Киримович?»

- Да вот... - и замялся Фарид неловко, не знал, с чего начать. Отяжелел язык и не хотел его слушаться, а мысли у него в голове путаницу заплели и не формировали ясности. Стыдно и неудобно было Фариду смотреть в ясные очи Виктора Сергеевича. Их жизнь прошла на глазах друг друга, не ссорились и не делили ничего между собой. В зрелые годы Виктор Сергеевич уже начальствовал над ним и грубого слова ему не проронил, а было за что. Мягко и обходительно всегда он внушал своим подчиненным разницу между добром и злом, грубостью и уважением и необходимость трудиться, чтобы неплохо получать, хорошо зарабатывать! Фариду быть бы благодарным за такое отношение и особенно за то, что не гнушался Виктор Сергеевич вероятности породниться. Всецело он доверился своей Дочке и спокойно принимал ухаживания за ней Миши. И нужно было Фариду поддаться на уговоры родственников о воскрешении их забытых обычаев и испортить жизнь молодым! Каялся в душе от содеянного и смущенно чувствовал себя в их Доме и еле подбирал слова для разговора:

- Как дела ваши? Как дочка?

- Вроде нормально, - ответил Виктор Сергеевич и спросил: - Сам-то как живешь?

- Да как? Ни шатко ни валко, вроде у нас женой ничего, но вот у сына...

И поведал он им чистую правду и просил их сердечно простить и позволить сыну письмо Светлане написать.

- Фарид, но у нее своя, уже другая жизнь и не нам ей указывать! - пояснил ему Виктор Сергеевич на его просьбу.

- Испортил ты жизнь своему сыну, дорогой сосед, - вмешалась Нина Петровна, мать Светланы, - у нас дочка видная, она не пропадет! А вот Мише искать не сыскать больше такой... они же любили друг друга!

- Ну что вслед мне руками махать, - покаянно отвечал Фарид, - обмишулился, рад бы исправиться... вот затем и пришел. Сын просил узнать адрес Светланы.

- Ну нет, Фарид Киримович, - в разговоре уже первенствовала Нина Петровна, а муж помалкивал и особо ей не перечил, - нечего ворошить старое... поздно, горько пережила это дочка, еле сил хватило справиться с горем - и опять Губайдуллины за свое? Нет и еще раз нет!

Как бы ни оправдывался Фарид, но не слушали его родители Светланы и не слышали. Между ними встала глухая и непроницаемая стена непонимания. Ушел Фарид от Фроновых вовсе расстроенным, обескураженным. Ничего утешительного он не мог сообщить сыну, и жили они с женой в тягостном ожидании весточки от него.

Не поверил отцу Миша, взял краткосрочный отпуск и приехал в село на побывку. В первый же вечер он пошел «в гости» к Фроновым. Они были уже извещены о нем и не высказали ему особого удивления от неожиданности его визита, но на порог его не пустили и разговор вела Нина Петровна на крыльце перед дверью. Она просила его забыть Светлану и не ломать больше ей жизнь. С лихвой ей хватило прежнего его обмана, еле пережила. Миша в своем поиске Светланы жил словно на автопилоте по заданному курсу. Он не воспринял перемены и обиды в голосе Нины Петровны и не прочувствовал особо своей

вины перед ее родителями. Он просто понял, что бесполезно спрашивать их об адресе. Поехал в институт, узнал ее место распределения и отправился в районное село их же области, чтобы там узнать что-либо о ней. Но в районо ему никто ничего вразумительного не сказали или не отели проговориться. Его блестящая выправка и золотистые погоны капитана предвещали им, что появится еще одна вакантная должность учителя по математике. Умыкнет этот шустрый капитан их учительницу, и сомнений в этом у работников районо не было. Потому и не говорили, а навели тень на плетень. Но он пробился к заврайоно и разжалобил пожилую женщину драмой своей личной жизни, и та пренебрегла интересами районо и дала адрес Фрониной Светланы Викторовны. В восторге Миша чуть не плясал, но крепко обнял и поцеловал женщину в порыве благодарности! На крыльях он полетел в ее школу, но там еще шли занятия и он, нетерпеливый в желаниях, прямо ворвался к ее директору. А тот, старый зануда, на него расшумелся и не видел авторитетного блеска золота погон на его плечах. Отчитывал словно школьника, мешающего проведению занятий в классе. И в конце концов резко выговорил:

- Посторонним в школу вход запрещен! Выйдите!

- Но я...

- Повторяю, - прервал он требовательно, - вход запрещен посторонним!

Мише не хотелось принести Светлане неприятности, и он больше не возражал директору, тихо вышел из кабинета и покинул школу. Справа на территории школы он увидел развесистую березу и под ее кроной решил дожидаться Светлану. И меньше внимания на него будут обращать, заслоненного свисающими ветками березы.

Он прислонился к мшистому стволу дерева и ощутил ладонями тепло от коры, покрытой темными лишайниками и мхом. Ему показалось, что его благодатно источала береза и оно успокаивало душевные метания от неизвестности и отходила куда-то щемящая тоска, одолевавшая его последнее время. Он задумался, но глаза внимательно следили за выходом из школы. А мыслям дал волю, и они копошились в закоулках памяти, перебирая старые события, связанные с его женитьбой. Предал он Светлану и растоптал их любовь! Во имя чего? Он не мог сам ответить и сегодня на этот вопрос. Он не понимал своего безвольного поведения тогда. Почему-то всецело он доверился родственникам и поддался на их уговоры. Почему не боролся и так легко сдался? Вселил исподволь в него мулла опасение, а может и страх, что он шел против воли Аллаха? Но он особо не привержен религии, чтит и уважал ее законы, иногда вместе с отцом отправлял молитвы для поднятия ему настроения, и не более того! Спрашивается, почему он так поступил? Не находил он в себе ответа и не знал как оправдываться перед Светланой. Почему он с ней не посоветовался, не рассказал заранее всей правды? Она бы его поняла и может вместе как-то нашли выход. А он предательски сдался! Магически на него подействовала известная фамилия тестя. В душе он видимо надеялся через это родство войти в круг элиты. Но тесно людям в избранных кругах, не каждому находилось там место. Ему надо было быть просто трусом, не ехать в Чернобыль, и он не был бы в разводе с женой. Но слава Аллаху, что так все получилось, лучше поздно, чем никогда!

Неутешительные думы тревожили его, он не находил оправданий себе и, тем более, убедительных доводов для Светланы. В своей задумчивости он весь ушел в себя, не замечая проходивших людей и их удивленных взглядов. Машинально глаза смотрели на вход в школу, туманилось перед ними настоящее, и они вместе с мыслями спешили в то сладкое прошлое, когда им вместе было хорошо, а они

ко всему были ясными и зоркими. И вдруг ему пригрезился почему-то тот пост N1 страны и ее едва слышный грудной чудный голос: «Ми-иша... Ми-иша... Ми-иша...» Сладким сновидением показалось ему это, и оно бальзамом ложилось ему в душу, грело ее и не хотелось возвращаться в реальность. А знакомый голос Светланы звучал уже громче и требовательнее, как тогда:

- Ми-иша... Миш-а!

Он машинально повернул голову в сторону, откуда слышался ее голос. Недалеко от него стояла улыбающаяся Светлана и поразила его цветущим видом. Не приведение он видел, а ее живую и радостную. Вмиг сбросил с себя он оцепенение и кинулся навстречу, но в замешательстве остановился. Растеряно замер в нерешительности и смотрел на нее, повторяя ее имя:

- Светлана... Светлана... Светлана...

- Здравствуй, Миша! - остановила она его заезженную пластинку. Обрадовался он ее радушию и принял слова за спасательную руку помощи и шагнул к ней, нежно обнял и стал целовать ее щеки. Она смутилась поначалу, а потом испуганно посмотрела по сторонам, неловко отстранилась и тихо сказала:

- Прекрати, ученики же смотрят!

Эта встреча была началом их счастливой жизни. Не перебирали они свое черное прошлое, постарались обоюдно забыть его и не ворошить старые обиды и раны. В их семье родились трое вполне здоровых и жизнерадостных детей. Они радовали родителей, а дедушка Фарид был на седьмом небе от них, и особенно от внуки. И вновь ему втемяшилось в голову породниться уже с казанской известной фамилией, завел речь об этом и получил достойный отпор, особенно от Миши, который высказал ему все, что он думал по этому поводу. Не научил его опыт сына, вновь пытался со своими правилами влезть уже в чужую семью и был предупрежден, что лишится возможности видаться с внуками. Отрезвило это его горячий пыл и он уже кручинился в разговоре только с женой, что не хочет сын счастья внучке, не хочет.

А где оно, это счастье? Оно, как паутинка, ткется неизвестно в каком месте. И на подносе никому еще не приносилось! Оно там, где люди его сами добывают, и не надеются на чью-то помощь! Любящим сердцам легче всего обрести счастье. Оно внутри них, а любовь сама по себе уже счастье!

НЕЛЬЗЯ!

В свои пятьдесят лет попал в Чернобыль Вадим Михайлович на ликвидационные работы, и притом непосредственно на взорванный реактор. Далеко он был по жизни от радиации, хотя и работал на атомном предприятии. Был механиком на базе механизации, и не приходилось ему соприкасаться с радиационной грязью. Так, понаслышке знал о ней, но думал, что это его не коснется. Нет, задело и еще как! Специалисты на своем предприятии перед отъездом его тщательно инструктировали. По приезду на взорванный реактор «дозики» вкладывали уже свое при инструктаже и всюду запугали этой радиацией. Но люди же живут здесь, улыбаются, веселятся! Значит, не все так страшно, и Вадим Михайлович постепенно, осторожненько стал входить в эту своеобразную «чернобыльскую жизнь».

Снял «лепесток», потянулся за сигаретой, а тут перед ним дозиметрист откуда ни возьмись взялся и давай его ругать. Ведь совсем еще молодой, но не стеснялся на него повышать голос.

- Здесь нельзя курить! Какой пример рабочим?

Много чего наговорил в пылу злости, но промолчал Вадим Михайлович в ответ. А тут «дозик» вытаскивает какой-то свой приборчик и замеряет радиацию на обшлагах карманов и сожалеючи ему говорит:

- До чего же ты жадный! Мало того, что с куревом в себя загоняешь нуклиды, так еще в карманы их складываешь... на продажу что ли? Для жены?

Вадим Михайлович оторопел и не знал, что ответить, лишь бессвязно проговорил:

- Ничего не складывал... чего голову морочишь?

- Не суй в грязной зоне руки в карманы... ведь сказано, лучше их зашить.

- Да-а, у меня там носовой платок, нос плохо работает.

- В салфетку очищай свой нос и выбрасывай.

- Вот незадача, куда ни кинь, все клин.

А «дозик» продолжал вить свои неприятные разговоры, словно издевался:

- Ну-ка, ну-ка замерим на гульфике показатели... о-о! Так ты и оправляешься в грязной зоне!

- А что делать, приспичит, и некуда деваться, - пугливо оправдывался Вадим Михайлович, не зная, как отвяжаться от него.

Долго еще терзал его «дозик» своими замерами. Волосы на голове проверил, уши, руки - и все незадача, кругом грязь. По новой «дозик» разъяснил, как надо себя вести в грязной зоне и уже инструктаж сделал под расписку.

- Ты уж извини, Вадим Михайлович, за таких нас по головке не гладят, а сам слушай да на ус мотай, смотри, тебе же жить!

Близко к сердцу принял он «издевательства» дозика и поначалу занервничал. Молокосос, а учил его уму разуму, словно изгалялся. А рожа какой довольной была? Язвительно-темные думы беспокоили голову Вадима Михайловича, и тесно было его сердцу в груди от злости переживаний. Но со временем несколько успокоился и признал справедливость преподнесенного наглядного урока. Он же в его интересах и на пользу! После такого памятного инструктажа Вадим Михайлович стал осторожничать везде, где можно. Но разве от радиационной грязи спасешься здесь, в зараженной зоне? Вряд ли, но зато хоть излишки не стал он потреблять, и то хорошо.

«ПОТОМСТВЕННЫЙ ЧЕРНОБЫЛЕЦ»

В своих беспокойных и заполосных студенческих заботах Денис не заметил прихода весны. Неожиданно она для него пришла и неприметно вступила в свои права, повсюду напоминая о себе неугомонно говорливыми ручейками, пробившими свои русла сквозь слежавшийся снежный наст, скупыми на тепло лучами ласкового солнышка, едва поднимавшегося над крышами многоэтажных домов, пронзительной утренней прохладой с бодрящим чистым воздухом, проникающим во все поры тела, набухавшими почками деревьев, брачным щебетом птиц, нежными красками первых подснежников и крокусов... Все просыпалось в природе и жило в ожидании перемен.

И Денис неожиданно для себя почувствовал бодрящую живительную энергию весны. Ему уже хотелось задержать в себе это состояние, раствориться вместе с ним в просыпающейся природе, ожидающей своего обновления. Он заканчивал политехнический институт, и у него было одно жгучее желание в эту весеннюю пору - получить согласие Лариски вместе поехать на море после защиты диплома. Она обычно прикрывалась своей мамой, как малое дите, и не пыталась даже объясниться.

- Не разрешит она мне.

- Ты же взрослый человек? - возражал он ей, в раздражении теряя весомые аргументы, - и маме пора бы это понять!

- Нельзя ее нервировать, - оправдывалась Лариса, хорошо зная отношение своей матери к такому отдыху.

- Давай поженимся и не будем больше на нее оглядываться по любому поводу, - настойчиво и твердо заявил Денис, хотя об этом они уже раньше говорили.

- Не знаю, боязно, - стеснительно отвечала Лариса, не принявшая в жизни без мамы ни одного самостоятельного решения.

- Зато я знаю! А маме твоей я объясню, - раздраженно выговорил Денис и добавил: - Я уже заказал две путевки в Сочи!..

Их дружба возникла еще в школе, и для других она была неприметной, а сами они не показывали и не проявляли своих отношений на людях. В институте они уже тянулись друг к другу, как мотыльки к свету, и часто вместе проводили время. Но она была всегда сдержанной и не расслаблялась, оставаясь даже с ним наедине. Денис был открытым человеком и не принимал недоговоренностей, сдержанности и не прятал своих чувств.

- Зачем показывать всем нашу любовь? - скупой улыбалась Лариса на эмоциональные вспышки Дениса, нетерпеливость которого позволяла свободу шаловливым рукам. - Она лично нас касается и зачем ее показывать?

А сама уже выставляла вперед руки, чтобы держать дистанцию между ними. Денис не унимался, он нуждался в ее тепле и душевности, а не в пугливо-затравленном отношении.

- Не надо... потом! - как заезженная пластинка, повторяла она одно и то же, - Потом... потом.

В жизни Лариса была вообще интересной, в ней Дениса привлекало много такого, чего у других не сыскать. Умная, веселая, красивая, с чувством юмора, но наедине с ним ее словно подменяли, и вела себя сдержанно, лицо хмурилось и вся становилась словно каменная. Видимо, мать затерроризировала ее не на шутку, коль так пугливо озиралась по сторонам. Потому он и ждал с нетерпением окончания института. Он будет самостоятельным человеком и материально обеспечит семью. Ларисе остался еще год учебы, и он без нее никуда не уедет.

Денис попросил отца похлопотать за него и оставить на год в своем городе. И тот, не спрашивая причины такой просьбы, молча занимался его трудоустройством. Они были сдержанными между собой, сын не раскрывался перед ним и отцу не известны были его отношения с Ларисой. Сам же никогда не спрашивал, и пока оба деликатно в разговорах обходили эту тему, не торопя события. А их время наступало, и Денис, будто стесняясь, как-то нерешительно спросил отца:

- Папа, объясни... почему красивые девушки беззащитны?

Вскинул на сына удивленный взгляд Николай Кириллович и недоуменно пожал плечами.

- С чего бы у тебя такое в голове?

Цепкий взгляд отца словно охладил сына и прочитал его мысли. Денису показалось, что отец его раскусил и сейчас будет над ним насмехаться. За ним такое водилось, чтобы уйти от серьезного разговора.

- Да так, - безнадежно махнул рукой Денис, подумав, что не вовремя завел разговор, и направился на выход из кабинета отца, но тот поторопился его задержать, почувствовал, что с сыном происходит что-то неладное.

- Стоп! Стоп! Ты куда, прерванный разговор хуже воровства куска хлеба у голодного... Коль заикнулся, давай закончим тему... интересная она, - добродушно, располагаяще улыбнулся сыну и просительно закончил, показывая на кресло: - Сядь, не кипятись, кипяток!

Успокоился несколько Денис, видя искреннюю заинтересованность отца и продолжил издали подбираться к волнующему его вопросу отношений с Ларисой.

- Папа... почему мужики бесстыдно пялят глаза на красивых девушек, будто они их собственность или какое лакомство?

- Ну ты и загнул, - удивился отец.

Он видел в Денисе еще неоперившегося молодого человека, а, оказывается, в нем бурлят вон какие мысли и страсти. Не выдержал одиночества борьбы с ними и потянулся к отцу, чтобы вместе справиться. А он в молодости и сам много пережил в период влюбленности и убежден до сих пор, что на всех интересных женщин постоянно идет посягательство и поэтому они нуждаются в защите. И в то же время их не спрячешь в клетку, не оденешь паранджу на всех. Наоборот, они требуют для себя абсолютной свободы и права самим распоряжаться Богом данными достоинствами. Они просто нуждаются во внимании сильной половины, как пчелы в нектаре и им нравится ее восхищать, увлекать, интриговать. Внешне они чаще безмятежны, но игривы и лукавы их глаза, и всегда начеку от своей незащищенности.

Красивые женщины редко счастливы! Они страдают чаще от неисполненных надежд и чувствуют себя обездоленными. Зависть их гложет к успешным, чья внешность значительно уступает им и не идет ни в какое сравнение. Но что поделаешь? Чаще в жизни везет удачливым, а не красивым!..

Сын не выдержал затянувшейся паузы глубоких размышлений отца и нетерпеливо заметил:

- Они сами виноваты! Провоцируют мужиков своей одеждой... не стесняются свои пупки выставлять с пирсингом... Ноги оголяют дальше некуда!

Огорчение, злость и раздражение слышал отец в словах повзрослевшего сына и сочувственно ему пояснил:

- Не все так просто, как кажется... Их красота формирует их характер, и они из-за него не всегда счастливы... они непостоянны и противоречивы, - и оборвал отец свой разговор от неожиданно мелькнувшей мысли и спросил заинтересованно: - Денис, ты что, жениться собрался?

Отца вдруг словно осенило, что сыну-то уже 22 года! Взрослый парень! А они с матерью до сих пор на него смотрели, как на малое дитя, ничего не понимающее в жизни. Хотя и вымахал под два метра росту, но в голове мякина, и успокаивали себя тем, что со временем «поумнеет». Видимо, сын чувствовал такое к себе отношение родителей, но не показывал обиды, хотя назойливая забота матери вызывала в нем раздражение и недовольство. Не замечали они взросления сына, и он был предоставлен сам себе и не приносил им особых забот.

- Денис, я угадал? - уже улыбался отец, заговорщически посматривая на сына.

- Папа, кажется, дело к тому идет... но вот в меня вполз эгоист, собственник и... злит постоянно, нервы подпрыгивают... любой на нее смотрит, как хочет!

- А как она себя ведет? - осторожно спросил отец, исподволь подбирая доводы для успокоения расшалившихся нервов сына.

- Ей вроде все до лампочки... - ответил Денис, и, подумав, пояснил: - А может, вида не подает?

- Это хорошо, - удовлетворенно произнес Николай Кириллович, сочувственно похлопал сына по плечу и философски заметил: - на девушек равные у всех права, пока они не замужем, и с этим ничего не поделаешь, нужно смириться, а не терзать себя сомнениями!

- Значит, свадьба является актом приватизации Ларисы? Её замужество для меня является приобретением собственности?

Горькая и недоуменная усмешка застыла на бледном лице Дениса. Он растерянно посматривал на отца, явно не понимая его логики.

- Если бы все так просто было, - подрастерялся отец от слов сына, он не знал на них ответа и начал издали разговор, основываясь на собственном опыте. - Их же завоевать надо... расположить... если хочешь - влюбить в себя! Но они подчас обманчивы, на словах одно, в голове - другое, а ведут себя как им хочется. Между прочим, за твою мать из-за этого мне морду перед свадьбой расквасили.

Раскрылся в своей откровенности Николай Кириллович и напугался, давно это было и все быльем поросло, а надо же - вспомнил и внес оживление в настроение сына.

- Ну-ка колись! Давай подробности для науки сыну!

Насмешливость Дениса несколько задела отца, но он не подал вида. Ему не хотелось нарушать установившуюся доверительную душевную атмосферу, и он постарался все свалить на мать.

- Ну набили и набили! А кто провокатор? Думаю, не надо объяснять... у нее узнай подробности, но для меня ясно одно, что за любовь надо бороться... биться, не жалея себя, и не ждать милости от судьбы!

Не хотелось ему вспоминать те неприятности, особенно то его фото с расквашенными губами. Кто-то из доброхотов подsunул его Наде, будущей жене. Оно у нее не вызвало сочувствия, он увидел на ее лице самодовольство и бездушное веселье со смехом. Но после этого ее будто подменили, враз стала какой-то участливой, без колкостей и насмешек разговаривала и с удовольствием дала согласие на замужество. А то и слышать не хотела, а почему так изменилась, так ей одной только ведомо. До сих пор для него тайна за семью печатями. Может, перед сыном раскроется после стольких лет умолчания и поделится своим личным опытом, чтобы понятны были Денису несуразность, порой нелогичность поступков девушек и внешняя обманчивость их поведения.

- Так засылаем сватов? - решительно спросил отец, бодренько потирая ладони от удовольствия. - К кому? Теперь-то уж откроешься?

- Не получил пока от нее согласия, - остановил сын отца от планов на будущее, - ей же еще год учиться, вот из-за этого и медлит с ответом.

Николай Кириллович зажегся идеей свадьбы старшего сына и ему хотелось уже взять бразды правления в свои руки.

- Может напрямую с родителями поговорить? Поднапугать, что уедешь после института в Сургут, а?

- Нежелательно... мать без отца Лариску воспитала, вот, видимо, боится одной остаться, - поделился Денис своими скудными сведениями об их семье, - ты же знал его ... Кузнецов.

- Лариса Кузнецова - твоя невеста? - не веря услышанному, переспросил Николай Кириллович, растягивая слова. Он словно окунулся в ледяную прорубь, и ему не хотелось в это верить. Он мучительно думал об аргументах, доводах, которые могли бы убедить сына в ошибочности его выбора.

Удивился Денис неожиданным переменам в лице, голосе отца. Будто напугался чего-то, и сын постарался его успокоить:

- Мы с вами жить не будем... знаем, что еще Димке ого-го учиться!

- При чем тут Димка? А брат ее где? - переспросил Николай Кириллович больше для поддержания разговора, нежели интереса ради.

- Ему уже тридцатник! Кандидат... бизнесом занимается, снимает жилье и живет отдельно, - пояснил Денис, все больше удивляясь перемене в отце и особенно его бледности лица и какой-то озлобленности, раздражительности: - Что тебя так расстроило? Ты же с ее отцом работал и хорошо знаком был?

- Потому и расстроился... умный он был, талантливый, но в 44 года ушел из жизни, потеряв счет операциям по онкологии... это ждет в будущем и потомство Ларисы... да, может, и ее лично.

Отец говорил так, словно зачитывал приговор. Он безжалостно говорил и сын дико закричал на него:

- Ты что такое говоришь? Папа, неужели ты такой жестокий?

- Просто хочу оградить твое потомство от такой наследственности, - безжалостно продолжил отец гнуть свою линию, - она же родилась после черныбыльской командировки Бориса... вот откуда его операции, его болезни, его короткая жизнь! Родители у него еще живые и даже кто-то из бабушек и дедушек. Корень-то хороший, а Лариску он наградил званием «потомственный черныбылец»!

- Этого не может быть! - слезы стояли в глазах Дениса, не скрывал он их и растерянно принимал речь отца, и ему их разговор казался виртуальной картиной, которую можно поменять в любое время, - я же не смогу без нее, как же так?

- Чистота рода, нормальная генетика будущих поколений во все времена было заботой старших в семье, ты уж извини... действия гамма-излучения на генетический аппарат проявляется в последующих поколениях... вот такая потомственная наследственность у Ларисы от отца! - продолжал жестко свою линию Николай Кириллович. Он сочувствовал сыну, но подбирал весомые аргументы, чтобы окончательно убедить его в неизбежном.

- Медицина не стоит на месте, - робко заметил Денис и продолжил, - может, она поможет... в конце концов обойдемся без детей.

Николай Кириллович безжалостно продолжил проветривать мозги сыну, хотя и с болью в душе.

- Еще перед войной стало ясно ученым, что ионизирующие излучения вызывают изменения наследственного аппарата, изменение генотипа, и проявляются они в ближайших поколениях... да и в отдаленных потомках... Столько лет уже прошло,

и эти выводы подтвердились наукой при изучении последствий бомбардировок Хиросимы и Нагасаки... да и у нас уже накопился опыт, только это закрытая тема.

- Что-то не так, отец! Наука расшифровала геном человека... наверное, и онкология будет излечима... вон экстрасенсы уже рак предлагают лечить...

Еще долго и бессвязно говорил Денис о поиске решений, и у него пока не было сомнений в их совместной жизни с Ларисой. Николай Кириллович тактично помалкивал, он искренне сочувствовал сыну, это на лице у него была маска равнодушного и жесткого человека, а внутри все кровью обливалось за Ларису, за их большую любовь, за потерянные их надежды. Он давал возможность сыну помечтать, пофантазировать и не мешал ему выговориться. Сын не принимал позицию отца, но разговор не прошел даром. Крепко задумался Денис после этого памятного общения, умный он парень и найдет в себе силу воли унять свои чувства, притушить любовь во имя будущих поколений. Найдет! А родители ему помогут, иначе для чего жить?

ОБЯЗАНЫ СЕБЯ БЕРЕЧЬ!

Работая на взорванном четвертом блоке, люди психологически быстро привыкали к радиации. И начинали себя вести вольно, не задумываясь о последствиях, словно кто у них отключил напрочь чувство осторожности, страха. У многих из них точно сквозь землю, пропадало критическое восприятие своего поведения, и они невольно, особенно руководители, при их занятости, активности и старательности, набирали столько «грязи», что никому мало не покажется. И в своей заполошной деятельности не останавливались, не задумываясь о последствиях. Им казалось, что не коснутся их никакие болячки, беды, и у них здоровье вечное!

Спасибо ровному и взвешенному характеру Дроздова, который один из немногих вел себя относительно спокойно и сдержанно. Он постоянно присматривал за подчиненными и требовал от них заботы о себе, а не сломя голову организовывать работу.

- Виктор Алексеевич, вы что, специально сюда за «бэрами» приехали или делом заниматься? - обратился он недовольно к Тертышнику на совещании. Перед ним лежала накопительная ведомость учета «загрязнения» руководства, и, просматривая ее, он не скрывал своего раздражения. Виновник немного растерялся с ответом, а начальник продолжил: - Ну что молчишь? Дела надо делать! Но обязаны и себя беречь!

Выдал Дроздов как афоризм, аксиому поведения руководителя, обведя усталым мудрым взглядом собравшихся и задержал его на Тертышнике, ожидая ответа. А у того его не было и оправдываться не собирался, он приехал полезные дела делать, а не бегать в страхе от радиации. Ну и что такого, набрал за день пять бэр, увлекся, но зато дело сделал. Именно за это укорял его начальник стройки, и крымчанин Тертышник обычно за словом в карман не лез, но, подзадержавшись с ответом, решил превратить их разговор в шутку:

- Владимир Павлович, зато ангина прошла, мучился ею последние дни.

Не принял шутки Дроздов, и Тертышнику пришлось пообещать побережться, но тема нашла продолжение.

- Может, еще кому на пользу пошла радиация?

Оживление и разговоры внес этот вопрос среди руководителей, пошли насмешки, шутки, воспоминания, и только начальник службы дозиметристов Болотов серьезно отнесся к нему и обратился к Климову, заместителю начальника.

- Олег Николаевич, вы-то что помалкиваете? Вас же печень перестала беспокоить? - при этом Болотов постарался дистанцироваться и заметил: - Но что-то не верится.

- Придется поверить! - утвердительно проговорил Климов, которого до командировки в Чернобыль постоянно беспокоила печень, и он без аллохола не обходился. Здесь же он забросил таблетки и перестал ощущать ноющую боль в области печени.

- Может, питание повлияло? - нерешительно заметил Болотов, умудренный опытом работы с радиацией. - Все-таки оно разнообразное и питательное.

- Вроде не ограничивал себя и дома ни в чем, - возразил ему Климов, - а печень болела.

- Работать в высоких радиационных полях - это все-таки эмоциональная встряска... - спокойно продолжал пояснять свою позицию Болотов, - бывают же исключения, что они с пользой для здоровья!

И тут его поддержал словоохотливый Виктор Алексеевич:

- Это все равно, что из-за угла вдруг получить по морде раствором из порванного шланга... Макаренко своей методикой «перевоспитания взрывом» менял сознание своих подопечных и успешно перевоспитывал... Может и здесь тот же метод помогает?

Мудро помалкивал Владимир Павлович и не мешал завязавшейся дискуссии. Уже конец рабочего дня, никто никуда не торопился и не спешил к семьям. Всех ждало казенное общежитие без особых удобств с металлическими скрипучими кроватями и со скромной спартанской обстановкой. А людям порой полезны такие непринужденные разговоры, которые отвлекают их от обыденности, снимают нервное напряжение и улучшают психологическую душевную атмосферу коллектива.

- Ну что, заканчивать будем медицинскую тему? - обратился Дроздов, чувствуя, что инициаторы дискуссии поуспокоились, но неугомонный Тертышник возразил начальнику, привлекая к себе внимание шуткой, отдающей дань времени:

- Владимир Павлович, поручите мне рядом с реактором сделать лечебные палаты, и сбор пойдет по полтора рубля в час с пациента... озолотимся, по стране процветает всюю коммерция, а мы прозябаем!

Не мог спокойно это слышать специалист по радиации Болотов, который шутку Тертышника принял за чистую монету и зло, раздражительно упрекнул:

- Чего дурью маемся? Сегодня польза, а завтра... рак!

- Ретроград ты, Болотов! - не уставал шутейничать Тертышник. - Наука развивается и ей надо помогать!

Дроздов почувствовал, что начальник службы дозконтроля весь разговор принял близко к сердцу и уже пылал гневом, и он решил вмешаться.

- Обменялись мнениями? И достаточно, оставьте медицине ее проблемы, а мы вернемся к своим...

Но ни у кого особо не было желания продолжать производственное совещание. Похоже, расслабились и отдыхали мозги в таких отвлеченных разговорах и не хотели перестраиваться на серьезный лад. Почувствовал Дроздов душевный настрой своих подчиненных и решил не портить им вечер и закончить совещание. Неожиданно помог ему Климов, предложивший разговор на медицинскую тему перенести в «кубрик». Да и время ужина уже подходило, но всем было ясно, что тема не исчерпана и найдет там свое продолжение.

А «кубриком» прозвали столовую, в которой они коротали свои вечера. Он располагал обитателей к душевному спокойствию и расслаблял их после трудового дня.

Столовая размещалась в чистой зоне в сельском кирпичном доме, и вся обстановка, две заботливые женщины-хозяйки создавали домашний уют и располагали к тому, что они словно возвращались вечером домой.

После ужина просматривали телевизионные вести и потом чаще всего «точили лясы», как выражался Владимир Дионисович¹³, и он порой и задавал тон разговора.

- Ну что, опять энергию не выключили утром? - спросила его одна из хозяек. И он сокрушенно поведал с серьезным видом:

- Ее столько накопилось, разве отключишь!?

Смешок пошел гулять, а значит, быть веселому вечеру с шутками и анекдотами.

¹³ Владимир Дионисович Андрух – заместитель начальника УС-605.

Гласность открыла такие ранее запретные темы, что не оставляли обитателей «кубрика» равнодушными и они часто в разговорах возвращались к ним. И «кубрик» был для них своего рода клубом неформальных встреч. Они душевно в нем отдыхали, и он их объединял, уравнивал, как это бывает в банях, где все равны! А его дружеская атмосфера настраивала уставших людей на откровенные, открытые разговоры и для них в их неформальном клубе не было запретных тем. И такой психологический микроклимат полезно влиял на настроение и даже на физическую форму ликвидаторов, продолжительность рабочего дня у которых был по 12-15 часов в день, притом без выходных!

«Кубрик» поднимал в людях хороший душевный настрой, и немалая в этом заслуга - мудрая позиция их руководителя Дроздова, который особо о себе не давал знать и не давил никогда авторитетом. Он вообще без шума и крика руководил УС-605, исподволь объединял всех для выполнения непростых задач по ликвидации последствий аварии на четвертом блоке.

И они успешно решались!

ВИНОЙ ВСЕМУ РАДИАЦИЯ!

Командировки в Чернобыль Силин страшился, боясь ее последствий. Он наслышался от возвратившихся оттуда людей столько всякой жути, что оторопь его брала и от страха потели руки. Предстоящей командировки он пугался, но от нее ему не отвертеться и не уклониться. Он же работал в закрытом ведомстве, и у них порядки построжее, чем у военных. Уклониться от нее он не смел! Это равносильно тому, что отказаться исполнять свои служебные обязанности с предсказуемыми последствиями. Тотчас лишишься привычного и окажешься в числе обычных граждан без социальных гарантий и немалых преимуществ, дающихся этим ведомством.

С таким чувством он и появился в Чернобыле. После посещения высоких полей радиации на него находила сонливость, слабость. Всю дорогу от ЧАЭС до Чернобыля спалось, смог бы и дольше, если бы не конец пути. И голова работала не как раньше, забывались и стирались разговоры, которые велись на площадке. Он заметил, что некоторые вели записные книжки. А он не особо важная птица, всего лишь электромеханик и ему нечего запоминать, тем более записывать. Чего глаза видят, то и делаешь, что просят, то и выполнишь! И тут на пятый день его работы на четвертом блоке вечером в общежитии мужики пристали, как нож к горлу приставили.

- Гриша, гони бутылку!
- С какого перепоя? - огрызнулся он им. - Или я что-то вам должен?
- Не фига... ты что, уже забыл? - удивленные лица мужиков укоризненно смотрели на него. - Ты же ее проспори́л.
- Не помню что-то, - в раздумье почесал затылок Гриша и спросил: - А о чем спор-то был?
- Во-о дает, - возмутился бригадир Колесник, - из-за футбола... наши же проиграли, так что бедной овечкой не прикидывайся, вытаскивай бутылку!

Призадумался огорченно Гриша, вроде о футболе они вели речь, но вот про спор у него напрочь вылетело из памяти. Подрасстроился он не на шутку, ведь вез ее из самого дома, спрятав в вещах, и преодолел с ней такие строгие милицейские посты. И не за понюх табака вот так расставаться. Во ...о дурак! Что значит радиация! Напрочь вышибла память из мозгов ..., придется и ему вести записную книжку.

С сожалением расстался Гриша со своей заначкой, он держал ее для какого-нибудь случая. Здесь же не купить водки, сухой горбачевский закон действовал, и вот так легко распрощаться со своей бутылкой и поставить ее им на стол? А сослуживцы обрадовались «халяве» и уже подыскивали новых клиентов из свежеприехавших, чтобы их «обуть» и немного развлечься.

Хорошо все знали привычку наших людей, что без бутылки обычно не едут в командировку. И Гриша понял свой прокол, хорошо усвоил урок и вместе с остальными «обувал» новичков! И виной всему - радиация!

ГРУСТНОЕ КЛАДБИЩЕ НАДЕЖД

Некогда красивый и ухоженный город Припять встречал людей мрачными окнами, бесхозными балконами, безмолвием захламленных улиц и колючей проволокой по его границам.

На одном из зданий висел плакат, который словно издевался над мертвым городом или насмехался над доверчивостью живших в нем людей, своим текстом: «Мирный атом - в каждый дом!» И он бездушно и грозно вошел не только в каждый дом, но и в души людей, верящих в будущее атомной энергетики!

На окраине пустого города должны быть где-то живые души. На подъезде к частным гаражам, которые являлись наиболее близкой точкой города с атомной станцией, по обочинам неухоженных дорог валялся разный хлам, и только у раскрытых ворот было вроде прибрано. А за въездом сбоку сторожил пес желто-коричневого окраса, одиноко взирающий на безмолвные ворота, застывшие в одном положении. Безднадежно и безнадзорно он распластался по земле. Его большая кудлатая голова лежала на скрещенных передних лапах, а глаза застыли безысходным, безжизненным стеклянным взглядом. Незабываемый дизайн с большой плюшевой собакой на фоне бесхозности и запущенности. Удачно и к месту она оказалась выброшенной. Еще недавно пес радовал детвору своим красивым видом, мягкостью и еще помнил возбужденно-радостные детские голоса. А тут лежал не востребуемым на безмолвной окраине города и равнодушно взирал на редко приезжавших людей.

Гаражи вскрывала бригада управления «Комплекса» и брала на учет оставшиеся машины. Хозяева давно получили за них компенсацию, но ГАИ не досчитывало большого количества машин. Боялись служивые начальники, что ловкачи жулики продали их в чистые города и страшились последствий. Потому и искали недостающие машины и безжалостно ломали крепкие замки и вскрывали не жалеючи ворота. Гаражные боксы были добротны выполнены из кирпича, с просторными погребами и по единому проекту. Бетонные покрытия заботливо делали и качественно. Застыли таинственно гаражи черными провалами пустующих боксов с расхлябанными воротами. Было тихо и безлюдно, безжалостное жаркое марево повисло без движения над окраиной города и в проездах между рядами боксов. Солнце пылало и ярилось, знойно было в полдень. Привкус выжженного неба и жалость к рыжему лесу, утратившему способность радовать своей зеленью, и к этому пустому городу, к тем же бесхозным добротным гаражам - все это наполняло тягостным ощущением потери чего-то важного и нужного для человека. И словно на погосте почувствовали себя приехавшие люди и взирали грустно, с щемящей жалостью на это кладбище былых надежд.

СКАЗКА

ПРО ЗЛУЮ МАРИЮ И ЕЕ КОВАРНЫХ ДОЧЕРЕЙ

У злой и безумной Марии были две дочери - Лариса и Параша. Характера они были материнского, но превзошли ее в коварстве и ожесточении. А жила и проживала мать с дочерьми между небом и землей. Не на земле и не на небе! На мощном энергодышащем рукотворном Исполине по имени «Реактор».

Хорошей опорой он был для Марии и ее дочерей. Жили они не тужили рядом с такими же исполинами-великанами, прозываемыми в народе «Миллионниками». Ничего они ни у кого не просили, в долг не жили и займы не одалживали. Зла на людей не держали и вреда им не приносили, разве только что пользу.

Но однажды теплой апрельской ночью неожиданно и бесшумно пробрался к одному из Исполинов Тать и безжалостно взорвал его. И что было потом, не пером описать и словами не рассказать! Жуть повсеместная! Во сне такого не увидишь и ни в какой сказке не прочитаешь! Тяжелые осколки «Реактора» с радиационной грязью разлетелись по всему Полесью вплоть до Киев-града, но немало их досталось Марии с ее дочерьми. Они рядом оказались с несчастливым реактором. Полыхало пламя над ним, пожирало оно все его силы, и в гневе он выбрасывал неистово из себя радиацию на сотни метров вверх. Ее захватывали воздушные потоки и разносили по всему белу свету. Трижды он взрывался от безысходности во злобе. Разрушенный, раздавленный, развороченный медленно погибал «Реактор» и держал людей в мистическом страхе и своим угасанием заставлял их проявлять заботу об оставшихся трех Исполинах.

Досталось им от его взрывов и от горячих осколков, особенно тому, что был рядом с ним, а вместе с ним и злой Марии с коварными дочерьми. Люди их отстояли, спасли, а в первые два вдохнули жизнь, и они быстро ожили. Умеючи их восстановили, и зажили они своей энергодышащей жизнью. Но пока не подвластно было им отремонтировать и наладить третий блок. Трудно было в него вдохнуть жизнь, мешали людям взъерошенная во злобе Мария и гневливые, коварные Лариса с Парашей. Их поверхности источали высокую дозу радиации. До десятка тысяч рентген разбрасывали они гамма-излучения, и грело их сознание, что этим их щедро одарил сосед и никому столько не было дано, как им.

Тяжело и несподручно было людям подобраться к Марии. Нужно попервоначально утихомирить ее дочерей, разбушевавшихся от радиации. А их коварство изощренно было, и не поддавались они никакой обработке. Спротивлялись и вредили! Запустили к ним умные машины «Роботы», так одного коварная Лариса сбросила в провал, а со вторым, что из Германии, Параша и того «лучше» сделала. Подвела к металлическому ограждению, зацепился «Робот» клешней-захватом за него, и не оторвешь! Что с ним сделала Параша? Никто не знал, но вынуждены были люди его вырезать из ограждения и сбросить в провал, откуда развороченная масса реактора излучала десятки тысяч рентген.

Не задобрить и не утихомирить коварных дочерей, а злая Мария в гневе излучала немалые дозы, и трудно приходилось людям с ними справляться. На помощь ликвидаторам пришли ученые мужи и долго ломали свои головы, как обуздать непокорную и злоую Марию. Потом им легче будет справиться с ее коварными дочерьми. Придумали умные головы из баумановского МВТУ два «Робота» и назвали их мужскими именами «Вовочка» и «Федя». Посватали они их к беспокойной Марии в надежде породниться, и та вроде смиростивилась к ним, допустила их к себе. Убрали отходы с высокими радиоизлучениями с их

помощью. А «биороботам»¹⁴ осталось совсем ничего, по периметру кровли положить мешки с цементом и залить всю кровлю толстым слоем раствора. Перестала злиться и негодовать Мария, остепенилась и покойно стала жить, горемычно ощущая рядом с собой конвульсии соседа, все еще дышащего энергией.

Дошла очередь до очистки от радиации Ларисы с Парашей. Глядя на свою мать, те особо не злобились на людей и уже не исходили на них коварством и негодованием. Смиренно восприняли «биороботов». По той же технологии, что применяли на Марии, убрали осколки с высокими гамма-излучениями и залили кровлю раствором вперемешку с листьями из свинца.

Радовались и ликовали люди, когда ожил третий Исполин - «реактор» и дал свой миллион киловатт электричества.

А взорванному «Реактору» сделали Пантеон, как в древние времена воздвигали римляне усыпальницы для выдающихся людей. Назвали его «Саркофагом» - условно так прозвали, как надгробие над могилой. И стоит он строгий, величественный третий десяток лет!

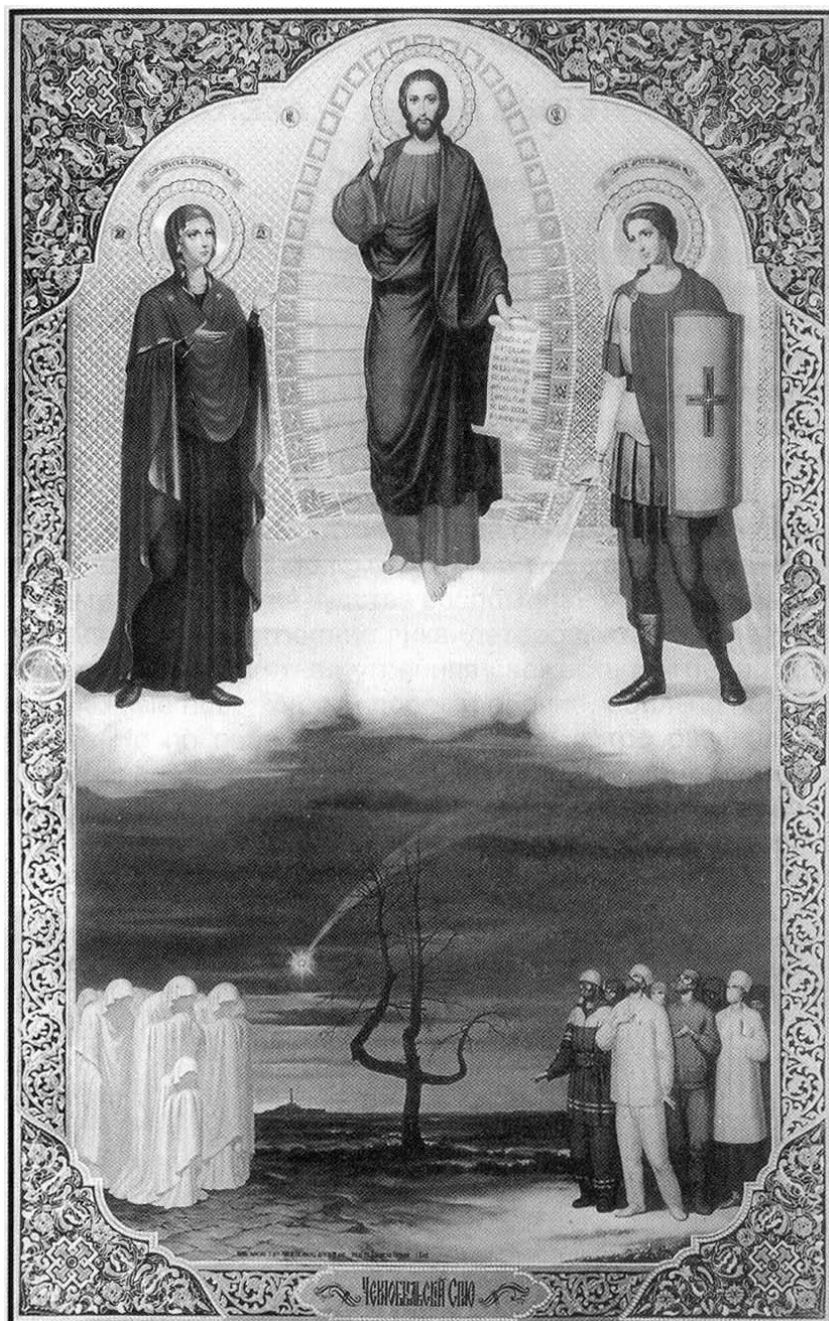
Он возвышается в одиночестве и укоризненно взирает на мир, словно упрекает его в бездушном к нему отношении. Разрушился реактор в непростые и беспокойные восьмидесятые годы, развалился и обескровился. Но его дух и горячие частицы тела долго еще будут вредить людям и напоминать о себе. Зараженные им поверхности земли не одному еще поколению не позволят жить на ней. Но очень хотелось несчастному «Реактору», чтобы его кончина научила людей уму разуму и те сделали бы для себя выводы, что такие катастрофы опасны для человечества! Его трагедия - предупреждение! Надо людям использовать этот опыт и в конце концов научиться уму разуму, чтобы умело обезопасить себя и других. Технический прогресс быстротечен, и все беды на земле - дело рук человеческих!

Плохо, что люди быстро забыли злую Марию и ее коварных дочек. Взорванный «Реактор» о себе еще напоминает своим величественным «Саркофагом», но кое-кто запомнил через что прошли ликвидаторы, чтобы заработали три блока АЭС и очистили район бедствия от радиации. Покусились правители «дорогой незалежной» на легкие деньги Запада, остановили работу атомной станции и погубили «Реакторы» без Татя, и не ночью, а днем. Без сострадания, бездумно, в силу сиюминутных политических интересов. И успокоенная Мария с дочерьми Ларисой и Парашей, придавленные непомерным защитным грузом, безучастно смотрят сверху на глупость людскую и надеются, что когда-нибудь они одумаются и придет в их благодатное Полесье нормальная жизнь и признательно вспомнят тяжелые времена и людей, отважно ликвидирующих последствия той знаменательной аварии.

Правым делом они занимались, не считаясь со своим здоровьем, не замечая коварства и беспощадности радиации! Порой изнемогали ликвидаторы, но свято выполняли свой долг.

Памятливые люди с благодарностью будут помнить их имена, и им воздастся должное на страницах истории. Но не забудет она и правителей, засевших в столицах в то тревожное время, и они будут названы поименно. И будет стыдно потомкам за них, но история - объективная штука, и она все расставит по своим местам. И никого не забудет!

¹⁴ «Биороботы» - так называли себя ликвидаторы

ПОВЕСТИ

«ТО НЕ СКАЗКА - ЖИЗНИ БЫЛЬ!»

Предисловие

В горестном восемьдесят шестом году стояло жаркое лето и для Виктора Никитовича, уроженца юга Украины, привычной была погода и не вызывала особых неудобств. Его душа радовалась очаровательной природе Полесья, не то что их донецкие голые степи с пирамидами-навалами пустой породы около шахт. Не подлежала сравнению природа, она явно не в пользу его отчужденного края. Раньше не бывал он в Полесье, но здесь он почувствовал себя на родине и особенно радовалась его душа, слыша близкую ему распевную украинскую речь. С молоком матери он ее впитал, и сладостна ему она, тревожа чувства воспоминаниями детства.

Поднимала настроение ликвидаторов, ехавших на работу автобусом, приятная утренняя свежесть и «грели души» им влажные поверхности дорог и обочин, обильно политые водой. Но по себе Виктор Никитович остро ощущал, что оно пропадало и портилось, лишь подъезжали к четвертому блоку, к месту их работы. Исчезала куда-то легкость в теле, туманилось в голове и леность ума тревожно распускала свои щупальца. Видимо, настораживало людей каждый раз по приезде на четвертый блок ощущение опасности, и страх формировал готовность противостоять ей, мобилизовать силы для активной деятельности. Адреналин выделялся в кровь, улучшал снабжение мышц кислородом, и люди активно отработывали положенное им время, пока не возвращались в автобус. Исчезала опасность, но необходимый для жизни опыт запоминался, люди успокаивались и обычно спали всю дорогу от АЭС до Чернобыля.

Площадка четвертого блока жила своей насыщенной и беспокойной жизнью. Дезактивировалась территория и шло наступление на развалы реактора. Подвозились бетон, песок и щебень. Работали бульдозеры, автокраны, бетононасосы. Монтажники собирали и монтировали передвижные громадины - краны «Демаги». Молчаливое движение по площадке однообразно одетых людей с защитными «лепестками» на лицах и касками на головах поражало своей неотличительностью. Безмолвное исполнение каждым своего задания без суеты и толкотни казалось удивительным и нереальным. Но при пристальном, внимательном рассмотрении деталей сложного технологического процесса наступления на разбушевавшуюся стихию четвертого реактора появлялась ясность происходящего.

А он, разрушенный, разбитый, развороченный приковывал к себе внимание людей, завораживал их мощностью происшедшей аварии и хранил в своих развалах тайны происшедшего. Он еще жил, дышал и грозно о себе напоминал. Он упрекал, укорял специалистов в бездушном, безответственном и небрежном к нему отношении и равнодушно взирал на муравьиную суету людей. Он пронизывал их грозным гамма-излучением, заражал несчетным числом альфа- и бета-частиц и коварными радионуклидами, невидимыми для глаза!

Большая беда постигла страну, и для ликвидации последствий аварии на АЭС в Чернобыль ехали люди со всех уголков необъятной Родины. Они спешили на помощь с искренним желанием внести свою, посильную лепту, не считаясь с последствиями. Это был патриотический порыв народа! Таково было морально-

нравственное состояние общества. Поработав некоторое время на развалах четвертого блока, люди начинали чувствовать, понимать и убеждаться в наличии Зла. Не в результате насилия оно проявилось, а в искушении человеческой души благами, властью, наслаждением порока, рабством низменных инстинктов. Всему этому противостоять не каждый способен! Преодолевший достоин уважения, и он уже олицетворял силы Добра. С чистыми, искренними помыслами работали ликвидаторы и очищали зараженную землю, ведя яростную борьбу со Злом. Они были в эпицентре противостояния Добра и Зла. Их самих на каждом шагу подстерегали искушения. Рабочее время ликвидаторов на объекте обычно было недолгим. В высоких полях шла работа, и люди быстро набирали дневную норму облучения в 0,3-0,5 бэра. Большую часть суток они были предоставлены сами себе. Вот тут к месту оказался политотдел стройки, возглавляемый Виктором Никитовичем Хопренко, который вместе со своим аппаратом заботился о досуге людей, их морально-психологической устойчивости. Оберегали они ликвидаторов от всевозможных соблазнов и старались занять их свободное время разными мероприятиями, лишь бы отвлечь людей от мыслей о выпивке, азартных игр и от других пороков. Обеспечивали их свежей прессой, книгами, можно было посмотреть телевизор и послушать радио. Приглашали научных специалистов, проводили беседы, лекции о ядерной энергетике и радиационной безопасности. Повышали уровень знаний людей, чтобы те ясно понимали в каких зараженных полях работали и к чему могут привести искушения типа покурить вблизи четвертого блока, ходить без «лепестка», без головного убора и т.д.

Политотдел совместно с областным аварийным штабом проводил регулярно культурно-массовые мероприятия, отвлекая людей от тяжелых мыслей и разнообразя их досуг. Приглашали популярных артистов и кинорежиссеров из киностудии имени Довженко, организовывали встречи с известными писателями, композиторами, деятелями искусства, Поднималось настроение ликвидаторов на концертах художественных коллективов Иванковского и Бороднянского районов, Киевской государственной филармонии. Ну а кинофильмами потчевали людей ежедневно.

Политотдел делал все возможное, чтобы люди не замыкались в себе и своем одиночестве, в терзаниях от разговоров и «сарафанной» информации о страшилках, связанных с потенцией и радиофобией.

Политотдел беспокоился не только о нравственном и моральном состоянии ликвидаторов, он проявлял постоянную заботу о питании. В его пристальном поле зрения находились столовые, буфеты, службы ОРСа, и он постоянно контролировал их работу. Для коллектива политотдела была ясной истина, не требующая доказательств, что в здоровом теле здоровый дух! Высоким радиационным полям способен противостоять только сытый и морально сильный человек!

Политотдел! Это не орган общественных организаций подобно парткомам, постройкомам, комитетам комсомола. Его работа не функции комиссара времен гражданской войны и не парторгов ЦК партии во времена индустриализации. Функция - вообще переменчивая величина и зависит от условий ее выполнения и требований момента и обстановки. Ликвидатор - тот же солдат Великой Отечественной войны! Они оба защищали Родину! Жили и действовали на грани риска в противостоянии Добра и Зла! И работа политотдела схожа именно с функциями политсоветов крупных войсковых соединений той незабываемой войны!

Неординарность условий выдвигали свои особые требования к организационно-политической работе Политотдела. Но не Боги горшки обжигают! Люди!

Выдюжили на войне и здесь справятся с разбушевавшимся монстром! Будут они еще жить счастливо и беззаботно!

Люди, прошедшие горнило чернобыльской трагедии, при встречах часто между собой вспоминают тех, с кем пришлось трудиться бок о бок, дезактивируя зараженные участки и реконструируя вспомогательные здания третьего, четвертого блоков. И редко кто из них вспоминал людей «невидимого фронта» - работников Политотдела. Незаметно они выполняли свою работу, помогая в тяжелых условиях словом и делом. Но при этом фамилия Хопренко Виктора Никитовича была на слуху у многих, и вспоминали его добрым словом. Занимал он должность начальника Политотдела - он же заместитель начальника УС-605.

Прозаическая и ничего не говорящая должность для обывателя. Да и для тех же ликвидаторов, пока они не сталкивались лицом к лицу со своими проблемами и не шли с ними за помощью в Политотдел. А потом оставался у них в памяти отзывчивый, душевный Виктор Никитович, который внимательно их слушал и заботливо помогал в решении проблем. Редкое явление в те времена, особенно в той нервной обстановке. И уже надолго запоминался им этот симпатичный участливый человек с украинской фамилией, чисто говорящий по-русски без примеси «мовы».

На своей должности проработал В.Н. Хопренко 133 дня - с 14 июля по 2 декабря 1986 года. Лишь после подписания акта ввода в эксплуатацию «Укрытия» он уехал из Чернобыля. Он был не кабинетный работник, ежедневно со всеми приезжал на четвертый блок и участвовал с утра во всех мероприятиях: планерках, оперативках, пятиминутках. Нередко выходил с бригадами на места работ и хорошо знал условия производства. И не случайно, что он со знанием дела решал возникающие вопросы и проблемы.

А какую же он дозу получил за это время? Скромный человек Виктор Никитович несколько опешил от поставленного вопроса и уже хотел уйти от ответа. Настырность писателя одержала верх, и он вынужден был «расколоться» и доверительно сказал:

- Частая смена ИТР и особенно руководителей пагубно влияли на ход работ по четвертому блоку... Семендяев¹⁵ при инструктаже попросил меня побережусь и подольше поработать ... попервоначально индивидуальных средств дозконтроля мало было и лишь в конце августа мне прицепили такой приборчик. Прошло 20 дней, и он выдал 24 бэра! Ну что, бери шинель - езжай домой? Стыдно! Неудобно! Все равно что бежать с поля боя! Снял прибор и положил его подальше в ящик стола, там он и пролежал до конца моей командировки. Я же спортсмен! Организм сильный, и мне ли было считать эти дозы?

Не было ясного ответа на поставленный вопрос. Воспитанная тем временем убежденность - «надо!» - ломала все условности, преграды, лишь бы выполнить поставленные цели и задачи.

Делами красен человек! И не место красит человека, а человек его красит! Будто всей своей жизнью Виктор Никитович заранее готовился занять столь ответственную должность начальника политотдела в непростые и тревожные дни лета восьмидесят шестого года и быть в авангарде ликвидаторов. У него за плечами был большой тернистый путь производственника - от прораба до начальника крупного строительного комплекса, поработал шесть лет секретарем парткома стройки и занимался много лет проектными делами.

¹⁵ Семендяев – начальник Управления кадров Минсредмаша

Опытный производственник, проектировщик, партийный Функционер - вот тот богатейший багаж опыта и знаний, позволяющий Виктору Никитовичу оставаться востребованным на своем месте все 133 дня его работы! Он ведь хорошо знал, что настроение людей - мимолетное и изменчивое состояние. Оно может меняться по своим законам независимо от человека. Но оно во многом зависит от общего настроения коллективов на активную жизнь и представляет собой энергетическую составляющую организма, реализуемую через психику. И он считал главным в своей работе начальника политотдела необходимость создания психологического комфорта в коллективах, психологической совместимости людей на работе и в быту! Нелегкое это занятие учитывать психологию каждого, считаться с ней и выверять строго индивидуально свои действия, чтобы не принести вреда и чтобы шло на пользу дела!

Знания и опыт - не подарок судьбы

Хопренко Виктор Никитович родился 14 августа 1937 года. По восточному гороскопу он «Вол» и для него характерны черты: терпеливость, немногословность, сдержанность, незаметность, уравновешенность, точность, методичность. Он скрывает свой ум под внешностью простака и вызывает людей на откровенность.

Несмотря на свою спокойную внешность, он холерик. Сдержанный, но одержимый. Гнев его редкий, но от этого он еще более ужасный. Он упрям и не терпит провала предпринятого дела. Обычно замкнут, но ему случается быть и красноречивым, когда это крайне необходимо...

Восточный гороскоп тонко и четко подметил истинные черты характера Виктора Никитовича, не добавив и не прибавив!

Отчий край Хопренко В.Н. - Украина, Донецкая область, Дзержинский район, поселок Киров, шахта имени К.Е. Ворошилова.

Закончил семь классов на украинской «мове», а затем среднюю школу уже на русском языке.

Отец - Никита Семенович (1903-1956). За десять дней до выхода на пенсию трагически погиб в шахте. Всю жизнь проработал шахтером. Цвет тела был постоянно синеватого оттенка из-за угольной пыли, проникающей в поры тела и особенно в ранки и царапины, столь свойственные при работе в душных забоях. Уважаемый человек и почетный шахтер! Орденоносец!

Мама - Анастасия Ивановна (1901-1989), домохозяйка, воспитала троих сыновей.

Брат Иван (1926-1978), шахтер, пошел по стопам отца и тоже рано ушел из жизни.

Брат Николай (1924 года рождения) - его жизнь удивительна на события и перипетии. Когда немцы заняли Донбасс, началась отправка молодежи на работу в Германию. В числе таких оказался и Николай, угнали его в сорок первом и пропал для родителей сын, никаких известий о нем и от него не получали. Пропал он для них навсегда! Род Хопренко крепкий, мощный, и все мужики были высокие ростом, сильные и крепко сбитые. Подбил он троих ребят, своих земляков, работающих на авиазаводе, совершить диверсию. Ну что там они могли навредить? Нужную гайку не довинтить, песок в двигатель насыпать! Но сорвалась их затея, и четыре года просидел он в разных концлагерях, пока не пришли американцы в их зону. США передали Советскому Союзу узников, но остался Николай у американцев из-за болезни. Он полтора года пролежал в больнице с туберкулезом, и передача узников прошла без него. Поправив свое

здоровье, он остался работать у американцев водителем, а потом переехал в США. Женился на русской девушке (и откуда она только там взялась?). Родилось у них трое детей - Виктор, Женья, Георгий. Живут они в Сан-Франциско, Калифорния, хорошо все знают русский язык и не забывают свои родовые корни.

В 1989 году письмо от старшего брата Николая нашло Виктора Никитовича на Мангышлаке. Тот посылал его на их старое место жительства, но оно, не найдя адресата, пошло по адресам проживания: Ростов-на-Дону, Пятигорск, Краснокаменск, Винница - Шевченко. Конечно письмо его обрадовало! Но он работал в «почтовом ящике». Что делать? Сообщил во второй отдел, у тех глаза на лоб лезут от удивления. Но времена были уже иные, и все прошло гладко и без эксцессов. Списались с ним, и в 1990 году он приехал в Москву, где уже жил и работал Виктор Никитович. Для американца Николая открытием была та поездка, многому поудивлялся. Особенно нашей бедности и езде по улицам без правил дорожного движения. Но ему волнительно было приехать на Родину и слышать повсюду родную речь. Вместе съездили они на Донбасс, посетили родовое гнездо, от которого остался всего один сарайчик. И встретили в поселке двух пожилых женщин, одна из которых радостно воскликнула:

- Ба-а! Мыколо Хопро приехал?

Это же трудно даже представить! Без малого пятьдесят лет прошло, пацаном забрали Николая, а родовой корень-то крепким оказался. Не повлияла никакая Германия, ни Америка на Николая и проявились в нем черты мужчин их рода Хопренко и не менее радостно им было быть узванными через столько лет!

Душевно отдохнул Николай на Родине, и тяжело, грустно ему было уезжать от этой неустроенности в свой сытый мир!

Окончил В.Н. Хопренко Ростовский инженерно-строительный институт в 1960 году и работал в Госхимпроекте г. Пятигорска. Участвовал в проектировании химкомбинатов по всей стране, в 1965 году перевелся в п/я 45 г. Лермонтова в геодезическую партию, местом пребывания которой значился г. Шевченко Гурьевской области Казахской ССР. И первой его работой на Мангышлаке было проектирование Опытной промышленной испытательной установки, иначе ОПИУ.

Город строился, промышленность развивалась, и пресная вода доставлялась баржами из Махачкалы или из Баку. Возникла острая необходимость получения пресной воды из морской здесь, на месте, и эта пионерная установка ОПИУ заложила основу строительства будущего завода по производству дисциллята.

Потом некоторое время поработал куратором у заказчика в УКСе ПГМК, но сманил его на производство искуситель Ярыгин Василий Феофанович в 1967 году. Не сладкими посулами он его заманил, а открывающейся перед ним перспективой.

- Хватит штаны протирать! Займись живым делом! Возьму тебя на фабрику главным инженером участка и дерзай! Стройка громадная, и специалисты быстро набирают опыт и растут! И деньги немалые получают!

Надо сказать, что начальник СМУ-6 Ярыгин В.Ф. авторитетным был руководителем на Мангышлаке, и его предложение оказалось лестным для Виктора Никитовича. Он, не раздумывая, согласился с ним. Стал главным инженером участка по строительству 3-5-ой очереди фабрики обогащения урановой руды. Сложные объекты строили и интересные для инженера. Одержимо трудился, почувствовал вкус настоящего дела. Увлёкся работой и подолгу задерживался на своих объектах!

При строительстве третьей очереди не хватало энергомощностей, и нужно было оперативно построить подстанцию 10 кВ на тракте подачи руды между второй и третьей очередями фабрики. Другого места не нашли проектировщики, как это

стесненное, на котором трудно было развернуться. Нормативный срок строительства - шесть месяцев, но надо было поспешать. Ввод третьей очереди в эксплуатацию всецело зависел от этой злополучной подстанции. Ну что? Глаза боятся, а руки делают! Он же все-таки не зря просиживал штаны в проектно-институте? Разные варианты организации труда продумал, взвесил специфику работы на фабрике и выбрал наиболее оптимальный на его взгляд. Рядом с подстанцией заасфальтировали площадку тех же параметров, что и территория подстанции, что дало возможность электрикам собирать оборудование буквально через два дня. А коллективом участка круглосуточно возводили конструкции подстанции. Времена были такие, что излишков рабочей силы не найти. Работали военные строители, и по договоренности с командованием пообещали им «дембель» по окончании работ. Страсти были подогреты, и их рвение не знало сна и отдыха. Не уходили с площадки сутками. Жадно и остервенело работали, зная свои цели и ориентиры. Через неделю передали опорные конструкции для монтажа оборудования, а на двенадцатые сутки подписали акт ввода в эксплуатацию подстанции. Опустошение пришло после такой напряженной работы, и даже радость не посетила. Единственное, что не верилось и никак не могли взять в толк, что закончилась круговерть ночей и дней без сна и отдыха. И лишь после двадцатичасового сна пришло ощущение восторга и гордости. Они смогли это сделать! На удивление всем!

Василий Феофанович пристально следил за делами, помогал и искренне радовался его успеху. А через некоторое время пригласил к себе в кабинет. Доверительно и участливо разговаривал, выжидательно ласково поглядывая на своего «выдвиженца» и неожиданно проговорил:

- Ну что, Витя? По Сеньке и шапка! Принимай участок!

Не спросил мнения, не предложил, а выдал, как давно решенное.

Неплохой был участок, удобный во всех отношениях, а главное - коллектив подобрался хороший. И показатели были неплохие, постоянно получали премии.

Но Василий Феофанович не привык давать засиживаться на одном месте толковым руководителям и летом 1970 года перевел его на строительство Казахского газоперерабатывающего завода - директивного объекта XXIV съезда КПСС в г. Новая Узень на должность заместителя главного инженера. Это был очередной интересный этап работы. Фактически все структурные подразделения стройки присутствовали здесь, но только в иных масштабах. Материалы, изделия поставлялись из Шевченко, а это немалое расстояние до Новой Узени - 150 км пути! Забот было невпроворот! Некогда было заниматься производством, оно фактически было отдано на откуп начальникам участков. А сам занимался созданием условий для работы автомобилистов, механизаторов. Строил им площадки, мастерские, огораживал их базы. Организовывал приемку на железнодорожных путях инертных материалов: щебень, песок, гравий. Налаживал установки по выпуску раствора и бетона. Развернул работы по строительству столовой и казарм для солдат ВСО и лагеря для заключенных. Готовились и заселялись общежития для вольнонаемного состава, но вскорости пришло время создавать нормальные условия и для субподрядных организаций. А они привередливы были, требовали нужного и нормального. Понимали, что получают, и на большее им потом бесполезно будет и надеяться. В душе понимал и Виктор Никитович справедливость их запросов, но не хватало на все мощностей управления. Исходя из возможностей он подготавливал им базы и фронт работ, старался соблюдать минимальные их требования.

Не передохнуть было от забот, но не отчаивался. Наоборот, бодрилось настроение от выполненного, и чувствовал насыщенную содержанием жизнь! Было очень интересно и увлекательно!

Не без участия опять-таки Василия Феофановича перевели его в Краснокаменск Читинской области. Он дал рекомендацию на выдвижение, и она сработала положительно.

В Краснокаменске, близ монгольской границы, строилось новое производство по добыче и обогащению урановой руды. И нужны были производственники, имеющие опыт подобной работы. Кстати им пришелся В.Н. Хопренко, увлекли его масштабностью дела. А он человек страстный, загорелся работой и дал согласие на перевод начальником комплекса. Проработал два года и по состоянию здоровья сына был вынужден уехать на родную Украину, в Винницу. Понравился семье город, чистота и зелень улиц, обилие дешевых фруктов и овощей. Но привыкший летать не может ползать! Черта его характера - отдавать всего себя работе и честно работать, открыто, не считаться с трудностями. Не роптать и не искать виновных, а упрямо их преодолевать! Возглавил он строительно-монтажное управление и был верен себе, работал не покладая рук. Нашел взаимопонимание с коллективом, уважение почувствовал от своих подчиненных и начальства. Ну что еще надо руководителю? Трудись и радуйся! В конце второго года работы совершался объезд объектов с зампреда облисполкома по строительству, тот одобрительно оценил его работу, похвалил по-дружески и сказал:

- Ну, а эти дома включаем в отчетность по вводу! Не хватает площадей, а тут, считай, готовые дома стоят!

- Так пятый этаж не достроили, - робко напомнил Виктор Никитович, - и к отделке не приступали, коммуникации не все подвели...

Суровый начальник не дал ему договорить, грубо, недовольно его оборвал:

- Я что, гинекологом работаю? Не понимаю, что к чему? Включайте в перечень сданных объектов!

Раздраженным уехал он с объекта, не попрощался даже, оскорбился, что начальник СМУ не понял его и еще вздумал возразить. Виктор Никитович почувствовал никчемность и какую-то ущербность своего положения. Ему нужно будет подписывать документы по сдаче объекта, и в любое время с него будет спрос за приписки. Шаткость своего положения он понял после неприятностей у начальника электромонтажного управления Н.И. Денисенко. Возглавлял тот передовое управление в городе и не вылезал из президиумов на собраниях и конференциях. Почет и уважение ему оказывали местные власти и партийные органы. Но придрались к нему по мелочи народные контролеры, и он их выгнал из кабинета, обозвав «борзописцами», а народный контроль - «центром борзописцев». Пошли проверки на всех уровнях, притом, что в Киев на него были отправлены документы на Героя Социалистического Труда. Комиссия из столицы приехала, прокуратура занялась, и в итоге мужик получил 10 лет тюрьмы! С таким гигантом так лихо расправились, а на что ему было надеяться? Пошел он со своими сомнениями к второму секретарю горкома партии, им оказался русский мужик, открытый такой, и приветливо его принял. Выслушал сомнения начальника СМУ, искренне посочувствовал ему и с сожалением, между прочим, обмолвился, что без прикрытия работает, и разъяснил безвыходность его положения.

- Тогда придется увольняться! - в раздумье высказал Хопренко.

- С партучета не снимут, - напомнил ему секретарь, - вытурят из партии, как пить дать отберут партийный билет. И куда пойдешь?

Головоломку задал секретарь, такая перспектива его не устраивала. Он еще молод, энергичен, в меру амбициозен и крест ставить на своей карьере не собирался. Без партбилета никакие перспективы не светят, и нет хода никуда в Союзе! А у него все-таки двое детей, и им надо дать сносную жизнь, не ехать же на Донбасс, в шахту? В забой с молотком, как его предки и близкие? Тяжелую задачку задал партийный руководитель, закручинился Виктор Никитович, расстроился, и его состояние не прошло незамеченным у с€Кр€Таря. Посочувствовал тот этому симпатичному рослому парню «не без царя в голове» и участливо сказал:

- Решай сам, со снятием с учета так и быть... помогу! Семь бед один ответ Отмажусь как-нибудь, а тебе не буду портить карьеру!

Отошла тяжесть, давившая последнее время на сердце, облегченно задышалось, и он поблагодарил секретаря. Поспешил со своим увольнением, остался без работы и застыл на развилке трех дорог, как былинные богатыри перед принятием решения. Прямо пойдешь - в Минсредмаш попадешь, в управление кадров к Семендяеву, а тот ему строго выговаривал при увольнении из Краснокаменска:

- Отправь жену к родителям в Ростов, а сам останься в Краснокаменске и работай!

- Но малыш болен!.. Двое детей на руках! - возражал Виктор Никитович.

- А кто сдавать будет комплекс? У нас какой порядок в министерстве? Сначала дело, интересы коллектива, только потом личное! - внушительно вразумлял его главный кадровик министерства.

- Но он в плохом состоянии! Прошу перевести назад ... в Шевченко!

- Нет! - решительно заявил Семендяев и предупредил: - Если уволишься, для тебя будут закрыты все двери министерства!

Ничего хорошего не обещала прямая дорога, а влево пойти - попадешь в Киев к друзьям по институту, которые устроили его в Винницу. Одни порядки на Украине для всех и все строители находятся под «дамокловым мечом» приписок. В любое время он может опуститься на их головы, и не мог Виктор Никитович позволить себе жить в вечном страхе перед расплатой. Видимо, этому надо было учиться с пеленок, сразу же после института! Может, и получилось бы тогда у него? Хотя навряд ли!

Дорога вправо вела его вновь в Шевченко на прямые переговоры с руководителями стройки, и он выбрал этот путь.

В Шевченко его принял начальник Прикаспийского управления строительства Трепалин Владимир Петрович. Уважаемый человек в отрасли, талантливый организатор. За его плечами стояло немало построенных крупных комплексов в Сибири и Шевченко. Внешне он был полноватый, грузный, но для своего веса был подвижен. Мог находиться на ногах сутками, без усталости обходить объекты, решая вопросы. Молодые и стройные уставали, а ему хоть бы что! Часто отирал платком пот со лба и благожелательно, с подтекстом, предлагал подчиненным:

- Ну давайте еще очистные рассмотрим, заедем на подстанцию ХГМЗ и тогда на сегодня закончим.

Стройка была большая и не хватало времени объять все объекты. Все это знали и особо не могли ему возразить, хотя и раздавались недовольные возгласы от близких ему людей.

- На двести процентов уже план перевыполнили... Может, хватит? Устали.

Добродушно посмеивался Владимир Петрович и подначивал:

- Ну, кто устал, пусть домой двигается, детей воспитывать!

- А может, пересчитывать, вдруг и чужие завелись при такой работе, - встревал для разрядки острый на язык один из его приближенных. Он отвлекался от своего желания объять необъятное и успокаивающе говорил:

- Ну, хорошо! Перенесем на завтра, соберемся часиков в семь утра, чтобы не нарушать распорядка дня.

И уже косились люди на шутника, но много не поговоришь с таким начальником.

Много был наслышан о нем Хопренко, но близко не пришлось с ним работать. При встрече беседа получилась у них доверительная, и Виктор Никитович не мог утаить его разговора с Семендяевым. Задумался Трепалин над такой задачей, потом словно очнулся и позвонил кому-то. Посоветовался по сути дела, но Хопренко не услышал ответа. Подумав немного, он решительно сказал:

- Иди работай! Приму удар на себя! Так и быть! Только оправдай надежды!

Такое своеволие руководителей кадрами Министерства не поощрялось, и Хопренко понимал, что Трепалин из-за него подставил себя под удар. Но он знал и другое, что этот ради дела готов на многое, не считаясь со своим положением.

Приняли его главным инженером СМУ-2, которое строило объекты ХГМЗ. Вскорости он стал начальником этого управления. Вполне успешно проработал два года. Все утряслось у него, образовалась нормальная жизнь для семьи, трудись только и радуйся! Нет! Его беспокойная судьба не знала ровных направлений, бросила она его нечаянно для знакомства с первым секретарем горкома партии В.А. Шеманским. Случайно, ненароком она свела их и определила ему в жизни иное направление. Выбрали его секретарем парткома ПУС. Незнакомое ему это поле деятельности, не занимался он общественной работой, не соприкасался в жизни с партийно-политическими делами. Но был вынужден согласиться! Характер разумно податливый, и не мог он идти против! Шесть лет проработал на этой должности и понял ее своеобразные тонкости и особенности. С ним считались руководители и партийные органы, народ уважал его, а сам он старался не портить биографии коммунистам излишними выговорами и, тем более, исключениями из рядов КПСС. Не мог он выносить таких приговоров, сам на своей шкуре чуть не испытал такую возможность. Обходил острые углы, уходил от конфликтных ситуаций, примирял враждующих, внушал истины непонимающим и требовал обычного честного поведения от членов партии.

Много выдумок было у него для оживления партийной работы. Собирали материал и выпускали еженедельно газету, сам же он выступил в роли редактора, а партком распространял ее по подразделениям.

Еженедельно на важных стройках подводили итоги и отмечали достижения грамотами, благодарственными письмами. Как-то вручил вместо грамоты Герою Социалистического Труда бригадиру Николаю Гордиенко полный комплект сочинений В.И. Ленина. И тот, удивившись подарку, спросил секретаря парткома:

- Ну что мне с ним делать?

- Как это что, читать!

- Некогда, работать надо! - посмеявшись, отвечал Гор- Диенко.

- Но знать его надо! - неуверенно выговорил секретарь парткома, боясь вопроса: а сам-то прочитал?

- Да я и так знаю, редко какая власть наградит такой высокой наградой рабочего человека! Герой Социалистического Труда!

Согласились на том, что потомкам он оставит для изучения сочинения В.И. Ленина, и еще сошлись на том, что корешки книг украсят книжный шкаф.

Партком брал шефство над детскими садами, малосемейными общежитиями, пунктами питания, бытовыми городками. Объять все аспекты жизни и

деятельности парткома невозможно, но понять ее необходимость в то своеобразное время нужно.

Не ладились отношения Трепалина с обкомом партии, и Хопренко оказался кстати со своим уравновешенным, выдержанным характером. Гасил возникающие конфликты, по возможности улаживал их до тех пор, пока Трепалин сам не ушел со стройки. Для него трудным был этот период, но он не испортил своих отношений с советскими и партийными органами. Получалась у него эта работа, но приелась ему ее повседневность и монотонность, ограниченность рамками дозволенности. Нашел доводы и убедил того же Шеманского заменить его на этой должности другим. Пошел тот навстречу, и, видимо, немалую роль в этом сыграли их добрые дружеские отношения. Перешел он заместителем начальника Прикаспийского управления строительства по кадрам и быту. Тревожные события апреля 1986 года на ЧАЭС он встретил в этой должности!

Памятные дни молодости

Земля предков и колыбель детства Виктора Николаевича - многоликий Донбасс и шахта имени К.Е. Ворошилова, возле которой вращалась вся жизнь. Сегодня это чужая страна, заграница! Но отчий дом, Родина, родной край! Шахта была поселкообразующей, и все взрослое население работало на ней. Романтика тех лет прививалась песнями и фильмами о шахтерах. И ребятишки с завистью смотрели на мужиков, поднимавшихся в клетях с бездонной глубины. Весело они переговаривались между собой, не обращая внимания на свой чумазый вид. Они свыклись с этим цветом, и он им был привычен.

Восторгом и гордостью наполнялись сердца двенадцати ребят-девятиклассников от предвкушения экскурсии на шахту. Завели их в клеть и в сумрачном свете со скрипом стали опускаться вниз на глубину 500 м. Температура воздуха повышалась по мере движения вниз. По штрекам им дали возможность проползти с пласта 500 на 700 м. Долгим казался им этот путь ползком, высота штрека колебалась от 60 до 80 см. Притом стояло много крепежных стоек, мешавших свободно двигаться. Было жарко, им говорили, что температура - 28-30° и Виктор представил себе отца в забое. В полулежащем состоянии с отбойным молотком в 32 кг разбивающего пласт угля и спускающего щебенку по штреку вниз по наклонной. И он был горд за него! По пути передвижения они встречали лазы для перехода с одного штрека в другой, назывались они загадочным словом «гезенок». Часто они слышали это непонятное слово от взрослых, но уходили те от ответа и не объясняли его. Не поощряли они своих детей идти по их стопам и оказаться в шахте.

В одном из таких штреков при работе в забое сдвинулась каменная глыба в полторы тонны, не выдержали крепежные стойки, и за десять дней до выхода на пенсию придавило Хопренко Никиту Семеновича. За десять дней до пенсии в пятьдесят три года от роду он погиб! В шахту мужики шли на работу, как солдаты отправлялись на войну, не загадывая о своем возвращении. Единственное, что их успокаивало, - дети останутся с хорошей пенсией. Но день насущный предъявлял свои требования, и они шли в забой, не думая о плохом.

Каждое лето на шахту приезжали студенты на практику, и для сельских ребят они были подарком судьбы, потому что большинство из них были спортсмены. Они с удовольствием занимались с детьми, нежели прозябать там внизу, в забое. Руководство шахты и профком поощряли их за эту работу и те с удовольствием тренировали детей или вместе с ними играли в футбол. Разными видами спорта занимались приезжающие студенты и Виктор занимался со всеми, осваивал

любой, лишь бы отличиться. Преуспел в семи видах, по каждому имел высокие показатели, - велосипед, ядро, диск, большой теннис, но больше всего его тянуло к футболу и волейболу.

Особо ребятам бездельничать летом не приходилось. Трудились они на вспомогательных работах для нужд шахты. Разгружали вагоны с крепежом и пиломатериалами, в подсобном хозяйстве сажали, пололи, урожай собирали. Засиживаться не давали и денег не платили. Они шли на особый счет и по окончании учебы на них делали подарок школе. И все узнавали о щедрости и бескорыстии выпускников! Это была их оплата! Их класс подарил школе домбровые инструменты для оркестра. Это считалось традицией, и она была их мигом славы!

Поступать в Ростовский инженерно-строительный институт из класса поехало четверо, но самым умным и подготовленным был Захаров и он попал в шестую группу, а Виктор - в седьмую. В разное время группы сдавали экзамены, и это оказалось ему на руку. Первым предметом была физика. Виктор слабо знал ее и очень боялся срезаться на ней. Но тут ему помог мистический случай! Иначе Виктор не мог судить о нем. Захаров первым экзаменовался и после успешной сдачи рассказал Виктору материал билета. Вроде все понятно и знакомо, но вот задача оказалась по зубам только другу - вывод формулы колебания маятника. Но после подробных его объяснений и ему стало понятно! С дрожью в коленях шел на экзамен и вытащил билет... тот, который был у Захарова. Обрадовался, полегчало на душе, быстро справился с формулой маятника, пока не выветрился разговор с другом, набросал ответы по билету и пошел отвечать.

- Так быстро? - удивился преподаватель. - Для начала покажите решение задачи!

И Виктор четко ему отвечал на все вопросы, преподаватель удовлетворился ответами и поставил ему отличную оценку. Как это назвать? Случай? Везение? Наверное, правильно в народе говорят, что кто-то нас за руку ведет по жизни и оберегает от излишних неприятностей. Заботится о тех, кто добром расплачивается и уважителен с людьми. Непростительный грех - гордыня, а за добро платят добром!

Хорошо учился Хопренко В.Н. в институте, но ему не давал покоя спорт. Основным увлечением и страстью были футбол и волейбол, а тут на первом курсе его попросили выступить за факультет на соревнованиях по плаванию. Никогда он не плавал в большой воде, тем более в бассейнах с дорожками, разве что только в прудах на Донбассе. Не знал техники и очертя голову ринулся в заплыв и пришел не последним. С ходу он выполнил третий разряд. Для тренера он оказался находкой, и тот стал его уговаривать заняться одним видом спорта... плаванием, а он, тренер, поможет ему ступить на пьедестал небывалого успеха. Но волейбол его уже поднял, и он поехал на Спартакиаду народов России, играл за институтскую команду на первенство города и края, а на старших курсах был зачислен кандидатом в Олимпийскую сборную СССР.

Занятому учебой и одержимому спортом, ему недосуг было думать о девчонках. Хотя сокурсники вовсю уже крутили любовь, но он не зажигался. Ему-то что до этого? У него свое увлечение, иная страсть и любовь! Только дай мяч погонять в свободное время или поиграть в волейбол. Лишь бы условия мало-мальски приемлемые и сносные были!

Но хороший спортсмен всегда нуждается в стимуле, побуждении, внешнем импульсе. Похвалы и восторг сокурсников его уже не трогали и он принимал их как должное. Хвалебные слова преподавателей не задевали его. Относился к ним однозначно, как к естественному отношению старших людей к студенту,

выступающему за честь института. Не нуждался в их покровительстве он, был успевающим студентом! Своей головой и упрямством зарабатывал нужные оценки. Вот если бы высказала восторг та девушка, огорченно думал Виктор, посматривая с трибуны на волейбольную площадку. Он часто здесь появлялся, каждый раз, как приходила очередь тренировки этой легко порхающей по площадке красивой спортсменки. Он уже знал ее распорядок тренировок, приходил на трибуну, садился в сторонке, стараясь быть незамеченным, и подолгу смотрел на нее, восхищаясь мягкостью передвижения по площадке, умению играть. Любовался ее ладной фигурой, каштановой копной волос, не знающих покоя. Издалека не видно лица, но ему знакома уже каждая ее черточка. Запала она в душу! Подолгу смотрел, восторгаясь этим божественным чудом природы. Заставлял себя не ходить больше украдкой на стадион и по-воровски поедать ее глазами. Не получалось! Не хватало в нем желания пересилить себя! Он знал, что возле нее крутятся два парня, и она в их компании всегда была веселой и оживленной. Кому из них она отдавала предпочтение? Непонятно! Не водит ли она их обоих за нос? Мелькнула такая мысль в его голове, и это открытие несколько облегчило его терзания, приободрило, и он решился на знакомство. Вместе с приятелем пошли на «Вечер»¹⁶, проходивший в институте. Набрался смелости и пригласил ее на танец. Нерешительно, робко подошел к ней, и не смогла она ему отказать. Уж очень выразительно на нее смотрел, и глаза откровенно выдавали его состояние и чувства. И ей импонировало смущение этого известного в институте спортсмена, на голову выше ее. Она казалась школьницей, несмышленищем в танце с ним и его внимание ласкало ее самолюбие. Лишь закончился один танец, начался другой, и ее подхватил уже его приятель. Музыканты были из студентов, задорно они работали, играли без перерыва. А потом он перехватил ее вновь, и так передавали друг другу, чтобы не досталась она ее знакомым «стражам». Она посмеивалась над их игрой и с удовольствием подыгрывала им, а потом предложила:

- Давай вдвоем потанцуем!

И всколыхнула Виктора радость, приятно защемило внутри, неизвестные чувства охватили его, и он ощутил в себе какую-то легкость, восторг, счастье. Счастье любить! Она магически завораживала его своей красотой, и он уже пугался обмана своих надежд!

Немногословно-сдержанный Виктор ухаживал за Диной, так звали девушку, мягко и осторожно, боясь ненароком нарушить их дружбу, которая только только завязывалась между ними. Он выверенно себя вел. Как истинный спортсмен знал, что победа - есть преодоление трудностей, опасностей и страха! В свою очередь они стимулируют восторг и радость от конечного результата! И это его обнадеживало!

Дина была девушкой строгих правил и твердого нрава. Мама с детства это ей привила. В студенческие годы и то придерживалась материнского распорядка и не огорчала ее своим поздним возвращением.

Мог ли Виктор лезть к ней со своим уставом? Отшила бы в два счета! Исподволь, осторожно и выверенно общался с ней, старался расположить ее к себе и добиться ответных чувств. Лишь по истечении двух месяцев он нечаянно прикоснулся к ней и поцеловал. И застыл в ожидании реакции, она не последовала, доверительно прислонилась к нему Дина, потихоньку вытирала непослушные слезы:

¹⁶ «Вечер» - так молодежь прозвала вечерние мероприятия с танцами и музыкой

- Что с тобой? - участливо спросил Виктор.

- Ничего... пройдет, у меня это же впервые, - чуть не всхлипывая произнесла Дина, и его ликованию не было предела. Спали с него осторожность и скованность поведения, стал самым собой, открытый, смелый и участливый. Именно таким он ей понравился! Около двух лет длилась их дружба - не разлей вода! В 1960 году он защищал диплом, а 5 ноября 1959 года в преддверии ноябрьских праздников справили свадьбу. Пока учились, жили у ее родителей, и они приняли его по-доброму. Не чувствовал себя Виктор чужим в их семье. А она была примечательной, дружной, организованной, и проверенная крепость ее временем и испытаниями, выпавшими на их долю. В первые дни войны офицер Чугуев Федор Константинович - отец Дины ушел со своим полком на встречу с противником. Семья жила в Эстонии, он хорошо знал отношение местных людей к семьям военнослужащих и настоятельно просил мать долго не задерживаться. Любыми путями надо было выбираться и идти в Армавир к его отцу. Путь не близкий, на транспорт надежды никакой. Собрала необходимое, погрузила в тележку, подвернувшуюся по случаю, и с четырьмя детьми отправились в неизвестный путь. Старшему, Анатолию, было двенадцать лет, а младшенькой, Миле, - один год. По пути встретили двух подростков - племянников, детей сестры. Вот такой большой коллектив детворы оказался на руках одной женщины. Трудно было вспоминать Марии Яковлевне обо всех перипетиях непростой их дороги от Эстонии до Армавира. «Врагу не пожелала бы такого», - горестно вздыхала Мария Яковлевна, не в силах все вспоминать, что они испытали за это время. Но прибыли они к свекру в Армавир и рано было им радоваться. Не успели они как следует отъесться и отдохнуть, как немец занял город и установил свои порядки. Земля слухом наполнилась, что это семья офицера Красной Армии, беженцы из Эстонии. Боясь предательства и расправы, они прятались по домам и сараям у родственников и знакомых. Мир не без добрых людей. Все выжили! Окончание войны встретили в добром здравии. Возвратился отец с фронта, и моталась их семья по военным гарнизонам Советского Союза. После демобилизации полковник Чугуев Федор Константинович получил жилье в Ростове и радушно принял в своем доме зятя Виктора Никитовича Хопренко.

Заурядные события и простое существование обывателей беспамятны для людей. Да и легкий успех, радость преодоления трудностей скоротечны в памяти. Богатая на события жизнь, трудные свершения и победы - памятны на все времена! И не одному поколению!

«То не сказка - жизни были!»

Прошло много лет после памятной страшной аварии на Чернобыльской атомной станции. И те, кто родился печальной памяти весной 1986 года, растят уже собственных детей. И над 30-километровой чернобыльской зоной уже поют птицы, и бушует там растительность. Природа возвращается в эти места, опасные еще для нормальной жизни людей. А воспитанная благодарным народом река Припять продолжает величаво нести свои воды.

Забыты кадры кинохроник и телепередач об аварии реактора с его развороченными стенами, неистовым свечением пламени, извергающим тонны радиоактивного пепла с летающими стрекозами над ним беспомощных вертолетов, из которых лилась вода, сбрасывались мешки с песком, щебнем, свинцом.

Ужас аварии тогда поразил, ошеломил многих запредельными эмоциями. Разворачивающаяся драма на глазах превращалась в трагедию и ввергла в шок

человечество. Жутко стало! Авария потрясла, но не запугала советских людей. Она взволновала их и перевернула представления о мирном атоме.

В первые дни аварии радио, телевидение, газеты скупо информировали население страны. Срабатывала привычная мораль власть имущих - утаивать правду, действительность от общественности. Устное, так называемое «сарафанное» радио потчевало людей страшилками. Минсредмашевцы на местах жили в ожидании их востребованности, они лучше других понимали, что только им с их опытом сподручно работать в повышенных зонах радиации и с радиоактивными материалами. Но в то же время их успокаивало то, что ЧАЭС эксплуатировало Минэнерго, они «заварили такую кашу» и, по сути, сами должны ее расхлебывать.

Но такие надежды оказались обманчивыми, и Виктор Никитович Хопренко, заместитель по кадрам и быту начальника Прикаспийского управления строительства уже 20 мая получил указание о формировании и отправке первой партии инженеров и рабочих в Чернобыль. Он лично возглавил эту команду в 15 человек и 29 мая поехал с ними. Пунктом их назначения была железнодорожная станция Тетерев. Там на прилегающих станционных путях разворачивалась перевалочная база со складами. Руководил базой его старый знакомый - Николай Степанович Шибунин. Там же познакомился с заместителем начальника УС-605 по снабжению Владимиром Михайловичем Бедняковым. И Виктор Никитович понял, что Министерство отправило первыми на ликвидацию аварии свои лучшие кадры. Он устроил жить свою команду в пионерском лагере «Солнечный», решил вопросы их питания и условий для проживания. Работали люди на строительстве базы в Тетереве. Оттуда он формировал по телефону и принимал на месте вторую партию командированных из г. Шевченко в 12 человек, во главе с Героем Социалистического Труда, депутатом горсовета Николаем Гордиенко. Помог им устроиться, ввел Николая в курс обязанностей и на пятнадцатый день своей первой командировки возвратился домой.

На месте аварии он не был, да особо и не рвался удовлетворить свое любопытство. Понимал опасность и знал, что береженого Бог бережет. Сведения о происходящих событиях на аварийном блоке получал от тех, кто уже работал в самом Чернобыле по подготовке условий жизни людей, приспособлению зданий, сооружений под базы строителям и монтажникам и на самой станции.

После этой командировки Виктор Никитович занялся привычными делами и формировал уже следующую партию людей для работы на ЧАЭС. Сам же он еще жил под впечатлением услышанного и увиденного в Тетереве. Там был уже загрязненный район, и одежду, обувь меняли ежедневно. Дозиметрический контроль осуществлялся постоянно, и часто приходилось под душем смывать радиационную пыль.

В начале июля Виктора Никитовича вызвали в Управление кадров Минсредмаша. Его начальник Ю.С. Семендяев лично предложил ему поехать в Чернобыль на должность начальника Политотдела, забыв про старые прегрешения Виктора Никитовича. Спрашивал ли он его согласия?.. Не памятно ему такие слова, но он не мог не согласиться, не в его это характере - искать легкой жизни и страшиться ответственности, опасности и трудностей. Коль надо, какие могут быть разговоры! В тот раз Ю.С. Семендяев пооткровенничал перед ним о чернобыльской неразберихе и нервозности высшей власти. Правительственная комиссия жила в Иванково, ее члены командировались на две-три недели, и между собой при пересменке они не встречались, дела не передавали и новых людей не вводили в курс событий. Оказывается, мебель только заменялась! Был дух соперничества, а не преемственности. Вот эту

задачу Ю.С. Семендяев первой и поставил ему, чтобы в их системе, не дай Бог, не случилось подобное!

Аппарат Управления строительства №605 размещался в помещении автовокзала города. Современное двухэтажное здание с большим вестибюлем не вместило в себя все структуры Управления строительства. Рядом поставили вагончики для служб районов, а под бухгалтерию и для работников ОРСа возвели дощатый барак. Политотдел занимал две небольшие комнаты, и те были перегружены книгами, газетами, брошюрами. Передачу производил полковник, особых документов и бумаг он не предоставил, но приемку-передачу оформили письменно и акт утвердили у начальника УС-605 Лыкова Геннадия Ивановича.

В политотделе работало всего семь человек, из них один гражданский, а остальные военные. Четырнадцать районов было создано в УС-605, структура которых была равнозначна строительно-монтажному управлению. И каждое из них решало свои определенные целевые задачи. Имело направление действий с закрепленными за ними участками работ по очистке от высокорadiaционных горячих частиц, строительству защитных конструкций при возведении «Укрытия». Задачи людям ставились ясные и четкие, но вот пути их решения определяли коллегиально, подписывая оптимальные варианты программ, которые утверждались руководством.

В своей работе Хопренко ясно понимал с первых дней пребывания, что прибывающие в командировку люди хотя и работали в ведомстве, напрямую связанном с атомной энергетикой, но они были безграмотны для Чернобыльской ситуации. Он привлек службу радиационной безопасности для проведения занятий с начальствующим составом. Политотдел организационно контролировал их регулярность через утвержденные планы и графики. И, уже идя в высокзараженные радиационные поля, организаторы производства сами представляли рискованность этих работ и грамотно обеспечивали безопасные условия их производства. Моральный фактор для людей в столь экстремальных условиях играл решающую роль в выполнении поставленных задач. Они чувствовали себе уверенно и надежно, видя внятность и грамотность действий их руководителей и четкий учет доз облучения.

Немаловажной составляющей успеха в этих сложных условиях были доверие людей к своим начальникам и вера в непогрешимость их знаний и опыта. А эти занятия и помогали развитию их кругозора и работали на их авторитет!

Виктор Никитович со своими людьми понимал, что их деятельность направлена на сохранение здоровья людей и исключение их переоблучения. Исподволь, ненавязчиво, но постоянно следили за учетом индивидуальных доз облучения, ведением журналов, выдачей справок по окончании командировок. Дозиметристы удивлялись такому пристальному вниманию к ним и возмущались:

- Мы без вас знаем свои обязанности, наша работа подсудна, если будем нарушать...

На что им спокойно разъясняли свою позицию работники политотдела:

- Наша задача - исключить подсудность! Не хватало, чтобы кто-то из наших сел на скамью подсудимых! Нечего обижаться, одно дело делаем и заботимся друг о друге!

Спадал пыл возмущения у дозиметристов, и потом они попривыкли и относились к людям политотдела как к чему-то естественному и нужному.

Один из ретивых командиров по приезду на площадку четвертого блока выстроил людей, отдал соответствующие команды и колонной повел на рабочее место в ХЖТО. Продолжительность построения и размеренность движения отняли половину рабочего времени из-за дозы облучения. Строго предупредили

командира о недопустимости таких действий, были желающие прервать его командировку. Но не его была вина, а беда всего офицерского состава. Организовали в частях занятия с ними по вопросам радиационной безопасности, и элементарных таких проколов со стороны офицеров потом не наблюдалось.

Важнейшим направлением работы Политотдела являлось совершенствование быта, создание условий для полноценного отдыха, восстановления сил и работоспособности после работы в высоких радиационных полях. Контролировал санобработку, регулярность смены одежды, белья и работу санпропускников.

Вечером, после одиннадцати, часто работники Политотдела проверяли общежития, интересовались любым шумом, людским гвалтом.

Персонально был предупрежден Виктор Никитович в ЦК КПУ о его ответственности за соблюдение сухого закона в УС-605. Горбачевская бредовая борьба с алкоголизмом задела и их. Хотя специалисты в разговорах вспоминали И.В. Курчатова, отдавшего распоряжение выдавать 70 граммов спирта людям, идущим в высокорadioактивные поля, и о пользе красного вина для выгона горячих частиц. Но «генерал» (то бишь Горбачев) сказал «люминь», значит «люминь»! И он обязан был организовывать заслон пьянству, поэтому и не досыпали ночами и ходили по сонному поселку. Негде было покупать спиртное, провезти его через контрольно-пропускные пункты было невозможно. А если кто-то и привозил с собой прямо в общежитие? Так много не привезешь!

Но были единичные случаи нарушения режима и нечего скрывать! Изымали пропуска у провинившихся, сообщали по месту работы, вывешивали «молнии» с оповещением о случившемся и прерывали их командировку. За все время его работы отправили домой двадцать два человека! За весь период работы В.Н. Хопренко прошло людей порядка пятидесяти тысяч! Низкий процент нарушений, но они были и их не скрыть! Порой больно было видеть плачущих мужиков со слезами раскаяния. Позор на всю оставшуюся жизнь! Но чаще они лились и от неизбежности расплаты за такой проступок. Их снимали с очереди на жилье!

Понимал все это Виктор Никитович, но по-другому поступать не имел права. Хотя и делались исключения, но они были редкими. А сам он со своими работниками дотошно и постоянно бесцельно бродили по жилым поселкам (девять пионерских лагерей), невольно восторгаясь красотой и прелестью украинских свежих ночей.

За весь период командировки в Чернобыль не было ни одного криминального случая, ни дорожно-транспортных происшествий. А работало одновременно несколько тысяч людей и 800-1200 механизмов и транспортных средств. При этом шоферы на бетонных машинах менялись каждые 7-8 суток! Их кабины были защищены свинцом, но для опускания бортов приходилось им выскакивать на землю и вручную открывать защелки. После трех-четырех рейсов набиралось 2,5-4 бэра за день, и текучесть шоферского состава была большой.

Политотдел тесно контактировал с местными работниками МВД и КГБ, поддерживал с ними постоянную связь, обменивался информацией. Для лучшего понимания хода процессов по возведению «Укрытия» и особенностей работы УС-605 в Иванково с работниками органов проводились беседы и лекции по радиационной безопасности.

Виктору Никитовичу часто приходилось разъяснять многим людям иных структур и ведомств особенности работы УС-605 и решаемых ими задач. Много журналистов в то время мельтешило в Чернобыле и писали они о самой аварии, ходе работ по ликвидации последствий, о работе правительственной комиссии, о приезде больших начальников. О чем угодно они писали, но не о тех, кто непосредственно шел в пекло, чтобы обуздать распоясавшегося «безумца». Ни

слова о простых людях! И он откровенно при встрече изложил известному журналисту В.С. Губареву свои претензии и высказал просьбу освещать в периодической печати труд рабочих и инженеров. И, похоже, был услышан, реакция маститого журналиста была правильной, и она повлияла на собратьев «по перу». Газеты и журналы стали давать приземленную информацию с фамилиями непосредственных исполнителей. Ведь в той тяжелой обстановке, при том опасном труде люди боялись не работы, а быть забытыми! Не случайно они с удовлетворением принимали памятные значки УС-605 с удостоверениями, почетные грамоты, памятные медали. А уже если попадали их имена в газету, то тщательно берегли ее и везли домой как большую реликвию. По окончании командировки всем представлялась возможность сфотографироваться в Чернобыле и выдавались красочно оформленные альбомы для фото и многое другое, чтобы людям память была на долгие годы.

Советский народ принял трагедию на ЧАЭС как свою личную и в первые же дни участвовал в ликвидационных работах практически бескорыстно. И если сказать, что люди жили только единым духом, не думая о хлебе насущном? Неправда! У всех были семьи и обязанности перед ними. Правительство и ЦК Профсоюза понимали необходимость стимулирования людей, занятых ликвидационными работами. Уже 7 мая были введены прогрессивные формы оплаты и бесплатное питание. А распоряжением СМ СССР от 17.05.1986 председателю ПК (Правительственной комиссии) в Чернобыле представлялось право поощрения до 1 тысячи рублей на каждого отличившихся работников. Руководителям министерств и ведомств разрешалось увеличивать оплату труда по сравнению с установленными нормами: пятикратно - в третьей зоне опасности, четырехкратно - во второй зоне, трехкратно - в первой зоне. Вводились вознаграждения за предельно допустимые дозы облучения.

Кадровики Минсредмаша внимательно отслеживали моральное состояние своих кадров в Чернобыле и в целях дополнительного стимулирования издали приказ о льготах для участников ликвидационных работ по детским садам и по жилью.

При проведении ликвидационных работ на четвертом блоке люди оказались, как в подводной лодке, в замкнутом пространстве, ограниченном маршрутом: Иванково - Чернобыль - ЧАЭС - Чернобыль - Иванково. Им не на кого было надеяться, и приходилось строить между собой и организациями иные взаимоотношения, нежели в обычных условиях. Они работали, не считаясь с трудностями, и не валили ошибки на других. Образовался необычный единый организм из УС-605 вместе с субподрядными организациями, и без проволочек решали любые вопросы для успешного выполнения главной задачи - возведения «Укрытия».

Виктор Никитович тихой сапой обходил в разговорах тему партийной работы, о его контактах с секретарями Припятского горкома партии А.С. Гаманюком, А.И. Германом и заведующими отделов А.У. Маринич, А.С. Андроновым и о тесной совместной работе со Ждановым Пантелеем Васильевичем, завсектором ЦК КПУ, часто посещающим Чернобыль, о его встречах и разговорах с секретарем Обкома партии Ревенко, о вызовах его в ЦК КП Украины, встречах со вторым секретарем ЦК Щербицким. По прошествии стольких лет не хотелось ему об этом говорить, остерегался быть неправильно понятым. Но со временем все-таки приоткрылся, разоткровенничался и пояснил с убеждением, что если бы не опирался он на партийный актив, его малочисленный отдел не сделал бы и десятой толики тех дел, которые они успешно выполнили.

Люди не бездушные оловянные солдатики и их не переставишь в любой момент по своему желанию или прихоти других. Нет! Люди разные, каждый со своим взглядом, характером. Но все нуждаются в добром слове, участии, нравственном наставлении. Не сразу осознают понимание необходимости в этом! Но душа неприметно, исподволь уже беспокоит, тревожит и требует осмысления поведения и взвешенных действий.

Во всех районах были созданы партийные бюро, подобрали актив, и Политотдел влиял через общественно-политическую работу на коллективы. В районах на видных местах вывешивались информационные листки с задачами, а «молнии» освещали итоги и указывали фамилии отличившихся людей. Кстати, люди потом выпрашивали эти «молнии» и увозили с собой! На оперативных совещаниях вручали поощрения, и при этом людей фотографировали. Всего действовало 12 видов поощрений: значки; призы; грамоты УС-605, ПК, министерства; письма родителям; фото у знамени и т.д. Эти поощрения никого не оставили равнодушными.

- Что нужно сделать, чтобы получить грамоту за мужество и героизм? - подступил к Виктору Никитовичу настырный мужик средних лет.

- А для чего она тебе? - поинтересовался Виктор Никитович, удивленный подобной просьбой.

- Для потомков! - безапелляционно ответил мужик, - Чтобы знали, что я защищал Отечество! И следовали бы моему примеру!

- Молодежь не удивишь этими бумажками, - подзадорил его Виктор Никитович.

- Может, и так, - охотно согласился мужик и после некоторого раздумья продолжил: - но пройдет горбачевское беспамятство и вспомнят о нас! Вспомнят!

Незабываемый был разговор, явился он своего рода оценкой их труда и его полезности.

В районах проводили партийные собрания, и они длились 10-15 минут, а в УС-605 - партийно-хозяйственные активы продолжительностью 30 минут. Быстро, оперативно проводили, без лишних слов по конкретным делам. Этому несказанно удивился секретарь Обкома КПУ Ревенко, он одобряюще высказал:

- Спасибо за четкую работу! Только на войне так оперативно решались вопросы!

Было проведено три партхозактива с участием секретаря ЦК КПУ Щербицкого, секретаря Обкома КПУ Ревенко, замминистра Минсредмаша Л.Д. Рябьева, председателя Правительственной комиссии И.Е. Щербины.

Навсегда остался в памяти тот мужик, мечтающий о грамоте за мужество и героизм. Он прав, награды - оценка и признание подвига. Моральное удовлетворение для человека. Пример нравственности для будущих поколений, для их воспитания. А оценка самопожертвования людей, поддержка моральных принципов: долга, чести, обязанности - забота государства во имя его процветания и защиты. А оно решило награждать в первую очередь только инвалидов! Хотя Орденом мужества до 2001 года награждались люди, получившие дозу радиации более 15 бэр или два раза отработавшие полный срок и получивших максимально установленную дозу радиации в период выполнения обязательной военной службы в 30-километровой зоне.

Чернобыль оставил в душе Виктора Никитовича незаживающую рану, беспокоящую его до сих пор. Он сверкнул яркой молнией, и мощный её электрический разряд располовинил его жизнь - до Чернобыля и после! И не склеить эти половинки, не собрать их воедино в привычное. Почему-то они слишком разные! И ценности у него поменялись, а взгляд на прошедшие события вообще трансформировался и стал каким-то подозрительно-критическим и

прагматичным. Он стал ощущать себя иным человеком. Откуда-то навязчиво в него вошел скептицизм по отношению к власти, недоверие к руководителям, к их искренности. Сомнения терзают, и не видно вдали успокаивающего будущего. Мысли возвращают часто его к событиям апреля 1986 года, и тревожно становится на душе от правды об аварии на четвертом блоке и полной незащищенности людей, вставших на ее укрощение. И появляются вопросы, не имеющие ответа. А если бы не самопожертвование технического персонала станции, пожарных? Вдруг бы сработал инстинкт самосохранения? Они не осознавали всю опасность последствий и просто выполняли свою работу, иначе не могло быть. Некому было, кроме них! Именно их усилиями в первые часы аварии были задействованы средства пожаротушения, слито более 100 тонн машинного масла в подземные емкости, отключено оборудование, представляющее опасность, исключена возможность взрыва водорода, потушены возгорания внутри машинного зала. Только благодаря этому масштабы аварии ограничились четвертым блоком! Могло быть хуже! Ведь машзал един для всех энергоблоков атомной станции. Самопожертвование пожарных вообще остановило распространение огня. Потом объяснение их подвига будет казенной констатацией, что тяжесть облучения была обусловлена необходимостью выполнения обязательных мероприятий до ухода с рабочего места! И в который уже раз вновь выплывает вопрос: а вдруг бы интуитивно сработал у людей инстинкт самосохранения? И что тогда? Взорвалось бы резервное топливо! Мощность детонации и высокая температура заставили бы взорваться основное и резервное топливо и третьего блока! Что тогда стало бы? Первозданный хаос!

Цивилизация была на грани вселенской катастрофы. Такая вероятность существовала, и не надо для этого быть специалистом по физике или атомной энергетике. В эпоху научно-технического прогресса и развития высоких технологий человечество загоняет себя в зону повышенного риска, где подобные ошибки смертельны для человечества! Виктор Никитович был наедине со своими сомнениями и переживаниями. Не привык он обсуждать посещающие его мысли с людьми и будоражить их умы, заставляя вместе с ним печалиться и переживать. Его еще греют мысли о прошлом. Ведь на ликвидационных работах тогда проверялись морально-психологические качества советских людей. Они же шли в высокие радиационные поля молча, без оговорок и делали хорошо свои дела. Трусов не было. Герои были! Их больше всего было с Украины, местные люди на своей шкуре испытали последствия этой катастрофы и больше других понимали необходимость ликвидационных работ.

Тепло в памяти от приветливости местных жителей Иванкова, Приборска, Тетерева и других районов проживания УС-605. Нужно было видеть их готовность оказать помощь ликвидаторам в любой момент и по любому поводу. Незабываемы ласковые лица этих людей и их распевный душевный говор. И невольно украинца Хопренко посещают сегодня горькие думы и наворачивается один вопрос за другим. Почему его дети от русской женщины потеряли отчий край их дедов? Почему он лишен Родины, колыбели детства? Ему дороги русские и украинцы. Они для него - пальцы одной руки. Отруби любой - будет нестерпимо больно. Зачем и почему его заставили ощутить эту боль вдали от родного Донбасса?

Тогда, в далеком восемьдесят шестом году, искреннее чувство благодарности испытывали украинцы ко всему советскому народу за участливость и беззаветность общему долгу. И вызывает удивление происшедшее разъединение. Почему мы должны жить по разные стороны границы? Даже

нашлись помощники размежевания по разным баррикадам. Почему? Ценности в жизни, менталитет и уклад наших людей всегда были одинаковыми.

И сам Бог нам, православным, велел жить в единении! Совместно строить хорошую и достойную жизнь! Это доброе пожелание сегодня похоже на сказку, а быть, к сожалению, пока не в интересах наших народов.

Смутные годы

Халатность, некомпетентность руководства привели к тяжелой радиационной катастрофе на ЧАЭС. На века останется опасной для жизни 30-километровая зона из-за долгоживущих токсичных радиоизотопов плутония. Детище Минсредмаша «Укрытие» не решило всех проблем безопасности. Остался там внутри уран, непредсказуемо его поведение. Трудно спрогнозировать, не под силу это никакому оракулу! Похоже предстоит решать властям Украины проблему его извлечения, переработки и захоронения.

Дымкой забвения покрывается прошлое, стерлась острота переживаний от распада большой страны и уже не так тревожно от ощущения беспамятства элит новых государственных образований. Истории не повернуть вспять! Случилось то, что случилось! И нужно просто жить и приспосабливаться к новым условиям становления капитализма.

Не научены были хорошо жить при социализме, не получилось, хотя его возможности сполна и не были использованы. Отвернулись от него и пошли другим путем за сытой жизнью и благополучием. Стали осваивать новые отношения, приспосабливаться к еще вчера чуждой нам морали и внедрять ценности, которые стали определяющими для людей. Что делать? С волками жить - по волчьи выть! Никому уже не дано изменить ход общественного развития страны! Лишь приходится сожалеть о том, что еще недавно было родным и привычным, а сегодня уже стало другим и недоступным. Люди удивляются, возмущаются запутанностью отношений в элементарных бытовых вопросах. И примеров тому не счесть. Неожиданно ушел из жизни капитан первого ранга, служивший в Севастополе. У него осталась вдова с двумя несовершеннолетними детьми, и их стали выгонять из квартиры только потому, что у матери украинское гражданство и на нее не оформляли ордер на жилье. Ну не думал капитан первого ранга так рано уходить из жизни! Он даже не мог представить, что оставит семью без крыши над головой!

Искусственное проведение границ породило массу проблем и путаницу взаимоотношений для простых людей.

После незабываемой поездки брата Николая в Россию все дети загорелись желанием тоже побывать в той заманчивой стране - России. Для такого путешествия нужны немалые деньги, а Николай вышел уже на пенсию и по американским меркам, получал незначительную сумму в тысячу долларов. Повезло лишь Георгию, знание русского языка позволило ему в составе делегации священнослужителей поехать в Россию. Несказанно он радовался общению с людьми, с удовольствием воспринимал родной язык его детства. Он очертя голову окунулся в близкую ему духовную атмосферу и искренне восторгался увиденным. Георгию захотелось поехать в Донбасс и побывать на земле отца, посмотреть украинские хаты, селения. Но у него не было визы! И ему было запрещено там побывать! Туда ему просто не попасть через границу! А чтобы оформить визу, нужно время!

Украинские партийные власти заметили уравновешенного и умного их земляка в Чернобыле и предложили Виктору Никитовичу перейти работать в

аппарат ЦК КПУ. В Министерство среднего машиностроения направили письменный запрос о переводе Хопренко В.Н. на Украину для партийной работы. Застыл от неожиданности от такого предложения Виктор Никитович. Заманчиво было ему пожить среди своих, в родной и привычной обстановке, пообщаться на родном языке и быть полезным там, где родился. Лестным было предложение, но почему-то не уходило из памяти время его деятельности в Виннице, стиль и методы работы тех партийных и хозяйственных руководителей. Его размышления напрочь прервал Ю.С. Семендяев. Он не оставил в нем капли сомнения, предложив ему должность заместителя начальника Четвертого Главного Управления по капитальному строительству.

- Нам самим нужны такие руководители! - категорически заявил начальник Управления кадров, не дав ему время для размышлений.

Беспокойных пять лет проработал в этой должности, мотаясь по стройкам открытых и закрытых городов. Красноярск-26, Томск-7, Новосибирск, Ангарск, Челябинск-40. Работал до тех пор, пока государство изыскивало средства на науку и оборону. Начиная с 1992 года, с гайдари-чубайсовских реформ, от которых вздрогнула страна и остановилось все и вся, словно в немой сцене гоголевского «Ревизора», на долгие годы прекратили работу производства. Не на что было не только строить, эксплуатировать построенное невыносимо стало из-за нехватки средств.

В это время активно начала формироваться банковская система страны. На нее возлагались надежды на оживление промышленности и развитие науки. Ведомство атомной энергетики (Минатомпром) являлось федеральной собственностью и не подлежало приватизации. Но богатые возможностями заводы и научные учреждения магнитом притягивали нуворишей, чтобы отхватить лакомые куски в частную собственность. Активно работал в этом направлении Березовский, весомую руку одно время наложил Чубайс на денежные потоки концерна «Росатомэнерго». Но ведомство выстояло и сохранило в своей основе все производства для атомной энергетики и не позволило развалиться научным Учреждениям. Весомую роль в этом сыграл учрежденный 40 предприятиями отрасли коммерческий банк «Конверсбанк». У истоков его создания стоял небезызвестный министр по атомной энергетике РФ Адамов Е.О.

Виктор Никитович в это время стал начальником Кредитного управления КБ «Конверсбанка». Он возглавил одно из основных направлений банка по поддержанию предприятий отрасли. Проработал он до 2000 года, пережил в 1998 году смену хозяев, когда банком «МДМ» был куплен разорившийся «Конверсбанк» со всеми «потрохами», приобретя в собственность современное здание на Котельнической набережной, строительству которого немало отдал сил и Виктор Никитович. Обидно было все это видеть, но повлиять на ситуацию работнику его масштаба уже было невозможно. Всем управляли деньги, а хозяева вели свои «подковёрные» игры, невидимые для простого глаза.

В преддверии 2000 года, 26 декабря, руководство «МДМ» вручило Хопренко В.Н. благодарственную грамоту за плодотворный труд в сфере кредитования, а двумя днями позже отправило его на заслуженный отдых - на пенсию! Без каких-либо объяснений или извинений. Но благо, Виктор Никитович был заметной фигурой в отрасли и уже 29 декабря его пригласили возглавить Отраслевой фонд ипотечного жилищного кредитования Минатома России, организованный 38 предприятиями отрасли. Министр Адамов поддержал их усилия и обещал помощь в финансировании. Виктор Никитович уже хорошо понимал, что легких денег не бывает и надеяться на зрелость и участливость корпоративного мышления

участников проекта - значит обречь фонд на прозябание. И с единомышленниками Виктор Никитович изыскал высокие аргументы для передачи от постоянно действующей комиссии Минимущества России в уставной капитал ОАО «Специализированная отраслевая инвестиционно-строительная компания» недостроенные жилые дома на возвратной основе стоимости задела: в г. Саратове - площадью 3746 квадратных метров, в г. Протвино - площадью 5926 квадратных метров, в г. Обнинске - площадью 1510 квадратных метров. Разработанная фондом система ипотечного кредитования позволила покупателям жилья оплачивать ее стоимость с рассрочкой до 15 лет под 7% годовых в рублях.

Возврат средств от продажи «незавершенки» дал возможность предприятиям финансировать дальнейшее строительство жилья, уменьшать объемы недостроенных зданий и решать социальные вопросы для своих работников. Лиха беда начало, не боги горшки обжигают, и фонд начал впервые осваивать ипотеку в российских условиях. Он видоизменялся в зависимости от смены руководства министерства и финансовых возможностей атомных станций. Разработали программу Ипотечного жилищного кредитования и сделали прозрачной схему движения средств. Потенциальным заемщикам стали ясны графики строительства жилых домов, их финансирование и сроки получения квартир. Желавших участвовать в ипотечном строительстве было много, жаль только, что возможности были ограничены. Но за пять лет все-таки построили 2600 квартир и многим молодым семьям позволили приобрести квартиры на льготных условиях под один процент годовых за полученный кредит.

Неудержимо быстротечно время, несказанно поспешно оно в движении и цинично безучастно в своей откровенности напоминает людям об их возрасте, здоровье. Ни кому из живущих еще не удавалось избежать наступления момента истины, когда приходится задумываться о соответствии своего образа жизни физическому состоянию. Зрелость и выверенность решения только на пользу здоровью человека и благополучию его дела. Не ушел пенсионер В.Н. Хопренко на заслуженный отдых и не балует себя бездельем и безмятежным времяпровождением. Покой ему лишь снился, не отошел он от живого дела и работает сегодня советником генерального директора ипотечной компании атомной отрасли. Как говорят, опыт не купишь и не пропьешь! С самого возникновения ипотечного кредитования в строительстве работал Виктор Никитович в этой сфере и освоил тонкости и премудрости нужного дела. Трудно в стране развивалась ипотека, разные преграды ей мешали. И не успев еще как следует развиваться, она тут же попала в «штопор» - с подступившим финансовым кризисом. Но в отрасли люди избежали тяжелой участи быть обманутыми. Выверенно подошли к ипотечному кредитованию руководители и пока избежали ошибок. Выгодно, с пользой людям продолжают использовать потенциал строительных мощностей открытых и закрытых городов отрасли, денежные средства населения и финансовые возможности предприятий. Поэтому Виктор Никитович востребован в жизни со своим опытом и знаниями независимо от возраста. Он прагматик и трезво оценивает неудержимость быстротечности времени. Его не остановить и не обмануть! Своим чередом идет жизнь, окружающий мир непрестанен в своих изменениях. После чернобыльской аварии он словно сошел с ума, удивляя людей калейдоскопом событий. Пугал информационными страшилками; потчевал и подогревал низменные инстинкты убийствами, насилием, развратом; изменял судьбы народов и стран.

Редко посещали людей положительные эмоции, меньше стало повода для доброго слова, хорошего настроения и, тем более, для улыбки и смеха.

Отсутствие позитива пагубно для общества и особенно для здоровья человека. Люди хорошо это понимают, потому и изыскивают его каждый на свой манер.

Виктор Никитович поднимает свой тонус в общении с внуками и детьми. Их оптимизм и жизнерадостность не подвержены вирусу мудрости. Им непривычно еще принимать близко к сердцу плохую информацию и чужие беды. Они не озабочены мировыми проблемами, каждый из них живет пока своими насущными житейскими проблемами. Они открыты для полноценной жизни, радуются мгновениям и не заиклились в своих сомнениях и переживаниях. Поднимается настроение у Виктора Никитовича от общения с внучками и внуками. Трепетно и светло на душе от смеха, звонких возбужденных голосов, их возни в доме. Особенно приятно радуют успехи в учебе и спорте. На глазах они растут, взрослеют и тянутся к дедушке за советом, участием. А это немало стоит! Ощущение своей необходимости младшему поколению - это превыше любых карьерных высот!

У Виктора Никитовича растут три внучки и два внука. Особую слабость дедушка питает к шестилетней Эллине. Вместе с женой они даже себе боятся признаться, не то чтобы сказать другим, в своей трепетной любви к младшей внучке. Наверное, эти чувства так всколыхнулись и захватили их, что она самая младшая, самая маленькая. А может, из-за редких с ней встреч или от ее детской непосредственности, сверкающей откровенной радостью свидания. Им хотелось бы чаще ее видеть, у них враз поднимается настроение при виде этой смысленной красавицы с вечно блуждающей улыбкой, с ее частым заразительным смехом и искрящей радостью в ее карих глазах в переливчатых бликах света.

Виктор Никитович с женой Диной одинаково любят всех внучек и внуков. Но пусть они простят их за особое пристрастие к младшенькой.

Старшая внучка, Даша, окончила институт и уже замужем. Она самостоятельная женщина, серьезная, они вместе с мужем ведут и развивают свой бизнес.

Девятнадцатилетняя Маша учится в университете на дизайнера. Она полна надежд и стремлений. У нее все впереди, она собрана и целеустремленна, знает, что в жизни хочет!

Внуки обильно орошают елею души старых волейболистов Виктора Никитовича и Дины Федоровны, оба они учатся в школе Олимпийского резерва. Никита родился в 1995 году, в марте 2009 года стал чемпионом России среди юниоров. Получил звание кандидата в мастера спорта. Первый чемпион в роду Хопренко! Родовались родные и чествовали победителя.

Завидно младшему внуку - Диме, он на два года младше брата, но такое чувство полезно ему. Значит, есть в нем честолюбие, амбиции! А это уже немало в спорте, тем более, сам Дима подает тренерам большие надежды.

Дети умиротворенно действуют на родителей своей самостоятельностью, уверенностью положения и самодостаточностью. Они состоялись для жизни, прочно чувствуют себя на ногах и занимаются каждый своим делом.

Старший, Сергей, окончил Высшее военное инженерно-техническое училище им. А.Н. Комаровского и служил в Подмосковье. Занимался строительством оборонных сооружений и возводил жилье для нужд офицеров. Уволился в звании майора и с 1990 года ведет свой строительный бизнес. Он строил новые объекты, занимался реконструкцией, ремонтом, реставрацией. Горд обустройством в Дивеево святого источника и реконструкцией там церкви. Сейчас живет с семьей в Бугульме и заканчивает строительство завода по производству облегченных стеновых конструкций.

Подобного в России нет, и это производство перспективно для развития и освоения рынка. Эти конструкции по своим характеристикам заменяют кирпич и дешевле его на 40%.

Сын Владислав закончил Московский инженерно-строительный институт, факультет САПР (система атомного проектирования реакторов). Его жена, симпатичная и молодая Марина, училась в том же институте, и их судьба во многом схожа с родительской. Вот только свадьба у них была особая, не успела она отгреметь, как к власти пришло ГКЧП и танки загородили гостиницу на набережной Горького, где жили все приезжие гости. Звонил им возмущенно Виктор Никитович:

- Чего опаздываете?

А те нерешительно и растерянно в ответ:

- Танки не пускают! Транспорт не ходит.

Виктор Никитович обалдел от этого разговора и уже возмущался:

- Тут пешком до Таганки хода пятнадцать минут! А танки вам приснились, что ли? Давайте, ждем!

А гости - в растерянности от неожиданных событий и складывающейся ситуации. Но не нарушилась традиция, собралась все-таки свадьба на второй день и пили дружно за молодых, громко кричали «горько», заставляя молодоженов принародно показывать свои чувства. Умудренный жизнью дедушка Марины Василий Никитович произнес вместо тоста:

- Молодые люди меняют курс своей жизни... брачевались и это симптоматично! Этим занята и страна... сменой курса. Все что делается, - к лучшему!

Прозорливо смотрел Василий Никитович в счастливое будущее новой семьи. Владислав оказался хорошим мужем для внучки Марины и заботливым отцом семейства. Он проектировал много разных объектов и немало их сам построил. Но опыт отца ему оказался кстати, и он сменил беспокойную работу строителя, полную неурядиц и неразберихи на деятельность работника ипотечного кредитования. Он стал руководителем проекта в Аналитическом центре Газпрома. Его дети Никита и Дима хорошо учатся, занимаются спортом и не приносят родителям особых проблем, только радуют своими успехами.

Не оставляет без внимания Виктор Никитович своих племянников. Бедновато живет родня в своей сытой Америке, давно собирался приехать в гости племянник Женя, но средства не позволяют. За его учебу ежегодно платят по 2000 долларов, для бюджета семьи Николая это тяжелое бремя. Не случайно сын Слава отдает даже свою стипендию родителям. Учит их жизнь экономии и заставляет считать деньги.

Верным отчому краю – Донбассу - остался племянник Анатолий, сын Ивана. В отчем доме он живет, работает инспектором по технике безопасности на шахте. Имеет небольшой приусадебный участок земли и на нем собирает хороший урожай овощей, ягод и фруктов. Вот только портит аппетит черная пыль от шахты, регулярно покрывающая землю и окрашивающая ее в однообразно грязный цвет. Смывает вода черную пыль, проглядывает вновь сочная палитра красок, но радуется глаз только до следующего «опыления».

Племянница Раечка окончила медицинское училище и также в Донбассе осталась. Вот только младший их брат Виктор по окончании техникума уехал в Ангельс и работает там в автохозяйстве.

Скудно живет родня, по возможности помогает Виктор Никитович ей и не теряет связи. Он остался старшим в роде у Хопренко. На него легла ответственность за его сохранность и продолжение. Поэтому старается Виктор Никитович не терять из вида никого из родственников. Переписывается со многими из них, а с

некоторыми обходится телефонной связью. Изредка приезжает кто-нибудь из родственников в Москву по надобности и рады все Хопренко таким встречам, особенно глава рода Виктор Никитович. Он исподволь заводит разговоры и старается внушить им забытую ведическую истину: «Нет ничего более древнего и в то же время юного, чем Любовь! Она вселяется в людей и питает их своей энергией, заставляет быть одержимым во имя нее. Она множит Род, а ее хранителями являются Родители. И так будет вечно, пока они ответственны перед Богом». И от себя еще добавляет, что в сохранении памяти по ушедшим из жизни родным, в преданности родовым обычаям и традициям, в приверженности роду - сила их фамильного древа.

Виктор Никитович боится прослыть для близких скучным и назойливым человеком, постоянно поучающим молодежь. Но его скромная извиняющаяся улыбка, мягкий участливый голос настраивают собеседника на доброе и пробуждают в нем хорошее настроение. Правда, он иногда, ведя шуточный разговор, не забывает напомнить о главных евангельских грехах, об унынии и гордыне. Поясняет, что им нет прощения! И тут же делится соображениями о необходимости формирования желаний к нормальной жизни. Ему оказался по душе анекдот о пессимисте и оптимисте. Не затасканный еще, но заставляющий человека думать.

Ученые решили выровнять настроение оптимиста и пессимиста и вручили по случаю им призы. Первому - кучу навоза, а второму - красивую статуэтку коня. И пессимист получая приз тут же стал возмущаться:

- Такая маленькая... копыта нарисованные и... цвет какой-то грязный!

Оптимист иронично улыбнулся подарку:

- Жаль, что лошадка убежала!

Вот с таким нескрываемым сожалением оптимиста делился своими воспоминаниями начальник Политотдела УС-605 второго призыва о чернобыльской трагедии и вообще о жизни. И он попросил закончить повествование о нем его пожеланием на родной украинской мове:

- Бажно счастья всем!

Вместо послесловия

Дедушка Марины беспокоен в своих душевных терзаниях от газет и телевидения. Мало забот у пенсионера, живущего в дружной семье сына. Вот только его мысли не останавливаются в мельтешении и не хотят отдыха. Неумны они в своей беспорядочности и немощны, чтобы повлиять на что-либо. Пусто на душе от этого, а они ему исподволь одну шараду за другой подбрасывают. Вот родная Украина уже стала зарубежьем! Понятно, что авария на ЧАЭС принесла большую беду для страны, вон только прямые потери за три года оцениваются в тридцать миллиардов долларов, а сколько было еще косвенных? Кто их тогда считал? Внесла авария свой вклад в разрушение страны, и немалый...

Одиночество Василия Никитовича нарушил неожиданно появившийся сват, и в продолжение своих мыслей он с ходу спросил его:

- Виктор Никитович, перестройка оказалась заблуждением или предательством интересов страны?

Мягкому интеллигентному свату не хотелось обсуждать такую серьезную тему и лишний раз терзать душу.

- Нашел о чем спрашивать!.. Поздно, случилось то, что случилось! Тщетны наши разговоры об этом!

Василий Никитович рад собеседнику, есть с кем поделиться своими думами и он продолжил разговор:

- Вот сомнение есть такое... скажи, смог бы ты при этой власти выбраться в люди из своей пыльной тмутаракани?

- Вряд ли, - задумчиво ответил сват, присаживаясь в кресло напротив хозяина, - откуда бы взял деньги?

- Во...о, то-то и оно! - оживился Василий Никитович и уже уверенным тоном продолжил: - Тебя бесплатно учили и система пестовала, чтобы ты стал хорошим специалистом... а сейчас?

Неожиданно прервал свой разговор Василий Никитович. Он понимал, что молочные реки и кисельные берега прошлого тревожат не одного его. Нечего морочить голову себе и свату, лучше поговорить о земном и насущном, и он после паузы спросил:

- Как там наши?

- Никита возвратился из Белгорода, - ответил Виктор Никитович, не раскрывая пока правды, а готовя прадеда для всплеска эмоций:

- Хорошо, - не почувствовал тот скрытости свата, - а как у Димы дела?

- Нормально учится и тренируется с желанием... хороший он распасовщик! - со знанием дела закончил Виктор Никитович.

- Может, хоть он чемпионом будет! - с надеждой выговорил прадед, трепетно любящий обоих правнуков.

- Да у нас Никита уже чемпион России! - как о естественном произнес сват и с показным удивлением спросил: - Ты что, не знаешь?

- Да ты что? - обрадовался прадед, и не нашлось у него больше слов восторга. Его лицо, едва тронутое морщинами, расцвело в счастливой улыбке, повлажнили глаза от волнения, и он проникновенно выговорил: - Да-а, жизнь продолжается!

ПОДРАНКИ

Глава I. Счастливые годы

Родился Валентин и вырос на Урале, окончил Челябинский техникум механизации и был направлен работать в Минераловодский район Ставропольского края в Лермонтовское рудоуправление. Не оперившимся пацаном появился он в управлении механизации перед Москвиным, который сам лишь три года назад закончил МАДИ¹⁷. Значительно посматривал тот на своего нового подчиненного, умышленно помалкивая и выжидательно растягивая паузу. Он старался быть внушительным и строгим перед свежеиспеченным механиком, чтобы по пустякам потом поменьше вопросов задавал. А тот весь как-то сжался и боялся встретиться с острыми глазами-буравчиками своего начальника. Они словно преникали внутрь своей пронзительностью и выворачивали наизнанку его скромные успехи в учебе. Он боялся, что не возьмут его механиком, а для начала заставят слесарить.

Москвин хорошо понимал, что знания техника-механика ограничены и не идут ни в какие сравнения с его образованием. Но ему хотелось понять уровень его подготовки и на что способен этот скромняга.

- Для начала бери это ведро и сбегай в котельную за компрессией! - и не улыбнулся от своей выдумки.

- Это как так? - растерялся Валентин.

- Компрессия нужна грейдеру, - на полном серьезе продолжал Москвин.

- Шутите, Константин Николаевич? - по-детски наивно улыбнулся ему новичок и простодушное его выражение растерянности тронули сердце начальника, смилостивился он и задал уже серьезные вопросы по их профессии:

- А что грейдеру нужно, чтобы работал?

Юрин старательно перечислил горюче-смазочные материалы и все детали, узлы механизма и принципы их работы. Довольным остался Москвин, дружески похлопал по плечу и наставительно высказался:

- Ну что же, беру тебя механиком... только помни, работа - главное в жизни, остальное - прилагательное... нашему успеху дела нет преград!

Мудреная формула жизни Москвина! Но она была его житейским ориентиром в любых ситуациях, не поддаваясь невзгодам и не щадя себя. С молодости он вписался в систему, интуитивно поняв престижность работы в «атомном» ведомстве с царившими в нем строгими порядками. Безоговорочно он себя подчинил интересам дела, чего строго требовал и от своих подчиненных.

Валентин оказался старательным парнем, увлеченным в работе, любил возиться со своими железками и получал от этого какое-то удовлетворение. Весьма странно было его постоянно видеть в ремонтной зоне, возившегося с каким-либо механизмом вне рабочего времени. Удивлялся ему Москвин, радуясь ценности механика. Порой он сам гнал его с работы и тот обиженно ему выговаривал:

- Вы же меня учили, что работа - главное! Остальное - прилагательное.

- У тебя что, нет забот дома? Или ты железный и не надо отдыха?

Снисходительно улыбался Валентин своей открытой улыбкой и добродушно отвечал:

¹⁷ МАДИ – Московский автодорожный институт

- Вот когда процентов на девяносто будет выход механизмов, тогда можно и расслабиться.

Ну что скажешь ему в ответ, коль так старателен и заботлив. Не отбивать же ему руки от работы? Благожелательно был настроен Москвин к Юрину, радовался за него и удивлялся его настойчивости и желанию до всего самому доходить. Сам он не терпел верхоглядства подчиненных, доставалось провинившимся от него по полной, и разнос он обычно удобрял сочной лексикой или выражениями. Его часто за это ругало профсоюзное и партийное начальство, объявляли выговоры, критиковали на собраниях. А с него как с гуся вода! Не терпел разгильдяев и лодырей, хоть убей его! И не приспосабливался он к начальству, а нещадно рубил с плеча правду-матку. И ему все сходило с рук, слишком ценным он был специалистом и умелым организатором.

Капитализм уповал во все времена на конкуренцию, а социализм был привержен социалистическому соревнованию. Каждой формации была характерна своя особенность, чтобы развивалось производство и двигался технический прогресс. А Москвин подметил третью особенность: по его убеждению, производство развивается благодаря личностям, железной их воле и способности устраивать разносы с непотребной лексикой! Примерно этого он придерживался в молодые годы, но потом стал более осмотрительным и выдержанным.

Недолго они наслаждались чистым горным воздухом, не дано им было жить среди причудливой экзотики Кавказа. Открылось новое урановое месторождение в Узбекистане, и создавалось Навоинское управление строительства. Формировались все структуры стройки, а с механизмами, машинами сразу встали проблемы. Получить их по нарядам с заводов-изготовителей было нереально даже в течение полугода. Руководители главка и министерства решили собрать их с разных строек, с миру по нитке, а голому - рубаха! Технику сосредоточивали в Лермонтове, и там же формировалась экспедиция под руководством Москвина. Большую часть механизмов и машин изъяли на месте с Лермонтовской стройки. В число командированных попал и Юрин, цену которому уже хорошо знал Москвин. А тот не мог отказаться, коль такая честь ему оказана. Он не задумывался о том, что менял климатические условия на более тяжелые и что они едут к пустому месту, в голую пустыню. В лучшем случае поселят их в вагончиках, а то дадут палатку - и устанавливай себе жилье, приспосабливайся к полевым условиям. Ему еще рано было так далеко заглядывать вперед и мыслить стратегически. Его позвал начальник, значит, оказал доверие. И почему он не должен его оправдать?

По железной дороге экспедиция направлялась из Минвод до Баку, а там погрузка на паром и через Каспийское море до порта Красноводска, а от него железной дорогой до станции Майли-Су. На конечном пункте разгрузили с платформ технику и своим ходом пошли до места назначения. Вроде не велико расстояние перегона - двести километров, но по степи, по пустыне, с механизмами и машинами в невыносимую жару, порой по бездорожью. Тяжеловато было, «рисовали на бумаге, да забыли про овраги». А тут еще песчаная буря поднялась, задул беспросветно «афганец». Щетки лобовых стекол машин работали, как при дожде, минимальной была видимость. Пробирались по степи осторожно, не торопясь, чтобы не заблудиться, тщательно выверяли ориентиры.

Трудным был переход для неподготовленных людей, но крепкими орешками они были по природе, все выдюжили и не стушевались ни перед поломками техники, ни перед песчаной бурей, ни перед сорокоградусной жарой. Ничто им не

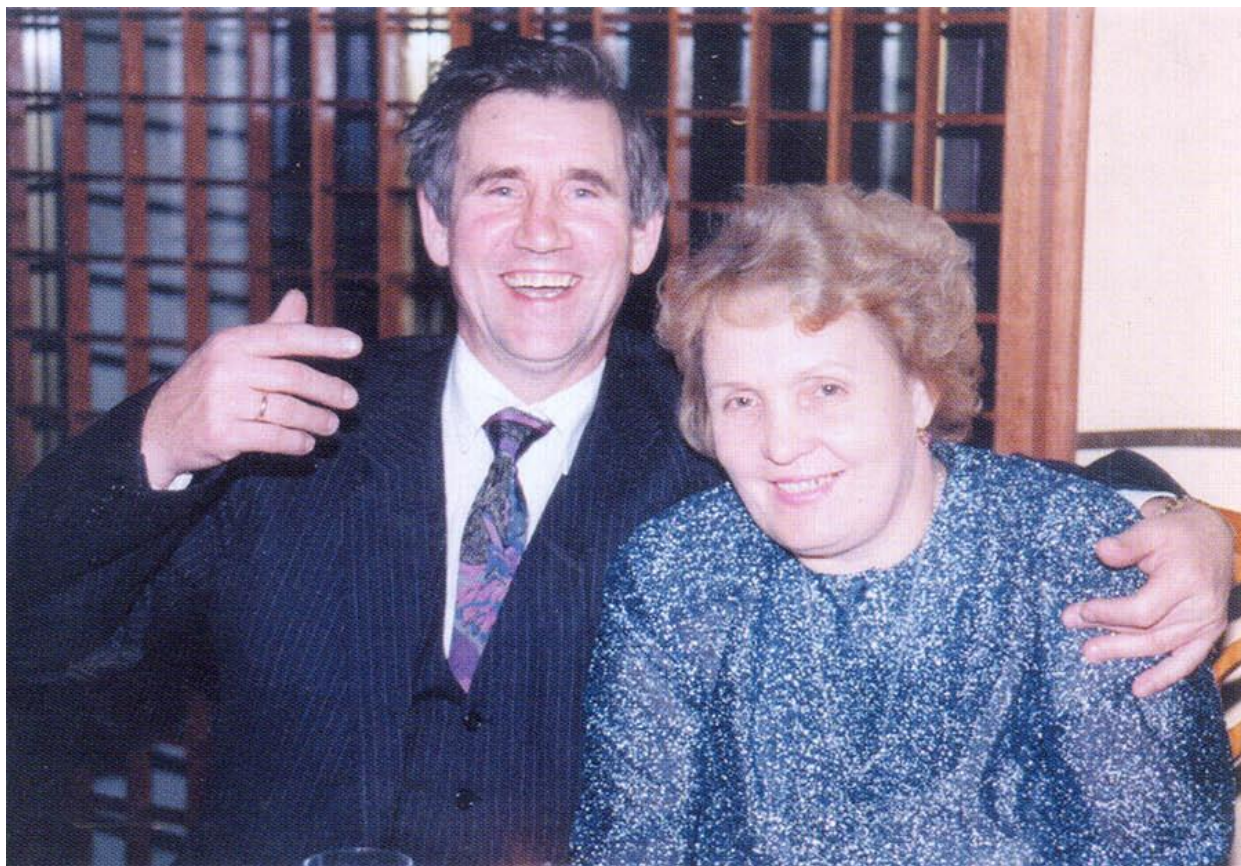
было помехой, а спокойно и настойчиво делали свое дело. Шли в сумерках или ночью, чтобы люди в кабинах не изжарились от высокой температуры.

Всю технику доставили на место в исправном состоянии, и начальнику стройки Кафтарову понравились лермонтовские ребята, и он, не прося их согласия, через начальника 11-го ГУ Зурабова Р.С. решил вопрос об их переводе к себе на стройку. А инженеры и рабочие особо и не возмущались и не сопротивлялись. Им обещали в течение года жилье, объемы работ их уже вдохновили и материальный интерес сыграл свою роль. Только в последний момент они подумали о семьях, как воспримут их жены такое самовольство? Но тут же отбросили переживания, издавека всегда роднее будут, и они им сообщили о неопределенных сроках задержки из командировки.

Холостяцкая жизнь сблизила Москвина с Юриным, он для него оказался нужным и удобным спарринг-партнером по шахматам. Особо не сожалел Константин Николаевич, что тот слабо играл, но он ему был необходим для игры в темную. Обычно он любил ложиться на диван, расслаблялся, закрывал глаза, представляя шахматную доску с фигурами, и начинал поединок вслепую. Он умел держать в памяти всю партию, и жуликоватых шутников быстро просекал, порой со злости отвешивал и по шее. Обычно с такими партнерами обрывал шахматные отношения. Коль сел за шахматы, будь честным. А Валентин оказался на редкость порядочным и старательным, он не просто играл, а с каждым разом улучшал свое видение на доске и повышал уровень мастерства. Москвин был кандидатом в мастера, и ему уже стало интересно с ним проводить время за шахматами.

Их дружеские отношения возникли и развивались на обоюдных интересах и увлечениях. Валентин любил охоту и не прочь был побаловаться рыбалкой, а Константин Николаевич был любителем рыбалки и не прочь был поохотиться. У них не было свободного времени, оно пролетало незаметно. Через два года привезли они свои семьи в Учкудук и жены были несказанно довольны. Но непередаваемая радость в семьях была, когда они получили коттеджи в Навои, стоящие по соседству. Жены восторгались возможности иметь свой огороδικ с зеленью, садик с зарослями винограда для тени, с абрикосовыми деревьями. Их умиляло говорливое журчание воды в арыке, пролегающем через весь участок. Но особенно жены были довольны, что мужья устроили их на работу. Они просто соскучились по людям, по общению, и им была в радость смена домашней обстановки. И среди таких же еще молодых людей они особенно почувствовали себя комфортно. Все было им к месту, удобно и под руками. Продуктовые магазины, детские сады и школа располагались неподалеку, детей можно было легко контролировать и при этом работать. Мир и согласие поселились в семьях и все были довольны, особенно мужья. Их ничего уже не обременяло, они словно сговорились и умышленно пропадали сутками на работе. Было подозрительное беспокойство в душах жен. Но мужья ничего не могли поделать, работа от них требовала много времени.

Из личного альбома автора

Радость на двоих одна. С женой Верой Николаевной.

Сотрудники ЗАО «ЭСКА»

На встрече выпускников Новосибирского военно-технического училища

Чернобыльцы в РГБ

Слева направо: начальник УС-605 В.П. Дроздов, его заместители В.Н. Макаров, А.И. Калачёв. 2006 год.

На творческом вечере в доме-музее Ф.И. Шалаяпина. Слева направо: писатели В.Я. Степанов, А.И. Калачёв, академики, народные художники СССР П.П. Оссовский, В.И. Иванов.

В.Я. Степанов, А.М. Горовой, В.И. Гусев, А.И. Калачев. Лауреаты премий в Московской городской организации.

Герой Социалистического Труда, народный артист СССР Ф.Г. Дадаев, народный артист СССР И.Д. Кобзон, академик Г.Е. Трапезников, прозаик А.И. Калачёв. «РИА-Новости», апрель 2009 года.

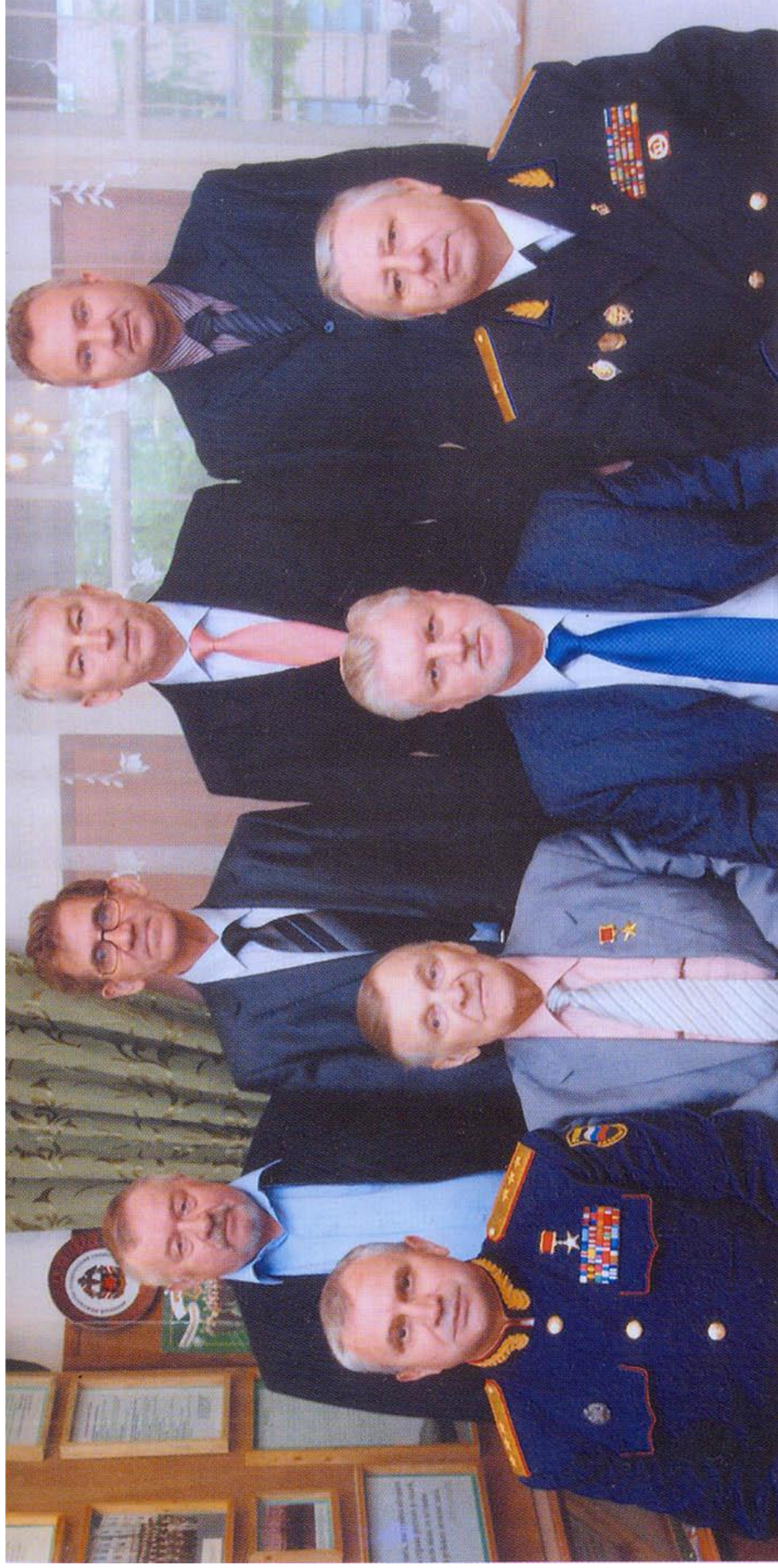
Вечер поэзии в Центральном доме литераторов. Слева направо: А.И. Калачёв, В.Я. Степанов, В.Т. Фомичев, М.Н. Суслова, В.В. Сорокин. Март 2010 года.

На вручении премии «Чернобыльская Звезда». Зал торжественных приемов мэрии г. Москвы. 30 ноября 2009 года.

Гости писателя. 2008 год. Звенигород.

С лауреатами Международной литературной премии имени М.А. Шолохова 2010 года.

Слева направо: сидят – генерал-полковник В.С. Новиков, Герой Социалистического Труда Ю.В. Бондарев, председатель Совета Федерации С.М. Миронов, генерал-майор Э.М. Филиппов; стоят – А.В. Ларионов, А.И. Калачёв, депутат Законодательного собрания Санкт-Петербурга Б.Л. Киселев, исполнительный директор издательства И. Брытвин. Царское Село, май 2010 года.

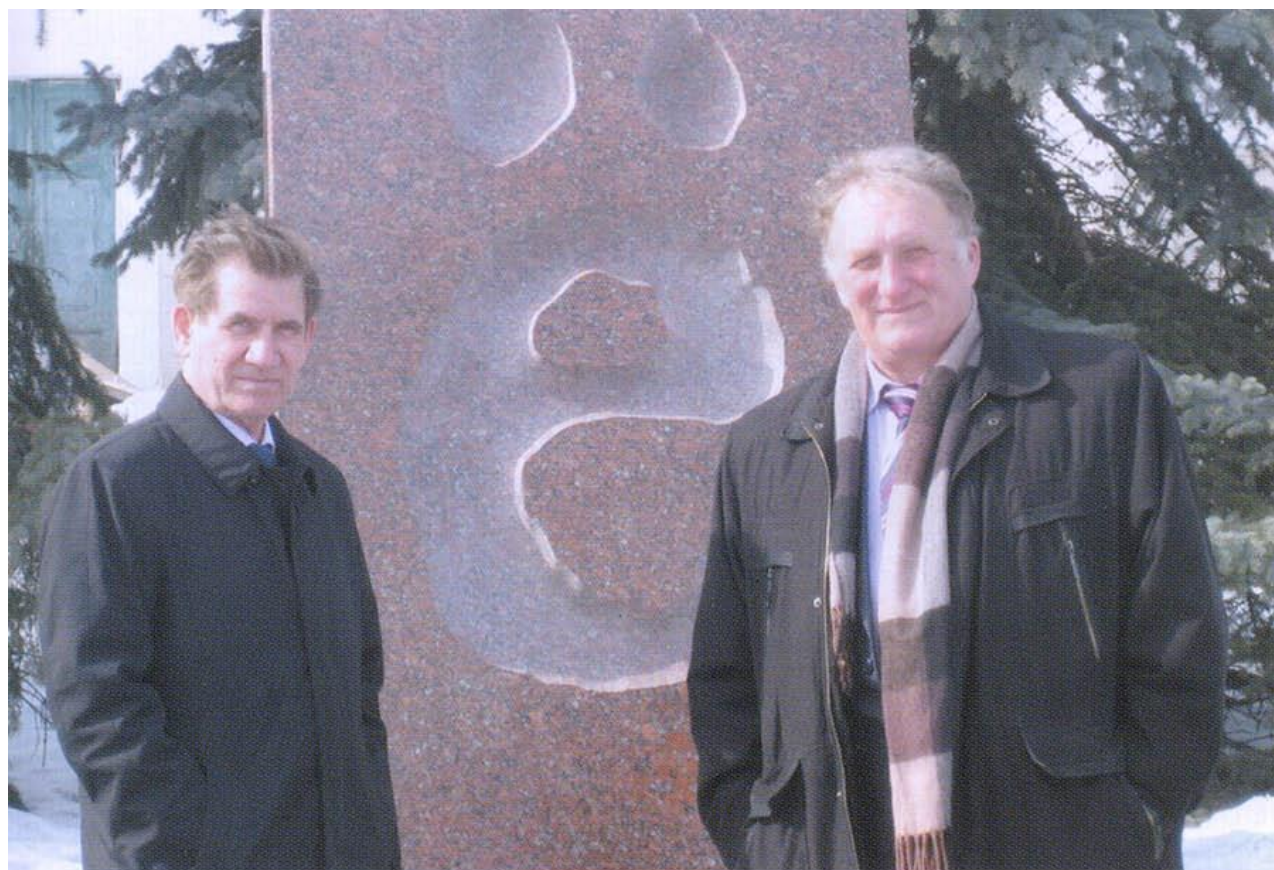
С главой администрации Чердаклинского района В.Н. Игнатьевым

Фото на память перед презентацией книги «Чердаклы – жемчужина России». Июнь 2008 года, г. Чердаклы.

Торжественное открытие нового здания Алексинского городского суда. 7апреля 2006 года.

У памятника букве Ё

Встреча писателя в Ульяновской областной библиотеке. 2010 год.

Фото на память после вручении Международной премии «Звезда Чернобыля». 22 ноября 2010 года.

Слева – первый заместитель председателя Совета попечителей неправительственной организации «Чернобыль-помощь» И.Р. Нурисламов; третий слева – ее председатель, чемпион мира по шахматам А.Е. Карпов после вручения Международной премии «Звезда Чернобыля». 2010 год, ноябрь.

Советские и партийные органы Узбекистана обрадовались развивающимся строительным мощностям Минсредмаша и старались использовать их в интересах республики. Не было им отказа ни на местах, ни в министерстве. И понятно такое мудрое отношение к местным органам власти, тем более, что предприятия имели большой диапазон разброса. Одни только названия городов позволяли это понять - Навои, Зарафшан, Учкудук, Табашары, Майли-Су, Чкаловск и др. И где бы ни работали навоинские строители, повсюду ощущали внимание и помощь местных органов власти. В то время, в тех условиях это стоило многого и гарантировало успех делу! Поэтому строители трудились еще и на республиканских стройках.

Стремительным был их служебный рост, умудренный начальник стройки Кафтаров сторицей воздавал им обоим по их делам. Последние годы в Навои Москвин работал уже главным инженером стройки, а Юрин - его заместителем по монтажу. Где они только ни мотались по республике и какие вопросы ни решали! Оперативные совещания на объектах отбирали массу времени, но стройкой надо было управлять и отслеживать ход строительных и монтажных работ. А развивающиеся мощности Управления строительства требовали увеличения объемов поставки кирпича, керамзита, песка, щебня, гравия и других местных материалов, без которых стройка не могла жить. Они оба плотно занимались этими проблемами, строили заводы, развивали карьерные хозяйства, возвели и пустили в эксплуатацию домостроительный комбинат. Они уже не сутками, а месяцами пропадали в командировках на сдаточных объектах, и семьи молча переносили их постоянные разъезды. Лишь изредка разряжались скандалами, и то для проформы, чтобы за работой мужа не забывали и о них.

В середине семидесятых годов Москвина перевели начальником Обнинского управления строительства. Настороженно восприняло его партийное руководство Калужской области, которое только под давлением центра вынуждено было дать согласие на увольнение прежнего руководителя. Недолго они к Москвину приглядывались, расположил он их к себе радушностью и взвешенностью принятия решений, не конфликтностью характера, активностью действий по наращиванию мощности стройки. При нем строители и монтажники стали выполнять планы, получать премии, помогать области в развитии колхозов и совхозов.

Но не мог Москвин жить без Юрина, без ощущения присутствия где-то рядом своего молчаливого, скромного друга, без неожиданных и всегда полезных советов Валентина, без его участия и помощи в горячих точках. Добился он его перевода заместителем главного инженера по монтажу, и оба они вздохнули облегченно и подумали, что наконец отдохнут на свежем воздухе Подмосковья, пообщаются с природой, организуют себе щадящий режим работы и будут жить, как «белые люди», сочетая приятное с полезным. Забудут они о жаре, постоянной сухости во рту, об их долгих командировках по республике и тот идущий от земли какой-то суховатый запах солидола и солярки на базах механизации, с которых обычно начинались их обходы на объектах. Они думали, что изгладится из памяти их охота на водоплавающую дичь в теплых камышовых озерах, их богатые уловы толстых лещей и двухкилограммовых жерехов. Они никогда теперь не ощутят теплый, а порой и горячий привкус продуктов без холодильников. Они в дефиците были и не везде стояли. А в степи приходилось вообще охлаждать таким способом, что люди не верили в него. Заворачивали арбузы, дыни, фрукты в мокрые тряпки, клали их на багажник машины, которую потом гоняли с большой скоростью, чтобы тряпки высохли. А потом вновь смачивали и опять ветром обсушивали. После двух-трех таких процедур

температура фруктов, арбузов и дынь понижалась, и уже не казались они такими теплыми, тем более горячими.

Но им надо было быть откровенными и правдивыми перед собой. Не все хотелось забыть, много памятного и хорошего еще долго будет храниться в их памяти. Они же были молоды, энергичны, профессионально амбициозны, не знали усталости и лени. Тогда они не задумывались о своем здоровье и вели себя на широкую ногу. Получали немалые деньги, не заботили их дачи, одежда, машины. Беззаботными они были по жизни тогда, и лишь работа увлекала и беспокоила. Никогда им не забыть гостеприимство узбеков, их сочный разваристый плов, вкусные шашлыки из баранины, обилие свежей зелени, овощей и фруктов. И беззаботную вольность за дастарханом, не ограничивая себя ни в чем. Утром лишь наступала расплата за выпитое и съеденное, головы разламывались от боли. Но это было проходящее явление, улетучивалась боль после обеда и любопытные эпизоды оставались в памяти.

Напрасно тешили они себя надеждами на легкую и размеренную жизнь в Подмосковье. Не просто так направил начальник главка Усанов своего приятеля Москвина в Обнинск. Он был еще очень нужен в Навои, но решил его перевести. Требовалось наращивание мощностей Обнинского управления строительства, но старый руководитель подрастерялся и не мог организовать. Заказчики настоятельно требовали увеличения капитальных вложений, а они в большинстве работали на оборону, и с ними шутки были плохи.

Энергично взялся Москвин за привычное дело, пристегнул к нему Юрина и уже со спокойной душой принимал на себя вопросы, требующие его личного вмешательства. А самолюбие Юрина не позволяло загружать ими начальника, и он старательно вел дела, по-деловому общаясь с заказчиками, проектировщиками и с подрядными организациями.

Стройка получила дополнительную технику, машины, механизмы и хорошее финансирование собственного строительства. Были развернуты работы на ДСК с полигонами и на карьерах. Построили в короткий срок керамзитовое производство и обеспечили утеплителем не только себя, но и соседние стройки. Реконструировали деревообрабатывающее производство с сушильными камерами, что позволило изготавливать для собственных нужд окна, погонаж, двери. Реконструировали и дополнительно построили полезные площади для служб обеспечения, ввели в эксплуатацию дополнительные площади открытых и закрытых складов. В общем многое было сделано благодаря энергии Москвина и незаметной, повседневной помощи Юрина. Стройка стала отвечать предъявляемым к ней требованиям по освоению капитальных вложений основных заказчиков.

Но пришло время, и разошлись их жизненные дороги, перевели Москвина в министерство начальником 11-го ГУ вместо Александра Николаевича Усанова, перешедшего на должность заместителя министра. Валентин Иванович мог теперь вздохнуть с облегчением: его «узурпатор» отдалился от него и им уже не сойтись вместе на одной дорожке. Разорвалась их связь, удерживающая вместе долгие годы. Слишком высоко взлетел его друг Константин Николаевич, и рядом с ним ему не было места. Все они были заняты, да и не способен он к бумажной работе, набивать себе мозоль на мягком месте. Ему привычны практические действия, работа с людьми, чертежами, чтобы можно потом видеть результат своего труда. А за бумажками ничего не увидишь и себя еще потеряешь. Но особо Валентин и не радовался их отдаленности, он хорошо знал Москвина, его неумные способности и желания объять необъятное. У него в подчинении оказалось двадцать строек и их беды и проблемы похожи на навоинские и

обнинские. И нет гарантии, что он не позовет Юрина затыкать где-нибудь какую-то прореху.

- Надо, Валя! - скажет немногословно он, но убедителен будет своим видом, пронзительным взглядом. И поедет Юрин, его решения у него не вызвали отторжения, и у него не хватит духа отказать в просьбе. Москвин - человек настроения, и Валентин не хотел видеть его раздраженным, в сердцах бросающим свои очки. Неоднократно он их разбивал, но от вредной привычки не мог избавиться. И не хотел бы он давать даже повода для этого! Его пока спасала от такой просьбы Калуга, безвылазно он там пропадал, обеспечивая с заказчиками выполнение дополнительной программы по вводу новых мощностей.

В душе Валентин ощутил все-таки какую-то вольность без Москвина, почувствовал удивительное состояние раскрепощенности и возможность самостоятельно распоряжаться своим временем. Он стал принадлежать не стройке, не начальнику, а себе! И это было для него открытием удивительным и неожиданным, как дождь в солнечный день! Но его почему-то не отпускала непроходящая грусть на сердце, словно он потерял внутренний стержень, возле которого крутилась вся его жизнь. Ничего не поделаешь, и нужно было привыкать к иному образу жизни. Генриетта, его жена, все уши прожужжала последнее время, что дочь без отца росла, так хоть внучкой бы занялся. Грешен он перед своей любимицей Татьяной, без отцовской ласки и внимания она росла и ему вовек не искупить своей вины перед ней. Ведь всем она хороша, он все-таки знал толк в женщинах. Женственная, привлекательная своей внешностью, и умом Бог не обидел. Окончила институт иностранных языков и в совершенстве владела английским. Что еще женщине надо было для счастья? А вот она лишена его, и он себя винил в этом! Полноценная семья воспитывает детей всесторонне, а он был дома редким гостем. Понимая такой промах по жизни и свою вину, он стал больше общаться с внучкой и получал от этого массу положительных эмоций. Общение с ней для него было откровением. На глазах она росла и удивляла деда неожиданными выдумками, вопросами и загадками. Откуда только что черпала. Его поразили тайны развития ее мышления, и он решил почитать научную литературу и со знанием дела подойти к обучению и воспитанию внучки.

Но счастья воспитателя Юрин лишился с приходом беды из Чернобыля. Нагрянула она, и жутко стало женам семей средмашевцев в ожидании востребованности их мужей. В этом они были абсолютно уверены, особенно читая газеты, слушая радио и просматривая кадры по телевидению с мест событий. Они хорошо понимали реальные возможности их ведомства, а значит, и обязанность их мужей. И сбылись, оправдались их тревожные ожидания. Со слезами на глазах и с болью в сердце провожали они спешащих мужей в пекло радиации. Их не посещали мысли остановить любимых и не пустить их туда или удариться в плач, взывая к их разуму - поберечься. Нет! Если не они, то кто? Это жены хорошо понимали, и в этом была их убежденность. Не должны дети и внуки жить на земле, покрытой радиацией! Их мужья отвечали за будущую спокойную жизнь в стране и были обязаны землю сделать чистой!

Глава II. Беда

Подрастерялись молодые руководители страны во главе с реформатором Горбачевым в первые дни катастрофы. Не обратились они к тем, кто разрабатывал реактор, проектировал его, строил атомные станции и обеспечивал научное им сопровождение. Проигнорировали они опыт и мудрость старейших кадров отрасли, выбрали они сами виновника для заклятия от Минсредмаша. Им

оказался первый заместитель министра Мешков А.Г., который никакого отношения не имел к научным разработкам реактора РБМК-1000, к проектированию и к эксплуатации. Нашли «козла отпущения» в лице умнейшего, опытнейшего и авторитетного руководителя в отрасли, без аргументации и доказательств вины. Вообще, естественна ответственность ведомства, которое научно разработало реактор РБМК-1000 и внедрило. Но эксплуатировало его другое ведомство - Минэнерго, и его специалисты нарушили все мыслимые и немыслимые инструкции по эксплуатации. Недальновидно и легкомысленно поступили молодые руководители страны, не обратившись в первые дни после аварии к опыту заслуженных и авторитетных людей в атомной отрасли Е.П. Славскому и А.П. Александрову. Но выдержки руководства хватило на 20 дней, трагичность аварии и нервозность того времени заставили их понять, что без Е.П. Славского не обойтись, а на Минэнерго с его командой рассчитывать не приходилось. И ожидаемое решение состоялось 15 мая, и во исполнение его уже в тот же день стал в Минсредмаше работать центральный штаб по главе с Александром Николаевичем Усановым.

В головы первых лиц государства пришло полное прояснение в начале июня. Спустя месяц с лишним после аварии они сочли необходимым возложить функции генподрядчика по захоронению четвертого блока ЧАЭС на Минсредмаш. А в это время по приказу Е.П. Славского от 20 мая для ликвидационных работ на взорванном реакторе всю формировалось УС-605.

Ефим Павлович не имел привычки перекладывать свою ответственность на других, сам решил разобраться на месте и воочию увидеть последствия от взрывов. Вместе с назначенными им руководителями новой структуры УС-605 и некоторыми членами центрального штаба на самолете вылетели из Москвы в Киев, а затем на перекладных добрались до места аварии. Развороченный реактор они увидели из иллюминаторов вертолета, который сделал несколько кругов над ЧАЭС, после посадки вертолета прошли по маш-залу, насколько это было возможно. Он же протянулся вдоль всех четырех реакторов, а от взрыва обрушения наблюдались в районе третьего и четвертого блоков. Потом вышли на территорию, подошли к четвертому блоку и остановил сопровождающих Ефим Павлович.

- Подождите меня! - а сам направился к взорванному реактору, он решил посмотреть на развалы со стороны третьего блока. Многие попытались последовать ему примеру, неудобно почувствовали себя сопровождающие, чтобы отпустить одного Ефима Павловича и хотели последовать за ним, на что тот резко выговорил:

- Кому сказано, подождите!

Не послушался лишь Александр Николаевич Усанов, его правая рука во всех строительных делах. Его единомышленник, верный соратник и надежный руководитель. Ему он простил непослушание, а после осмотра долго и значительно глядел на присутствующих, словно хотел внушить, что нет безвыходных ситуаций, хотя и тяжело. И сбросил с себя оцепенение, улыбнулся доверительно и убежденно проговорил:

- Ну что, будем работать! - эти простые слова, произнесенные Ефимом Павловичем, послужили молниеотводом для скопившегося напряжения в людях. И словно все вздохнули с облегчением, начались разговоры и обсуждения ликвидационных действий. Зациклились их думы и мысли на одной и той же теме и не было у них уже иных переживаний. Иногда лишь вкрадывалась в голову другая и то она вслух не произносилась и не обсуждалась. Она витала в воздухе, была в душе каждого, и только присутствие министра не позволило ей открыться.

Все смотрели на Ефима Павловича и их глаза выдавали искренность отношений к своему руководителю и веру в его решения. Лишний раз за эти сутки он поражал их крепкостью своего организма, неумной работоспособностью, ясностью ума и мышления. Не говорили между собой о его здоровье в таком возрасте, все хорошо знали, что ему уже 88, и на старика никак не походил! Молодцом он держался на зависть многим, значительно его моложе! И не могли они ему лишний раз напоминать об опасности работ в таких условиях, о которых не имели представления даже специалисты их ведомства.

Хорошо сознавал Константин Николаевич, какие трудности ожидали сотрудников его главка на ликвидационных работах в Чернобыле. Он хорошо уже понимал сложность решаемых задач по захоронению взорванного реактора и необходимость командирования со строек вольнонаемных специалистов. Единственное его радовало, что возглавил работы на ЧАЭС А.Н. Усанов, который попусту разговоров не допускал, любил конкретику и мыслил масштабно, охватывая не только все стороны деятельности стройки, но вникал в социальные вопросы, заботился о нормальном быте и питании работников. Константин Николаевич осознавал, что УС-605 обеспечат машинами, механизмами и материалами и даже готовыми конструкциями. Но никто за них не построит бетонных заводов, не организует узлы перегрузки и не сделает склады приема инертных материалов, цемента, не подведет воду, электроснабжение, связь, дороги. Не говоря уже о бытовых помещениях, конторах и складах.

Прекрасно представлял Константин Николаевич сроки работ, что никаких проектов не дождешься, а придется строить исходя из опыта, а проектировщики задним числом будут оформлять чертежи. Возглавить такую работу мог только опытный специалист, грамотный руководитель, за плечами которого было строительство хотя бы пары-тройки таких заводов. И он хорошо понимал, что только Юрий с его опытом, ответственным характером, с его техническими знаниями способен выполнить эту работу! Он представлял на что и куда направлял своего друга, но другой равноценной кандидатуры он не видел. И, как всегда, судьба Юрина оказалась в руках Константина Николаевича и, как всегда, не была щадящей и снисходительной. Команду монтажников и ИТР Валентин подбирал на Обнинской стройке и комплектовал ее в основном теми специалистами, с кем он работал на Навоинской стройке, а затем помогал им переехать в Обнинск. Подбирал он надежных ребят, и многие из них были близкими ему людьми. В тех условиях работы надеяться на случайных людей опасно, не подводят только проверенные люди не боявшиеся трудностей и лишений.

Для знакомства с площадкой строительства бетонных заводов, они приехали на автобусе большой командой. В ней были монтажники, инженеры, группа проектировщиков и дозиметристы. Не удержался и Москвин от такой поездки. К месту назначения из Чернобыля ехали по мокрому асфальту с сырыми обочинами. И эта влажность с отражающимися бликами солнца в глянцевых лужицах на асфальте и с прохладным ветерком поднимала настроение людям, и им с утра не хотелось думать о плохом. Они с удовольствием воспринимали природу Полесья и мало пока задумывались об ожидающих их трудностях. Не доезжая до поселка Лелёв свернули вправо и ехали уже по грунтовой дороге, ведущей на колхозную ферму. Дома Лелёва удручающе действовали на Валентина своими пустыми глазницами вместо дверей и окон. Однотипные они, без полета фантазии строили и получился скорбный ряд серых коробок. Словно

наспех собранны макеты из фанеры для каких-то киносъемок. Именно на поросшем бурьяном поле за Лелёвым, в 13 километрах от АЭС, и нужно было возводить бетонное хозяйство.

Остановился автобус сразу же за поселком, и вышли из него всей группой для лучшей рекогносцировки и привязки на местности трех бетонных заводов, складов для инертных материалов, емкостей для хранения цемента и других вспомогательных зданий и сооружений, строительство которых обеспечивало бы нормальное функционирование заводов.

Пока они прибрасывали что к чему и каждый специалист решал свою задачу, из расхлябанных ворот ограждения колхозной фермы, виднеющейся на пригорке, направилась к ним серая лошадка. Неторопливо она шла, робко и боязливо поглядывала на людей.

- Ишь ты, соскучилась, - заметил с каким-то сочувствием и сожалением провожатый из местных, в годах мужик, приданный к ним в помощь, - скотина, а к ласке тянется! Несподручно, видать, жить в одиночестве без привычного!

Но дозиметристу, отвечающему за группу, было не до сантиментов, он вышел навстречу лошади, подобрал комья слипшегося грунта и стал бросать в нее, пошумливая, чтобы убралась прочь.

- Ну пошла... пошла... пошла отсель!

Вся группа людей возмутилась безжалостностью дозиметриста, и особо взъярился на него любитель животных Юрин. Но дозиметрист не обращал на это внимания и продолжал отгонять лошадь, заметив со знанием дела:

- Мы ей уже ничем не поможем... а грязи от нее наберемся.

Лошадка встала, как вкопанная, по интонации голосов поняла участливость к ней большинства людей, и ее безжизненные глаза уставились на Юрина, подходившего к дозиметристу за разрешением пообщаться с животной.

- Я не буду дотрагиваться до крупа, дам ей вот ломоть хлеба... пусть немного успокоится, может, поймет и нашу безысходность.

Тихо произнес Юрин, но, видимо, всех угнетала бездушность обстановки, и одобрили его порыв, готовые тоже с ним его разделить, только не у всех оказался такой ломоть хлеба! Печально и горько было смотреть на все это, а Валентин передавая хлеб в мягкие едва шевелившиеся губы лошади, успел встретиться с ней взглядом, и ему захотелось заплакать, зарыдать, заорать на этот безжалостный мир. Столько страданий и боли он увидел, что не каждому человеку под силу передать такие чувства глазами. И он ей прошептал, словно таясь быть услышанным:

- Иди к себе... иди родная!

А провожатый словно почувствовал свою вину и в оправдание проговорил:

- Вроде всю живность вывезли и как она затерялась?

Москвин молча наблюдал эту сцену, он тоже сочувствовал лошади, но не мог позволить себе расслабиться и громко сказал:

- Валентин, кончай канитель, за дело!

После ласковых слов человека лошадь отошла от них в сторонку и встала, поглядывая на людей с надеждой. Видимо, удивлялась она, как же так, то приучали к себе, а теперь прочь гонят? Чем же она их прогневала, что плохого сделала? Не понимала лошадь отчужденности людей, копошившихся с бумагами на заросшем поле. Убедившись в своей не востребованности, повернулась и медленно пошла к ферме. Но несколько раз останавливалась, поворачивала к людям голову в надежде, что они передумают и позовут ее к себе.

Нет, не позвали!

Бетонные заводы поставляли украинские изготовители из Славянска Донецкой области. Их проектная мощность при непрерывной работе была 2000 куб.м/сутки. Объем суточной потребности составлял 4500 куб.м. Следовательно, мощности трех заводов сполна покрывали проектные запросы в бетоне. Но уже в июне встал вопрос о строительстве еще одного, четвертого бетонного завода в зимнем исполнении мощностью 40 куб.м/час. А в это время решались вопросы обеспечения, главный инженер стройки В.Т. Шеянов курировал поставку инертных материалов, зам. начальника Бедняков В.М. занимался цементом. На реке Припять затопили баржу для пристани, и пошла намывка песка, а во второй половине июня смонтировали насосную станцию на реке и проложили водоводы. О всех принимаемых мерах хорошо был информирован Юрин и он энергично трудился со своими людьми, чтобы своевременно ввести заводы. Их сроки строительства определил А.Н. Усанов и утвердила Правительственная комиссия. Бульдозеры и грейдеры первыми стали осваивать выбранную площадку для бетонных заводов. Необходимо было территорию спланировать, откопать необходимые котлованы под фундаменты, спрофилировать отвод воды и подготовить основания дорог. Механизмы поднимали массу взвешенной пыли, и все хорошо понимали, что вместе с ней в воздухе висели радиоактивные аэрозоли. Днем солнце нещадно пылало, жаркая стояла погода, и дышать в «лепестках» было трудно, но дозиметристы не дремали и внимательно следили за людьми, чтобы не нарушали инструкции. Ко всему еще были курящие, а им на это был большой запрет, пока не оборудовали пункт для курения.

Люди подвергались суровым испытаниям. Требовались выдержка и дисциплина. Дозиметристы постоянно проводили замеры радиационного уровня местности, но на перепаханном поле трудно было что-либо четко понять и уяснить, где безопасные места и какие надо обходить из-за высокого уровня радиации. Измерение они проводили плоскостное на высоте до 1 метра от земли, и все уже знали, что показанная доза в два раза меньше, чем на грунте. Сюда долетали отдельные осколки графита и топлива, уровень радиации которых зашкаливал за 100 р/ч. Но их надо было тщательно искать, а дозиметристов еще не хватало, и на такие «мелочи» пока не обращали внимания. Видимо, из-за этого Юрин и поплатился своим здоровьем, так рано ушел из жизни.

На возведении бетонных заводов трудились круглосуточно рабочие и инженеры из Обнинского управления строительства. Ночью работали при свете фар от машин, пока начальник управления энергоснабжения Геннадий Борисович Григорьев не поставил электростанцию. Появилось освещение и поднялось настроение у работающих. Пуско-наладочные работы и пуск заводов проводили на этом электропитании и только потом подвели ЛЭП, установили трансформатор и сполна обеспечили объект электроэнергией.

Знал, кого направлял, Москвин на строительство бетонных заводов. 20 июня был введен в эксплуатацию первый завод, 5 июля - второй завод, 10 июля - третий. Неторопливо, без суеты и излишнего шума, целенаправленно, твердой рукой управлял Валентин Иванович Юрин коллективом своих единомышленников. В это же время он готовил подъездные пути, укладывал асфальт, строил необходимые бытовые помещения. И уже не висела радиоактивная аэрозольная пыль и смены работали в чистых условиях, обеспечивая бетоном ликвидационные работы на взорванном реакторе.

А в это время зарубежные радиостанции, еще не привыкшие к нашей открытости, рассказывали в эфире вещали сумасшедшие страшилки и приводили гнетущие цифры. Они тиражировали свои «утки», чтобы их соотечественники

поменьше сочувствовали русским. По данным «Голоса Америки», погибло 2000 человек, из них 80 человек скончались сразу же, в период аварии. На пути в больницу находилось еще 2000 человек, от рака заболеет один миллион человек, и какой только чепухой не пичкали доверчивых слушателей.

Под статью «Голосу Америки» вранье шло и из руководящих центров страны. Фактически в первые дни взрыва в атмосферу вылетело 80% топлива. Наведенный радиационный фон разносился ветром с пылью на тысячи километров. Во избежание международного скандала правительство дало указание сообщать о выбросе топлива в пределах 10-20% и что твердые отходы разметались в пределах до километра.

Кто-то врал, а такие, как Юрин, были достоверностью своего времени, людьми, беспрекословно выполняющими свой гражданский долг в тяжелых условиях Чернобыля. Жалко только, что такие люди так рано уходят из жизни!

Глава III. Непостижимые потери

Замучил сахарный диабет Константина Николаевича, и удивлялся он своему зверскому аппетиту. С чего бы он к нему прилепился? Вроде род Москвиных отличался своей крепкостью и долгожителями. Никто из родственников не был замечен с этой болезнью. А вот он отличился! Не хотелось ее связывать с его работой в Чернобыле. У него были все же щадящие условия. Не позволил Усанов А.Н. ему быть в числе первых, а сам ринулся в самое пекло ни с чем не считаясь, а вот своего приятеля Москвина он лишил «удовольствия» быть с ним. Лишь в августе месяце пришла его очередность кураторства в Чернобыле с третьей сменой, с коллективом строителей, возглавляемых Ильей Александровичем Дударовым. Особо входить ему в дела не нужно было, он наездами бывал здесь, да и в главке пристально отслеживали развитие событий и помогали по необходимости УС-605 специалистами, техникой, документацией и выполняли представительские функции в партийных и правительственных органах. Несмотря на улучшение общего радиационного фона, их третьей смене предстояло выполнять сложнейшие задачи. Подошел момент перекрытия реактора и отгораживания его от машзала для понижения в нем уровня радиации. Простых решений и классических подходов здесь не было, надо не просто перекрытие делать из металла. Нужно было еще найти само решение, а потом исполнять. Особый накал страстей и переживаний вызвала металлическая конструкция рамы над реактором, названная в обиходе «самолетом». Для надежности опирания провели ряд мероприятий по укреплению под него опорных конструкций. Вес «самолета» составлял 185 тонн, надо было его смонтировать на высоте 58 метров. Много неприятных моментов выдюжили все участники этих работ, включая даже министра. Но смонтировали раму и для уверенности закрепления еще три дня держали кран без расстроповки, чтобы дать время бетону схватиться до нужной прочности.

В период его командировки много монтировалось металлоконструкций, и он деятельно участвовал в этой работе. Но особые переживания оставила в душе эта махина «самолет», замершая неподвижно на такой высоте из-за лопнувшего троса. Нервы получили приличную нагрузку и были предельно напряжены. Не обошлось без переживаний при монтаже труб большого диаметра над реактором. Они резко понизили уровень радиации, но неплотно легли между собой и через щели шел большой фон. Придумал он тогда и внедрил так называемую «колбасу». В поролон засыпался керамзит, делали туго закрученные жгуты,

пропитывали их смолой - клеем - и накладывали на щели, в результате чего понижался уровень радиации до 70 р/час.

Немалый накал эмоций и переживаний принесла эта командировка. Численность работающих людей перевалила за десять тысяч человек, а их надо было организовать, материально обеспечить, позаботиться об их безопасности. В это время бетон укладывался круглосуточно, заводы бесперебойно работали, и не допускался срыв в его поставках. Начали строительство четвертого завода в зимнем исполнении.

Нужно ему все-таки откровенным быть перед самим собой. Непоседливый характер, желание все проконтролировать и лично проверить порой способствовали его радиационному загрязнению. Но он себя успокаивал тем, что руководителям первой и второй смен было значительно тяжелее. Он словно искупал свою вину перед ними. Они набрались столько «грязи», что его цифры не шли ни в какое сравнение с их. И для него Чернобыль прошел по жизни таким же эпизодом, как и многие другие: работа в Лермонтове, Узбекистане, Обнинске, Москве. Он особо и не вспоминал о нем после завершения работ. Текучка заела тогда, а тут еще пошли новые заботы связанные с пертурбацией в министерстве. А она шла непрерывно после Славского Е.П. и Михайлова В.Н., по мере смены руководителей. Некогда ему было думать о прошлом, анализировать его или искать собеседников для облегчения души. Болезнь лишь подвела его к таким раздумьям, и в слабости своего здоровья он винил свои нервы, которые всю расстроились, расшатались из-за всех этих реформ, то горбачевских, то ельцинских. Очень болезненно он их воспринимал, они не улучшали дела и не помогали экономике, наоборот, разрушали то, чем гордились, кормились и защищались.

Не все так просто и однозначно было, чтобы прожить столько лет в мире. Нелегко было стране в период разрухи после войны поднимать атомную промышленность и воздвигать ракетно-ядерный щит от агрессоров. Не осуществил СССР в 1949 году испытание атомной бомбы, не миновать нашей стране ударов 20 атомных бомб по промышленным центрам страны. Сегодня не секрет такие планы Пентагона, только о них помалкивают наша печать и телевидение. А на дела тех лет следовало бы смотреть сквозь призму защиты Отечества, а не через либеральные разговоры о демократии.

А ведь мало осталось тех, кто знал, что атомная промышленность поднималась с торб, в которых возили первую урановую руду по горным тропам Памира на ишаках и верблюдах. В 1945 году Табашарское рудоуправление было единственным предприятием, занятым проблемой отечественного урана, но и оно еще находилось в стадии промышленной разведки и подготовки к добыче. Только к концу того года добыли 18 тысяч тонн урановой руды и выдали порядка 7 тонн урана. Семь тонн урана в 1945 году! С каждым годом росла его мощность и уже в 1947 году добыча урановой руды достигла 200 тонн! Но и этого было недостаточно для промышленного пуска реактора, который выработал бы оружейный плутоний.

Правительство страны принимало энергичные меры для расширения производств по добыче урана. Кроме месторождений в Средней Азии, в 1946-1947 годах были открыты железорудные месторождения, содержащие уран, на Украине и на Северном Кавказе близ горы Бештау. Параллельно с разведкой месторождений в СССР, были приняты меры по изучению возможностей поставок урана из ГДР, Чехии, а затем из Польши и Болгарии. Однако вывозимые оттуда руды и развивающиеся мощности Табашарского рудоуправления не могли удовлетворить потребности в уране. Очень кстати оказалась находка наших

специалистов-атомщиков. В небольшом городке в ГДР, вблизи американской базы, нашли бочки с ураном-238. 100 тонн из этой находки и помогли обеспечить запуск первого промышленного атомного реактора в 1949 году. По заявлению Игоря Васильевича Курчатова, без немецкого урана его пуск состоялся бы через год.

Темпы роста мощностей уранодобывающей промышленности в СССР были настолько велики, что на складах к 1991 году находилось около 200 тысяч тонн урана. В то же время хранимые запасы остальных стран мира составляли порядка 150 тысяч тонн. Было построено восемь комбинатов, занимающихся добычей урановых руд и их обогащением.

Реформаторы, видимо, многого не знали или не понимали что делали, а может, выполняли чей-то заказ. Близко к сердцу все это он принимал и раздражался любому разговору, идущему в противовес его мнению. Он не понимал тех, кто еще недавно разделял с ним убеждения, а тут вдруг побежал в капитализм и еще обосновывал его правильность и нужность стране. Гневом и матом раздражался на таких Константин Николаевич и обрывал с ними всякие контакты. Круг общения сужался, и он в раздражении начинал вредить «новым русским» по мелочам. Он возглавлял крупный строительный концерн, и были средства, чтобы их руководитель ездил на престижной иномарке. А он принципиально держался за автомашину «Волга» и на дачу в Обнинск ездил всегда в левом ряду, задерживая движение быстроходных машин и лихих водителей. Он не реагировал ни на какие сигналы, ни на угрозы. Уперто продолжал занимать левый ряд и ехал, никуда не торопясь. Близким людям иногда откровенничал раздраженно, что не понимает меняющийся мир и людей. Случись сегодня такое чернобыльское несчастье, кто же стал бы спасать страну, коль люди озабочены только прибылью... Почему моей машине уготован правый ряд, в котором ходят трактора да грузовики. Моя машина - лучшая из отечественных, и к ней надо питать уважение, коль живешь в своем отечестве... Чего выпендриваться скоростями, нарушая правила? Хрен им, чтобы уступил дорогу! Не запугают! И он показывал свой кулачище, о котором Юрий предупреждающе остерегал автора, когда тот умыкнул у него с шахматной доски ладью в надежде, что запутает его игру вслепую.

Не Чернобыль винил он в своей болезни, не всемогущую радиацию, а перевернувшийся мир, в котором не находил себе места, и не ощущал прежней своей востребованности и полезности. А тут еще Юрий заболел, и пришлось устраивать ему консультацию на Каширке, а потом и у Цыба А.Ф.¹⁸, решать, чтобы забрал к себе в онкологический центр. С душевной тревогой и волнением, озабоченно он думал о друге. Ему лично повезло по жизни, что они с Валентином столько лет прошли рядом и не дали ни малейшего повода усомниться в искренности их дружеских отношений. Валентин - редкой порядочности человек и делу был всегда предан до самозабвения. Волевой, спокойный, терпеливый, доброжелательный к людям. На редкость грамотный и опытный специалист! Таких, видимо, теперь встретишь только на больничной койке! Уходят они, надежные, а на смену кто им приходит?.. Ответ быстро найдется, коль посидишь с часик у телевизора, но не хотелось ему об этом думать. Состояние Валентина его очень беспокоило, слишком дорог он ему и в душе занимал немалое место. Непросто лишиться такого друга. Он забеспокоился о нем и интуитивно

¹⁸ Цыб А.Ф. – начальник онкологического центра в г.Обнинске

почувствовал, еще хорошо не осознавая, свою вину перед ним. Он его направил в Чернобыль первым, не справившись о его здоровье и о семье. Самого волновали тогда только интересы дела, хотя ему нетрудно было подобрать другую кандидатуру. Но он ни в ком не был так уверен, как в Валентине!

И вот пришла расплата за его бездушный эгоизм, ему сообщили о безнадежном состоянии Юрина. У него словно оборвалось что внутри, и горечь заполнила грудь, ему волком хотелось выть, и он поторопился поехать на встречу с Валентином. Ему не терпелось оправдаться перед другом и снять с души камень, тяжесть которого ощутил после получения неприятных известий об Юрине. Он принял на себя вину за его болезнь и почувствовал необходимость оправдаться перед ним и снять с себя грех. Валя его всегда понимал, и он надеялся на великодушие друга. Его предупредили, что Юрин никого не принимал, никого не хотел видеть кроме жены, и всем отказывал в свидании. Но не переубедить и не уговорить Константина Николаевича, если что втемяшит себе в голову. Никаких доводов не принимал, и, чем убедительнее слышались аргументы вопреки его задумке, тем раздражительнее становился и стоял непреклонно на своем. Узнав о состоянии Юрина, тотчас стал собираться в больницу. Мимо ушей пропустил разговор, что к нему не пускают посторонних и он ни с кем не хочет видаться, даже с дочкой и внучкой. Константин Николаевич не принял никаких доводов против своей поездки, он всем своим существом потянулся к другу и заспешил к нему, боясь опоздать. Он был на даче, а от нее до онкологического центра двадцать минут езды на машине. Ему не терпелось увидеться со своим другом Валей, как бывало, неторопливо пообщаться с ним.

Торопился Константин Николаевич в больницу и гнал машину с необычной для него скоростью. За ним подобные гонки не наблюдались, но он был нетерпелив в своем желании встречи. Ему хотелось побыстрее увидеть Валу, обнять доброго друга, пожать его большую руку, такую же сильную, как у него, заглянуть в его все понимающие добрые глаза и увидеть на лице располагающую улыбку...

Фамилию Москвина в городе хорошо знали, и ему не было никаких преград попасть в палату Юрина. И его ожидания были не напрасны, только лечащий врач попросил время на подготовку больного к встрече. «Видимо, какие-то уколы сделают, чтобы спокойнее воспринял его приезд, а может, и наркотиками обезболивающими напичкают», - беспокоило подумал Константин Николаевич, удобно устроившись в кресле. А тут некстати вспомнил о своей болезни, и едкая мысль засела в нем: «Вылечить человека врачам не по зубам, а вот тонус на полчаса в нем поднять еще способны! И за это им спасибо!»

Узкая больничная палата его приятно удивила чистотой и Удобствами. Навстречу ему поднялась медсестра, уступая место у кровати больного. Машинально он ее поблагодарил, а сам испытывающе смотрел на Юрина. Его шокировал вид друга, от прежнего Вали остались кожа да кости. Изможден он был болезнью и весь похудел. На лице застыла вымученная улыбка, некое подобие его прежней доброжелательной. Глаза лишь были узнаваемы в радостном приветливом блеске. Тепло поздоровались, Константин Николаевич положил руку на его скрещенные, лежащие одна на другой и слегка их пожал в дружеском приветствии. Он видел в постели другого человека, приблизительно схожего с Юриным, и у него горечью схватило сердце и комок жалости подкатил к горлу. Ему желательно было выглядеть перед другом бодрячком, а тут он сам готов уже раскваситься и уронить непрошенные слезы. Не думал он увидеть в

таком виде Валю и не подготовился к встрече. Сглатывал натужно непрошенный комок в горле и еле сдерживал себя от слез. Тягостное молчание нарушил Юрин:

- Видишь, Костя, каким стал... ты-то как?

Редко позволял он себе звать Москвина по имени, бывало это у них только на рыбалке или охоте. Обычно Валентин строго держал дистанцию и не фамильярничал и не потому, что Москвин этому противился. Наоборот, тот порой раздражался из-за этого, ругался, особенно за выканье. Но уж так был воспитан Юрин и не мог перейти запретную ему черту, коль имел такое уважение к человеку.

- Тоже ничего хорошего... сахарный диабет замучил, - ответил он, сглотнув комок в горле, мешающий ему спокойно без волнения говорить. Он не скрыл правды о своем здоровье, словно хотел разделить с ним участь больного человека.

- Плохо... лечиться надо, - сиплым голосом говорил Юрин, слабый он у него был, но мысли его одолевали и он продолжил: - знаешь, Костя.., не выходит из памяти та лошадь у Лелёва, помнишь?

- Валя, с чего бы это она к тебе прилепилась, - удивился Константин Николаевич.

- Участь наша с ней одинаковая... после Чернобыля... одиночество, заброшенность, обуза для людей... каждый тебя сторонится, как прокаженного.

Грустно, тихо и медленно говорил Валентин, растягивая слова, словно жалостливой интонацией голоса взывал к состраданию и сочувствию его доле.

Выкинь дурь из головы! - в обычной манере, грубовато выговорил Москвин. Ему хотелось показать, что не так все безнадежно, и пусть почувствует привычные интонации его голоса. Может, это вселит в него еще надежду и поднимет немного настроение. А Валентин не внял другу, он настойчиво продолжал развивать свои мысли. Ему хотелось выговориться и облегчить душу от беспокойно въедливых дум.

- Помнишь, Костя, я подошел к ней и дал ей хлеба... ты еще отругал меня, помнишь?

- Запоматовал... а отругать мог, знаешь, у меня не заржавеет! - раскаянно усмехнулся Константин Николаевич, хорошо помня ту лошадь и участливость Юрина к ней. Но ему хотелось отвлечь его от навязчивых мыслей, поэтому он уходил от прямого разговора о ней. - Мы же определяли координаты бетонных заводов? Заросшее бурьяном поле фонило, дай боже! Так?

Не принял Юрин отвлекающего маневра Москвина и настойчиво продолжил о своем:

- Ты же шумел на меня, а я глянул ей в глаза и оторопел от все понимающего взгляда... скотина жалостливо прощалась с человеком... она не взывала к его помощи, видимо, понимала его бессилие... Она знала о своей участи без людей и прощалась.

- А ты чего всех гонишь от себя и никого не хочешь видеть? Коль участь у вас одинаковая, - безжалостно выговорил Москвин, стараясь все-таки свернуть в иное русло их разговор. Задумчиво углубился в себя Юрин от вопроса. Он не хотел оправдываться, но и не имел желания скрывать от него своего отношения. Выходя из глубокого забытья, он тяжело вздохнул и ответил сожалеючи:

- По обязанности люди ищут встречи с больным, просто хотят отметить, и вроде груз с плеч... а мне это в тягость, хочется обычного душевного общения... облегчить голову от мыслей хочется, а не видеть скорбь на лицах и их желание побыстрее уйти... вот так-то.

- Валя, я только что узнал о тебе у Аркового - и сюда! Чем еще смогу помочь? - поспешил вывернуться Москвин и этим лишним раз напомнил Юрину, что он тоже по обязанности здесь. Валентин несколько замкнулся и сухо заметил:

- Ничем! Поздно уже, сам я виноват, что запустил болезнь, а за встречу спасибо.

Некую отчужденность почувствовал Константин Николаевич в словах Валентина и решился поговорить о своем:

- Знаешь, Валя, совестно мне перед тобой... точит душу вина, что тебя тогда послал в Чернобыль... прости, знал же, куда посылал.

Оживление и интерес появились на лице больного, и он повернулся к Москвину, пренебрежительно взмахнул рукой, едва подняв ее над постелью, и сказал снисходительно:

- Да ладно, Костя! Не мучайся! Чему быть, того не миновать. Поздно об этом говорить, да и кого бы ты смог послать вместо меня? Нужен был руководитель со знаниями и опытом работы. А много у тебя таких? Себя мог бы послать, да и только, не мучайся! Без проектов же строили, а если бы они были, то любой бы к месту оказался... знать, доля такая, как у той лошади... без всякой надежды!

Умолк Валентин, тяжело вздыхая, ему, видимо, уже было плохо, и он держался, чтобы выговориться. Передохнул и продолжил высказывать беспокойные свои мысли тихим сиплым голосом:

- Костя, ты тоже не долгожитель... займись своим здоровьем... наши гены мало уже что значат, на них слабая надежда.

По телу Москвина словно электрический разряд прошел от последних слов Валентина. Они тягостно легли ему на сердце, беспокойно стало ему вдвойне, за себя и за Валю. Неужели и ему уготована такая же участь... как той бесхозной лошади.

- Валя, держись! Ты еще нужен! Я чем могу помогу! Без тебя я буду словно подранок... слышишь, Валя, - повысил голос Константин Николаевич, видя потухший взгляд друга, - подра-анок! Они же долго не живут!

- Все мы подранки той аварии, такая уж наша участь, - отрешенно выдавил из себя Валентин потухшим голосом, едва слышно произнеся последнее слово. Видимо заканчивалось действие принятого препарата. Побледнело его лицо, испарина бусинками покрыла лоб, и он впал в протрацию, слабо реагируя на его слова. Вовремя появилась заботливая медсестра и поторопила Константина Николаевича к выходу, а сама занялась больным. Но тут Валентин весь напрягся, тело с одеялом чуть поднялось над кроватью словно в конвульсии, и шепотом что-то сказал медсестре. А та вслед уходящему Москвину передала услышанное:

- Больной просит, чтобы больше не приходили.

В растерянности остановился Константин Николаевич у открытой двери, нерешительно потоптался, оглянувшись на отрешенное лицо Валентина, и понял, что любые слова уже бесполезны и он его видит в последний раз. Скупые слезы непрошенно скатились по щеке и застлали ему глаза.словно в тумане вышел из палаты и устало опустился в кресло, в котором только что ожидал их встречи. Закрыв крупными ладонями лицо и, еле сдерживая рыдания, беззвучно плакал. Впервые в жизни он так раскис, не хватало в нем силы воли сдерживаться, и он не замечал людей, бросающих на него любопытствующие взгляды, а тихо оплакивал друга. Он понимал, что если не дать воли слезам, то ничего кроме вреда, себе не принесет, и может еще хватить кондрашка! Только этого ему еще не хватало! И скупое текло у него слезы горечи, скорби и отчаяния, но не раскаяния! Горечь, скорбь и отчаяние! А о раскаянии ему и не думалось, он же свято верил власти, партии, идеалам и честно выполнял свой долг, не щадя себя

и других. А иначе не мог мыслить и поступать, он же был продуктом своего времени.

Послесловие

Скупы были сведения о жизни наших героев. Хотелось автору собрать больше материала, но их близкие отличались скромностью и не проявили интереса. «Хватит того, что написано», - вот их логика ответа, и другого не принимали. А об этих руководителях ничего не написано, встречаются лишь редкие упоминания в публицистике на чернобыльские темы. Истина их отношения видимо в не проходящей душевной боли и горечи потери родного человека. Об этом непросто говорить без слез и переживаний. Это же все равно, что вновь прожить свою с ним жизнь, хорошо зная ее финал. А нервам и слабому сердцу пожилого человека не выдержать такой перегрузки. Поэтому автор особо не проявлял настойчивость, тем более, что близкие Юрина вообще не нашлись. Их обнинский телефон упорно молчал и не отвечал на звонки. Пришлось автору пообщаться с людьми, хорошо знающими их, и с документами кадровиков. Поднапряг свою память и вытаскивал из ее закоулков сведения и впечатления от общения в период совместной работы.

О таких людях нельзя забывать! Пройдут какие-нибудь два-три десятка лет и не вспомнят, забудут, и быльем порастет память о них. А они достоверность своего времени!

Это они прочно и надежно возводили «Укрытие», пряча в его недрах отходы и остатки радиационной катастрофы. И гарантийный срок ему отвели немалый - 30 лет! Строители оградили мир от радиационного загрязнения планеты и не дали ему возможности распространиться. Параллельно с ликвидацией последствий аварии ими обеспечивался пуск оставшихся трех реакторов на их проектную мощность. Живи и радуйся, Украина, благодари тех, кто самоотверженно делал эту работу, и обеспечь будущее «Укрытия».

Но правители страны покусились на легкие деньги Запада и в расчете на их обещания остановили действующие реакторы. Похоже, ЧАЭС с 30-километровой зоной становится испытательным полигоном для ученых Запада, местом возможного захоронения ядерных отходов и целью экстремальных туристических путешествий. А гарантийное время истекает, и надо принимать меры по «Укрытию» четвертого блока. Украина приняла западный дорогостоящий проект создания «шатра», отвергнув более дешевые и надежные российские предложения, срок строительства которых определялся в 3-5 лет. Это должна быть своеобразная пирамида XXI века и могла бы простоять более 100 лет. Построить ее возможно без западных кредитов, на ресурсы России и Украины.

А пока суть да дело, расцвел туристический бизнес. Пользуясь неразберихой в законах, украинские фирмы водят туристов на станцию, и от любителей такого экстрима не отбиться.

В 2002 году ООН предложило Украине сделать из ЧАЭС туристический объект. Но международная организация опоздала со своим предложением как минимум лет на пять.

В самом Чернобыле ничего не менялось, город все так же заброшен и неухожен. Единственные жители в домах - командировочный обслуживающий персонал зоны порядка трех тысяч человек. Одно двухэтажное здание построено было в начале тысячелетия для государственного агентства «Чернобыльинтеринформ», работники которого занимаются встречей официальных делегаций и туристов.

В начале века французы построили хранилище для отработанного ядерного топлива силами украинских рабочих и на украинские деньги, а американцы уже на свои деньги построили котельную по своему проекту.

При въезде на территорию ЧАЭС стоит тоже двухэтажное здание, как в Чернобыле, для пресс-службы «Саркофага». В здании на втором этаже смотровая площадка с видом на «Укрытие», а на первом развеваются флаги стран, выделивших деньги Украине на закрытие ЧАЭС и строительство нового «шатра». Флага России там нет!

Люди в отчужденной зоне проживали во все времена, и по этому поводу ходит шутка, что к ним следует обращаться с приставкой, свидетельствующей об их высоком положении. При проживании в 20 км от места аварии - «фон», в 10 км - «Ваша светлость», в 5 км - «Ваше сиятельство». Хорошо, что люди шутят и улыбаются. Но нельзя зло шутить над несчастьем простых людей, которых жизнь загнала в гетто радиации. Вряд ли смеялись бы над таким анекдотом Юрин, Москвин и вообще ликвидаторы, безвременно ушедшие в иной мир. Не затем они отдавали свое здоровье и жизнь и не для того, чтобы европейцы пришли хозяйничать на землю наших предков. Беречь надо свою историческую память, хотя она и не приносит сиюминутной прибыли. Но она поможет воспитать такое нравственное поколение, ценность которого не исчислишь никакими «сребрениками»!

ТОРОПИЛСЯ ЖИТЬ!

Неумолимо, бездушно сбрасывает календарь свои листки и люди спешат за временем, пытаясь догнать, успеть! Но почему-то всегда опаздывают, не получается у них, не успевают, не укладываются в сроки, откладывая дела на потом.

По своей неугомонной натуре и при страсти, желании объять необъятное и одновременно делать многое Володя просто никогда не ощущал себя в настоящем. Он вопреки другим, будто наоборот, опережал время и жил в счет будущего, неугомонным он был, весь в порывах и стремлениях. Хорошо знал Володя о возрастных периодах жизни человека, что у них узкие рамки. Не считая грудного возраста, детство длилось до 12 лет, подростковый - до 16 лет, юношеский - до 21 года, молодость - до 35 лет, зрелость - до 60 лет, пожилой возраст - до 75 лет, старость - до 90 лет, только потом следовали долгожители. Ему папа, хирург по профессии, рассказывая об этом, одновременно внушал, что устойчивая нервная система, воздержанность позволяют человеку надеяться, что проживет все периоды жизни и станет долгожителем!

Володя внимательно и уважительно прислушивался к отцу, но в душе был уверен, более того, убежден, что фундаментальные законы науки о геронтологии не для него писаны. Он вечен! Его тренированный и могучий от природы организм не подвержен болезням и не подлежит износу! Самоуверенным он был человеком во всем! Такой уж он, и что поделаешь? При том был уверен, что он прямо из детства скакнул в свою зрелость. По своему неугомонному характеру, энергетике действий и неуправляемости поступков он был сродни царю-реформатору Петру I. Масштабы только иные, но подходы одинаковые. Тот брался за любое ремесло, чтобы испробовать себя и удовлетворить свою душу - железо ковал, для кораблей заготовки из леса рубил, зубы людям выдирал. Ну и что, если ошибался и здоровый рвал? Зато сам процесс ему был интересен! Подобно ему, Володя

хватался за любое дело, лишь бы оно его увлекало самим процессом. Помял в аварии кузов машины - сам восстановил! Будет он еще в очереди стоять к «кузовщикам»! Притом так намастырился ремонтировать, что уже к нему очередь образовалась. Он помогал восстанавливать кузова, пока не понял, что им просто бесплатно пользуются и нещадно эксплуатируют.

А тут увлекла его нелегкая заняться рационализацией. Мало того, что его предложения облегчали процесс работы, сокращали их объемы, так они позволяли перевыполнять план и получать немалые премии. Его увлекающаяся натура заставляла в любой конструкции, здании, сооружении видеть и распознавать иные подходы и получать выгоду. Он не только сам этим занимался, но увлек за собой и друзей. А кто бы отказался от лишних денег?

Володя по природе своей с детства был максималистом. Если уж что он вытворял, так по полной программе и чтобы долго об этом помнили и говорили. На сэкономленные карманные деньги купил он себе десять пачек сливочного мороженого по 200 граммов каждая, сложил их в блюдо, демонстративно ложкой помешал и стал аппетитно есть. Увидела бабушка проказливого внука с полным блюдом, на котором горкой высилось холодное яство, и ну причитать:

- Да что же ты делаешь... заболеешь, что матери скажу... остановись, потом доешь!

- А чё будет? - посмеивался внук и смачно лопал мороженое, набивая ложкой полный рот.

- Заболеешь... - чуть ли не плакала бабушка, увещевая внука не есть много холодного. А он посмеивался, подшучивал над сердобольной бабушкой и напоказ жадно ел, а для успокоения молвил ей:

- Не бойсь! Нормально будет.

Ничего не случилось с Володей, с него как с гуся вода, а вот бабушка заболела. Слегла она от простуды и пришлось ей лечить самой ангину, а Володя посмеивался над ней:

- Не учи ученого, поешь с моё мороженого!

И смеялся он над ней, довольный, расплывчатым своим гусиным гоготом, и тряслось его тело от самодовольства и чувства превосходства над бабушкой.

Подростком Володя увлекся велосипедом, поступил в спортивную секцию и преуспел. Иначе и не могло быть, честолюбивым он был с детства и у него всегда получалось лучше чем у других. Чувство соперничества и амбиции в нем были неотъемлемой частью его характера. А в двадцать лет уже стал мастером спорта, призером многих соревнований на первенство страны и вошел в состав сборной Союза. Много он поездил с командой на учебные сборы, на тренировки, немало поучаствовал в спортивных турнирах и набрался спортивных впечатлений к двадцати пяти годам. Спал в нем спортивный азарт, и остепенился Володя. Ко всему травма ноги помогла ему окончательно поставить крест на спортивной карьере! Угасли его желания, сник в нем азарт и несостоявшийся олимпийский чемпион утихомирил в себе велосипедные страсти. Оставил он в душе лишь приятные воспоминания от звездных спортивных лет.

Вытащил из ящика стола свой диплом инженера-строителя, повздыхал сожалеючи, что вынужден начинать новую жизнь и отправляться в неизведанное, отвергнутый от привычного. Помог ему устроиться с работой тесть Аляев Алексей Никифорович. Авторитетным человеком он был в Горьком, конструировал корабли на подводных крыльях и был известной личностью в городе. Помог он своему зятю, да Володя и сам выгодно воспринимался начальством и невольно вызывал к себе доверие - рослый, крепкого телосложения, с развитыми плечами и с непослушными колечками каштановых редких волос на голове, лицо

серьезное, мужественное, с крупными чертами. Смеялся обычно раскатисто, задорно и каким-то гогочущим смехом. Голос басовитый, с хрипотцой, и говорил он впечатляюще и убедительно. Серьезно смотрелся и внушительно.

Недолго он терялся в незнакомом ему строительном деле, быстро освоился. Благо голова хорошо работала и память ему во многом помогала. Трудился с азартом и не считался со временем. Карьерный рост его был стремительный. После Горького уехал на Мангышлак, строить завод по директивам XXIV съезда КПСС и оттуда после пяти лет работы уже главным инженером крупного Управления перевелся в Подмоскovie, вскорости стал начальником СМУ в Протвино. Поначалу ему интересно было работать на самостоятельной должности, и развернулся он с присущим ему размахом. Выполнялись планы работ, и показатели радовали людей, потому что за ними стояли их премии и поощрения. Володя полнился самодовольством, командный голос окреп и уже зычно он гремел на стройплощадках. В самом пике своей строительной популярности он впал в прострацию. Ему вдруг все обрыдло, и он бросил престижное жилье, хорошую работу, зеленый город под боком у столицы и уехал работать в Лесосибирск главным инженером треста. Привычная его манера работать с отдачей и азартно привела в кресло управляющего трестом. Масштабное поле деятельности радовало его до поры до времени. Напряженно он сам работал и других вкалывать заставлял. Днями и ночами пропадал на объектах и отдыхать себе позволял не более четырех-пяти часов, чем немало удивлял своих подчиненных и начальство.

Горбачевские реформы конца восьмидесятых годов расшатывали экономику и зазывали сладкими посулами в частный бизнес. Володя не устоял от соблазна, и его несколько авантюрная натура потащила к большим деньгам в частный бизнес. Он быстро нащупал нишу своих интересов, нюхом почувствовал прибыльное дело. Лагеря заключенных в крае перестали получать деньги за лесоразработки и переработку древесины в пиломатериалы. Пошли громадные перебои в снабжении продовольствием, и обстановка в лагерях накалилась недовольством. Назревали голодные бунты заключенных. Володя поехал в столицу прозондировать потребности в лесе и пиловочнике, а потом поехал на Украину и там нашел своих потребителей продукции и поставщиков продовольствия. В то время практиковались уже взаиморасчеты по бартеру и он вагонами гнал из Сибири пиловочник и шпалы для полотна железных дорог, а из Украины направлял цистерны с подсолнечным маслом и вагоны с мукой, крупами, картошкой. И полнился Володя восторгом от торгашеской работы и восхищенно делился:

- Удивительное состояние... отправляешь вагоны, цистерны и контролируешь по всему Советскому Союзу свои грузы, словно диспетчерский центр МПС, и голова как... счетная машинка отсчитывает прибыль, и тут же возникают новые планы куда что вкладывать... захватывающее состояние!

- Эх, Володя! Ты же строитель от Бога. И чего тебя потянуло в торговлю? - озабоченно спрашивали его друзья и поражались логике его пояснений:

- Проще-есть! - значительно выговаривал Володя. - Процесс! А не деньги! Они всегда у меня были и во все времена. А вот такого чувства наслаждения, удовольствия я еще не испытывал!

Быстро приелся Володе этот «процесс», охладел он враз к торговле, передал свои связи подчиненным и покинул Сибирь.

Но на это были уже иные, можно сказать, его личные причины. Неугомонный он был во всем, в каждой привлекательной женщине видел предмет обожания и восторга. И при этом научно оправдывал свое поведение, рассказывая о том, что

ему провели магнитно-резонансное сканирование мозга, и оно показало, что одно только созерцание красивой женщины, даже на фотографии, вызывало у него реакцию удовольствия, которая была сродни реакции мозга человека на вкусную пищу или напиток.

- А ты не интересовался у науки, на сколько женщин тебя хватит, если за каждой юбкой будешь бегать? - ехидничала в раздражении его жена Татьяна при такой откровенности мужа. А он в ответ лишь похотывал своим гортанным смехом и участливо ей пояснял, что одно дело - смотреть на чужих и иное дело - любить свою... единственную, неповторимую. И тут он рассыпался мелким бисером перед женой, уверяя ее в своей верности. Распинался он ей в своих чувствах, не стесняясь чужих. Артист! Татьяна знала о его влюбчивости, но прощала и многое ему позволяла!

Они вместе с раннего детства, совместно учились в школе и там же влюбились и не мыслили жизни друг без друга. Едва исполнилось восемнадцать лет, сыграли свадьбу, а вскорости у них родилась чудесная дочка Ирина. Тут уже обоюднo они торопили свое время, боясь потерять друг друга в институтских тусовках. Они жили вместе одной семьей, но интересы по жизни почему-то очень разнились. Его неугомонная увлекающаяся натура часто забывала о семье и вольно себя вела, не чувствуя за собой никаких обязательств и ограничений. А у Татьяны свое увлечение было. Она любила шахматы, хорошо играла и вечерами часто пропадала за любимым занятием в кругу единомышленников. Из-за этого Володя злился на нее, часто упрекал, выговаривал, но ее характер был упрямый, под стать мужу. А их дочка воспитывалась бабушками и не обременяла родителей заботами с ней. Поэтому квартира у них была просто гостиницей, без особых удобств и без домашнего уюта. Не было в ней тепла, не манила она хозяев удобствами и уютом, и не соблазняла сердечной атмосферой дома. Сам о себе порой заботился Володя, не обихаживала его жена, считала, что он навечно к ней привязан.

Неожиданно вспыхнули у него чувства к уютненькой Луизе, их соседке. Хоть она и постарше, но влекла она его к себе. В ее квартире была какая-то атмосфера расслабленности, и ему хорошо в ней отдыхалось, пока ее муж был на работе. Двойная жизнь Луизе вскорости надоела, и она развелась с мужем и уехала к брату на Урал. Остался Володя наедине со своими несбывшимися желаниями, и память о восхитительном времени с Луизой не оставляла его в покое. Володя, верный себе, неожиданно принял решение все бросить и поехать к Луизе. Ничего он не сказал Татьяне, тихим сапом решил от нее уехать, улизнуть! В обед собрал вещички в чемоданы и пошел из дома, а навстречу ему Татьяна. Никогда в это время не появлялась дома, а тут она интуитивно, каким-то чувством ощутила потребность заглянуть домой, а навстречу по лестнице ей муж с чемоданами:

- Куда это ты собрался? - спросила она подозрительно. Предполагала она возможность их развода. Холодными стали в последние годы их отношения, не зажигала она чувствами Володьку, и он ей поднадоел порядочно своими увлечениями. Но вот увидела его с чемоданами и ёкнуло сердце, повлажнили глаза и оборвалось что-то привычное внутри.

- Уезжаю, - глухо произнес он в ответ, пряча от нее свои глаза, не останавливаясь.

- А чего же скрытно? Только вор так бежит, чувствуя за собой расплату, - не унималась Татьяна, острая на язычок, и пошла с ним по лестнице, проводить его из подъезда.

- Надоело... все надоело! - отрешенно говорил он и не слышался его привычный бодрый голос. Так и не взглянул он Татьяне в глаза, и она долго смотрела ему вслед, потихоньку утирая слезы с глаз.

По пути к Луизе он узнал, что брат ее перетянул в Славутич на ЧАЭС, и она у строителей уже работала главным бухгалтером. Иного ему не оставалось, как поехать вслед за ней! А в Чернобыле к этому времени была организована «Экспедиция» при ИАЭ им. Курчатова, его родного Минсредмаша. Он нашел нужные каналы связи, и его приняли главным инженером, фактически он был вторым лицом в руководстве. А возглавлял «Экспедицию» опытный строитель атомных станций и добрейшей души человек Лев Михайлович Лапшин. И Володя пришелся ко двору со своей головой и с неумным и азартным характером.

«Экспедиция» была преемницей знаменитого УС-605, построившего «Саркофаг», и на нее смотрели прежними глазами, предполагая большие потенциальные возможности организации. И немалые стояли перед ней задачи: укрепление несущих конструкций перекрытия деаэрационной, обеспечение безопасных условий научных наблюдений и контроля за развалившимся реактором, дезактивация высоких фонов и демонтаж оборудования.

Руководителям ЧАЭС долгое время не давали покоя турбины четвертого блока. Они стояли целыми и невредимыми, их остановили операторы по штатному регламенту. А турбины первых двух блоков изнашивали своей ресурс, и нужно было их капитально ремонтировать или заменять. Требовались большие капиталовложения, а их негде было взять. Авария на ЧАЭС поглотила громадные суммы, от этого невыносимо стало даже бюджету такой большой страны, как СССР.

А тут рядом, на другом конце огромного машзала всех четырех реакторов, ожидали своей востребованности целехонькие турбины. Только вот с какого боку подойти, чтобы, не разбирая, их водрузить на место? Много роилось вариантов, но не было среди них такого, чтобы произвести демонтаж и их транспортировку к месту монтажа без разборки. Володя зажегся проблемой, долго лазил по машзалу, выверял высоты электрических линий и подготовил сумасбродный проект. По другому его никто и не воспринял. Но его напористость и убедительный голос заставили всех внимательно взглянуть на разработанный им проект.

Подачу турбин он предложил производить по путям вдоль главного фасада машзала. Но он был опутан линиями электропередач от турбин к распределительной подстанции высокого напряжения. Володя предложил опустить уровень земли на 60-80 см, и уложить на шпалах железнодорожные рельсы, а по ним тросами от лебедки протащить турбину в сборе под линиями. Расчеты показали, что для этого высоты хватало при понижении уровня земли! В конце концов приняли его вариант и поручили Володе претворить в жизнь свой проект. Сомневающихся в его аванюре было много, да и как не усомниться? Протащить такие махины под действующими линиями высокого напряжения, прогиб которых не подлежал никаким замерам и расчетам. За такое может браться только рискованный человек... или авантюрист.

Любопытствующей публики собралось много, интересно было людям посмотреть на уникальную операцию строителей. Нечасто такое увидишь! И когда первая турбина медленно поползла вдоль фасада по путям, передвигаемая невидимыми публике тросами, раздались аплодисменты, и Володя опешил от их шума. А поняв происходящее, натянул на лицо приветливую улыбку и изящно раскланялся, чем вызвал еще больший шквал аплодисментов. Все-таки он был

сыном своей матери, именитой артистки. Под овации он и заканчивал свою операцию с турбинами.

В Славутиче Володя поженился с Луизой, получили они двухкомнатную квартиру и обставили ее мебелью. Но у них была еще одна комната без окон, так называемая «каминная», где можно было поджарить шашлычок и уютно посидеть с друзьями за рюмашкой водочки, а может, и с женой. Но Володю всюду нагоняли искушения, вводили они его в грех, и он с удовольствием ему предавался. Приехал к ним с Урала, по рекомендации знакомых Луизы, мужчина, занимающийся «дьявольскими штучками». Так определял его действия Володя, а тот чтит себя экстрасенсом. В разговорах он напускал столько мистического тумана, что Володя не мог остаться равнодушным и стал на нем проверять своих знакомых. Устроил его жить в каминном зале и вечерами пропадал с ним в беседах, слушая его галиматью о тонких мирах, о черной энергии, о порче... И Володя зачарованно его слушал под рюмочку водочки и балдел от эксклюзивной информации. А днем, пока они с Луизой были на работе, «экстрасенс» принимал доверчивых людей и впаривал им мозги по полной, и ему платили немалые деньги.

Володя, как спичка, зажигался в момент, недолго горел и часто затухал раньше времени. Надоев ему «эксклюзивный экстрасенс», выгнал его из дома, а вскорости охладел он и к «Экспедиции». Луиза к этому времени бросила свою работу бухгалтером, в Славутиче приобрела магазин и не один, зажгла Володю перспективой их коммерческой деятельности. Не торговцем он будет, не продавцом, а коммерсантом. Понравилась ему новая форма названия той же торговли. Особенно его захватила возможность ездить за рубеж за товаром, и там он себе открывал уже иной мир. Успешно пошла торговля с его приходом, по крупному они с Луизой разворачивали свое предпринимательство, и пошли немалые деньги ... Но вскорости охладел Володя ко всему и особенно к Луизе, к этой ласковой тихоне с акульными зубами. На скорую руку поделили нажитое, и возвратился он в Лесосибирск. Некуда было ему ехать, тлела надежда на Татьяну, но та уже переехала в Горький. Володя не стушевался и нашел себе молодую и изящную... Татьяну, которая впоследствии и стала его третьей женой. С ней он провел несколько привычных ему торговых операций, и решили они переехать в Протвино. Деньги у него были, и он хотел купить квартиру, а ему отказали. Никакие деньги не помогли, он был человеком без гражданства. Пока он работал и мотался по большой стране, в это время образовались на ее пространстве новые государственные образования со своими законами и конституциями. В России он не жил последние пять лет, обращаться к дочери было неудобно, и еще неизвестно, как она на него будет смотреть после такой просьбы. Первая жена и по телефону не хочет разговаривать, слыша его голос. Он не знал, что она захлебывалась слезами из-за него, потому и не получалось разговора.

Вся его надежда была на Луизу, и он рванул к ней, сухо она его приняла, а узнав причину приезда, категорически заявила:

- Нет моего согласия по новой с тобой идти в ЗАГС! Сойдемся, а потом на жилье претендовать будешь!

И как Володя ее ни просил, как ни умолял, бесполезно. Закусила она удила в своих обидах на него, не могла она перенести его безразличия к ней. Она все еще мнила себя красивой женщиной, а было ей уже под шестьдесят. И она не могла или не хотела на себя критично посмотреть со стороны и помочь тому, которого недавно еще так любила. Не помогла!

Ни с чем возвратился Володя в Протвино, и одному ему известно было, через что он прошел и сколько заплатил, чтобы восстановить свое законное российское гражданство. Купил он трехкомнатную квартиру, нанял фирму, чтобы сделали по его чертежам евроремонт, а сам укатил к своей новой любимой - Татьяне. По истечении двух лет не выдержал темпов реконструкции квартиры и возвратился в Протвино. Засучил рукава, подобрал себе помощников и за два месяца привел квартиру в нужный порядок. В красивых апартаментах он принял свою жену с взрослой дочкой. Домашнее тепло и уют, о котором мечтал столько лет и к которому он так стремился, наконец-то почувствовал. Блаженствовала его душа в окружении красивой жены и изящной её дочки. Не задерживался он нигде, торопился домой к непривычному душевному теплу. Он налаживал уже новый бизнес - по пиломатериалам и изделиям. Купил колхозные склады под цеха, приобрел распиловочные линии, станки для столярных изделий, нанял рабочих и наладил выпуск изделий.

Володя остепенился, никуда не торопился, размягчился душой и посчитал, что наконец ему воздано за все его мытарства, за его труды и дела. Он был любим и сам любил! И наслаждался необычно тихой, спокойной жизнью и радовался за себя и за жену.

Но у судьбы свои законы, и они не всегда нас радуют, а больше огорчают своей неотвратимостью. И в самое светлое, безмятежное время для Володи, когда он летал на крыльях от своего счастья и блаженствовал в кругу любимых, неожиданно случилась трагедия.

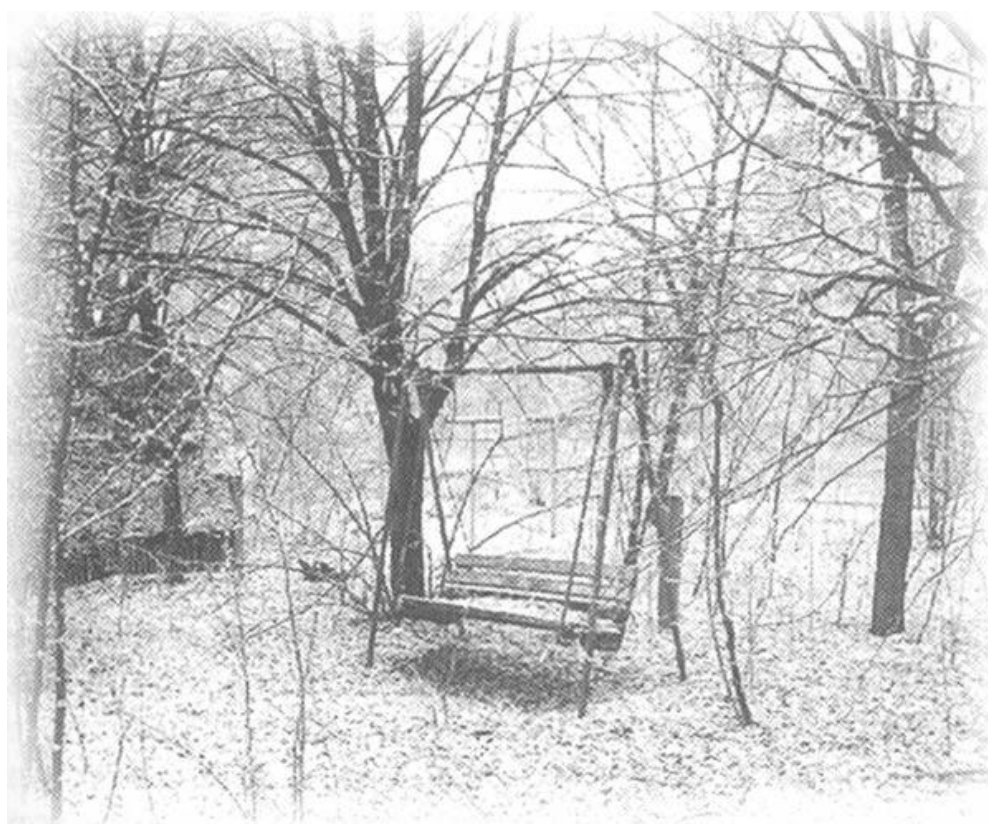
День строителя, празднующийся во второе воскресенье августа, был для Володи святым днем. Он считал себя строителем и всегда это подчеркивал и гордился. Накануне этого праздника приехали к ним из Сибири гости. Шумно и весело отметили встречу и праздник, а утром Володе нужно было всех гостей везти в аэропорт. Поэтому он воздержался от активного участия в застолье и спозаранку на велосипеде поехал в гараж за машиной. И представить невозможно такое, чтобы мастер велоспорта угодил под машину в святой для него день - в Праздник строителя! Погиб он 12 августа 2001 года без мучений, не приходя в сознание. Нелогичный финал такой яркой жизни, но что поделаешь? Он ушел из жизни ровно через год после смерти своей матери - Ирины Евгеньевны Поповой, 1924 года рождения, артистки театра города Петрозаводска. Она умерла 10 августа 2000 года. И двадцать первый век, начиная с нее, черной и трагичной полосой пошел по Володе и его близким. Мистические события сопровождали их, и трудно было осмыслить печальную и горькую закономерность и взаимосвязь.

Трагически погиб Володя в День строителя на велосипеде, на котором он ездил не дальше как от дома до гаража. Ему исполнилось 57 лет! У Володи был друг детства - Женька, Евгений Алексеевич Аляев, брат первой жены Татьяны. Их жизнь была богата на события, они вместе росли и учились. Оба одинаково бойкие, запыленные, своенравные и выступали на одной стороне баррикад в конфликтах со строгим и крутым тестем - отцом Алексеем Никифоровичем. Его личность была неординарная. Одно то, что он возглавлял крупное конструкторское бюро по разработке судов на подводных крыльях, уже много значило. Сейчас привычно плавать на таких судах, а тогда они только-только разрабатывались.

В 2004 году трагически погибает Евгений Алексеевич. Жалела престарелых родителей Татьяна и не сообщила им правду о случившемся. Под любыми предлогами ее скрывала и уходила от разговоров о нем. Эту тайну блюла она целых два года!

Алексей Никифорович, 1913 года рождения, и его жена Татьяна Георгиевна 1918 года рождения, - оба умерли в один день с разницей в два-три часа - 11 апреля 2006 года.

На этом несчастья не заканчиваются. Первая жена - Татьяна Аляева умерла в том же 2006 году... 12 августа, в день смерти Володи, с разницей в пять лет. Её чувства к своему беспутному, но единственному мужу были настолько крепкими, что она после развода даже не мыслила о других мужчинах. В одиночестве она ушла из жизни, свято выполнив свой дочерний долг. А датой своей смерти она словно подчеркнула неразорванную связь с Володиной на ином уровне, нежели брачное свидетельство. Оба они будто подвели итог непростой и суматошной жизни двух поколений и освободили пространство для долгой и длинной дороги их дочери и внукам. Они оба торопились жить, и особенно Володя!

ЛЮБОВЬЮ НЕ ШУТЯТ!

Надрывно зазвонил будильник, Сергей спросонья протянул к нему руку и машинально его выключил. Припозднились они с женой отойти ко сну, хлопотными оказались его сборы в чернобыльскую командировку. Особо ему и нечего было брать с собой, но саквояж упаковал под завязку. Жена вроде не расстроилась из-за такой его поездки, лишь необычно говорливой была весь вечер, будто хотела с ним наговорится или выговориться после стольких лет молчания и растопить внутри себя обычную сухость и немногословность. О чем вела разговоры, и не вспомнить, так обо всем и ни о чем, а время протянула, и отдохнул он всего четыре часа. Сам же не волновался от предстоящей командировки, но видимо тронула душу опасная неизвестность, и его всю ночь мучили кошмары. Не отдохнул он, хотя бы еще полчаса подремать, но резкий голос жены не оставил ему даже слабой надежды, оборвал его сон.

- Вставай, соня!.. Вставай! - командирский у нее голос, но иного ей не дано. Сергей проворно поднялся и, сидя на кровати, обратился к жене:

- Алла, дурной какой-то сон меня всю ночь преследовал.

- Что в голове, то и во сне! - знаяще пояснила она, но любопытство у нее уже взяло верх. - Поделись, уж у матери обсудим его.

- В деревне вора прихватил в доме, тот бежать, я за ним... а ты напугалась и залезла на крышу и зовешь соседей на помощь... никто тебя не слышит и вдруг... флюгер, за который держалась, обрывается и ты падаешь вниз.

Замолчал Сергей, выдерживая паузу. Он знал сварливый и гневный характер жены и ее привычку обвинять мужа во всех смертных грехах и несчастьях. Своим молчанием он нагнетал на нее интригу, и она аж покраснела от негодования.

- Что дальше-то? - нетерпеливо и зло выговорила жена.

- Не знал, что делать, тебе помогать или вора догонять, - и вновь примолк Сергей, с любопытством поглядывая на жену в ожидании ее реакции.

- Чего кота за хвост тянешь? Говори как было, - остановилась в нетерпении перед ним, набрасывая халат на ночную рубашку, - поди за вором побежал, а ты, жена, загибайся?

- Будильник разбудил, - усмехнулся Сергей и пояснил, - хотел досмотреть, а ты... вставай... Может, еще подремать?

- Глянь на часы! Как жене помочь, так все время некогда, валяйся, Алла, разбитая на земле, пока люди не помогут... живее собирайся, опоздаешь!

Категорична Алла с мужем в обращении, ей неведома логика в их разговоре и, тем более, уважение. Привыкла одеяло тянуть на себя и говорить, что на язык попало похуже, и не способна по-другому. Он уже притерпелся к ней и к ее тону привык. Не позволял себе переживать и принимать близко к сердцу или тратить на нее свои нервы. Всегда старался спокойно реагировать на ее взбалмошность и понимал, что ее уже не переделать, не перевоспитать, не исправить, если сама даже не задумывается об этом. Плоды от родного деревца недалеко падают, что получила по наследству от мамы, тем, видимо, и пользуется.

Жизнь в Чернобыле, на первый взгляд, больше походила на фронтовую своей неустроенностью и мимолетностью встреч и событий. Но если отбросить ликвидационные дела, связанные с аварией, то она сродни временам молодости в общежитийских комнатах. И темы разговоров - обычные, житейские, люди не боялись своей работы, не поднимались у них волосы дыбом, и не ползли мурашки по спинам от страха. А для ведомственных строителей эта работа была вообще вроде авральной, со своей спецификой и особенностью. Они

безоговорочно взвалили на себя вместе с другими специалистами бремя «ликвидаторов» последствий аварии на атомной станции. Их отгородили колючим забором по периметру 30-километровой охранной зоны во имя безопасности людей. «Ликвидаторы» остались наедине с разрастающимся злом, и у них не было иногда выбора, как бороться за Добро. Обостренность противостояния между двумя полюсами возлагала здесь на людей немалую ответственность, требуя настоятельно избегать искушений и вести понятный образ жизни.

Естественно, что люди скучали по семьям, но успокаивали себя недолгим сроком командировки. Большинство мужчин спокойно переносили разлуку с женами, они утихомирили свою плоть и не позволяли ей взыграться. Но немало было беспокойных, в ком энергия бурлила сверх меры, и озабоченными они стали в своем поиске женщин, благо, их немало было в зоне. Сергей же особым спокойствием не отличался, но и активности не проявлял. Положение главного инженера района обязывало его вести себя сдержанно и осмотрительно. Но главный контролер его поведения засел у него где-то внутри и постоянно, до занудства напоминал ему о квартирном вопросе. Не дай Бог оступиться! Поэтому он гнал прочь посещающие его шаловливые мысли, желания и осознанно избегал искушений.

Но непросто оказаться выдержанным и стойким наделе! Любой горазд на словах перенести всякие трудности и ограничения. Но на деле трудно побороть соблазн, который обольщает воображение и настойчиво тревожит тело, чувственность души и разума. Тело еще можно утихомирить, и есть разные способы в арсенале мужчин, но унять воображение и уберечь душу от соблазнов, удержать ее от греха тяжело, порой невозможно. Она порочнее тела и часто первой выступает искусителем, тревожа его низменными страстями и пороками. Она призывает человека к действиям, она напоминает ему о диктате генов обладать женщиной, и эта порочная связь обещает расслабление и оздоровление тела. Эти непрошенные мысли мимолетно пронеслись в голове Сергея, и всколыхнулось внутри, когда оголились груди Людмилы. Магически они приковали взгляд и ему невозможно было оторваться от этого заманчивого чуда природы - женщины. Они с первых дней знакомства взаимно симпатизировали друг другу, но осторожничали и не снисходили до личных разговоров. Старались себя вести ровно и постоянно, надевали на себя маски сдержанности. Хотя их глаза, губы, меняющий цвет лица сполна выдавали чувства, и они неосознанно ощущали какие-то волны притяжения. Они оба всячески им сопротивлялись и держали себя в руках. Но их невольное раскрепощение, расслабление произошло в доли мгновения, когда они вместе начали рассматривать новые чертежи. Неудачно она развязала папку, листы упали и рассыпались по полу. Оба опустили на колени под стол и стали собирать их. Неловко они себя почувствовали в таком положении, но тут Сергей замер, увидев в распахнутых отворотах куртки «афганки» ее оголенные груди во всей красе. Он неожиданно растерялся, застигнутый врасплох от ее укоризненного взгляда.

- Рот закрой, Сергей Николаевич, - и оживленно засмеялась, не пытаясь их прикрыть, собирая последние листы чертежей. Он несколько смутился, но смолчал, словно в рот воды набрал. Поймала его с поличным на месте преступления, и стушевался Сергей, но своих порочных глаз не отводил, пока она не закрыла груди. Одновременно они поднялись с колен, чуть не стукнувшись головами, и Людмила, раскладывая чертежи, вскинула на него игривый взгляд и спросила:

- Ну что, насытился?

- Нет, - откровенно выговорил он и выжидательно замолчал, проверяя ее реакцию. Она не возмутилась его неприкрытым нахальством, не очертила ему границ дозволенности, а лишь выжидательно помалкивала и затаенно улыбалась. Это придало Сергею смелость и он решился быть откровенным до конца: - нет! Мало времени было, и место неподходящее!

Не смутилась и она от прямоты слов Сергея, призадумалась слегка, сошла с ее лица улыбка, и она тихо-тихо произнесла:

- Ну что же? Чему быть, того не миновать! Подбери место, а время... найдется.

На мгновение ему показалось, что он ослышался, а переспрашивать было неудобно. Ошалел он от ее откровенности, и ему трудно было поверить в искренность. Но ощущение радости и какого-то ликования расползлось в нем, и он почувствовал себя на седьмом небе.

Поначалу не задумывался Сергей о трудностях поиска помещения для их встреч. Он думал, что быстро его подберет, но в черныбыльских условиях задача оказалась сложной, тем более, что нужно было соблюсти конспирацию. И он лучшего ничего не придумал, как посадил своего шофера из закрепленной за ним машины, обслуживающей его в зоне. И на ней подъехал к условленному месту встречи заранее, боясь опоздать и вызвать у Людмилы недовольство. Точность - привилегия влюбленных! Но она опаздывала и он выдержал в ожидании тридцать минут, не понимая ее и не зная что и подумать. Ведь сама предложила время и место их встречи.

Возвратился в контору, а она там закопалась в ворохе чертежей и каких-то бумаг. Извиняющееся улыбнулась, незаметно пожав плечами и продолжила с начальником соседнего района разбираться с чертежами. Он не показал своего настроения, молча удалился и про себя подумал, что неужели ему «динамо крутит». Но так ведут себя девушки по молодости, а ей уже за тридцатник, и чего ему голову морочить, коль не ко двору пришелся? Враз исчезла его легкость, испортилось настроение, спустился он с небес на грешную землю, перебирая в уме свои горькие мысли. Крепко засели они в нем со времени еще женитьбы. Обманула его тогда Алка, выдумав мнимую беременность. Не мог он без отца оставить своего ребенка, посмотрелся на эту безотцовщину, на детей в неполных семьях. Но эта щепетильность и порядочность его и подвели. Обманула Алка, и свою беременность превратила в шутку, иначе он на ней не женился бы, и всласть посмеялась над его доверчивостью. Но не будешь же разводиться, когда еще гости со свадьбы не разъехались! Решил повременить с разводом, а вскорости она в самом деле забеременела, и родился его первенец Никита, а потом и Юра появился. И он отбросил всякую мысль о разводе и стал терпеливо приспосабливаться к их непростой семейной жизни. На два дома они жили, городская квартира с родителями мужа никак не устраивала Алку, и она осталась жить в отчем доме с матерью в пригороде, благо, и работа ее была рядом. Дети росли с матерью и с тещей до восьмого класса, а лето они проводили под Тулой на даче его родителей. Воздух там был чистый, никаких производств вокруг, и рядом находились лес и река. И единственная надежда воссоединить семью у них была связана с получением трехкомнатной квартиры, которую ему обещали после его командировки в Чернобыль. Об этом в семье больше всего говорил Сергей, а она загадочно помалкивала и поддакивала ему, соглашаясь с тем, что детям нужно внимание матери постоянно. Весь прошлый год Никита был на попечении бабушки, матери Сергея, а в этом году и Юра будет учиться в городе. В поселке восьмилетняя школа, и обстоятельства вынудят их собраться вместе.

Не испытывал он к жене особой привязанности, не было у него к ней никаких чувств, и неделями его не влекло к ней. По обязанности они жили, терпеливо переносил он взбалмошные ее привычки раздражаться по любому поводу и озлобленно встречать весь мир и особенно «непутевого» мужа. Не притерлись они с годами друг к другу, не склеились их души в единое целое. Вся надежда была на квартиру, может, в ней они обретут семейное счастье, и будут в их отношениях сердечное тепло и уют в доме.

* * *

Когда подросли дети, они чаще стали пропадать у отца. Доверительные отношения установились между ними, испортить которые уже трудно было их матери. Всю жизнь его точила мысль о разводе, но только иногда о себе громко заявляла, а порой и вовсе затихала при благоприятных отношениях. В период острых ссор и размолвок он подумывал о разводе и внимательно приглядывался к женщинам, выбирая себе нужную. Но тщетны были его потуги, хотя выбор немалый оказался. Молодые не подходили, он еще в здравом уме, и они востребованы ровесниками. А засидевшие в девицах перестарки воспринимались, как брак на производстве, который не годился в дело. Попадались ему разведенные женщины со сложившимися привычками, но быстро проявлялся у них характер, и отпадала охота продолжать связь. И он уже начал свыкаться с мыслью, что придется ему век куковать с Алкой и в последнее время вообще остепенился в ожидании квартиры.

Но знакомство с Людой выбило его из привычной колеи. Неожиданно она запала ему в душу и взволновала его чувства. Буря эмоций его одолела после несостоявшейся встречи, и они противоречиво спорили между собой. Ему показались пустыми его ожидания и он замкнулся в себе со своими переживаниями и молча избегал с ней встречи. Но она сама стала искать с ним контакты, как-то зашла в их контору, но не застала его и попросила секретаря сообщить о чертежах, ожидающих главного инженера в техотделе. Но он не откликнулся на ее инициативу, опустошенность какая-то нашла на него, и в нем вспыхнули обиды на всех женщин, с кем приходилось ему общаться. Все они казались Сергею с замутненными душами, полными эгоизма и корыстолюбия. Почему-то именно только такие ему встречались! Хотя его внешние данные и его положение располагали их к знакомству, нравился он им, и они охотно с ним шли на контакты, проявляли неподдельный интерес. Ровно и уважительно он себя вел с ними, не позволял себе вольностей без взаимности. Покладистый у него характер, и он-то часто его подводил. Жена язвительно упрекала в мягкости и беззубости, хотя он о себе был иного мнения. Все зависело от воспитания и внутренней культуры человека, чего в Алке днем с огнем не сыщешь. Видимо, сказывалось в ней деревенское мамино воспитание.

Не по вине Людмилы сорвалась их встреча. Неожиданно в конце рабочего дня вызвал начальник и попросил срочно выдать новые чертежи по ХЖТО в работу.

- Они без штампа заказчика, - возразила Людмила Петровна, - я взяла их для ознакомления.

- Это решение Семенова, лично попросил уже с утра начать работать по ним.

Непривычно работникам атомного ведомства дважды слушать просьбы руководителя. Скрепя сердце, Людмила Петровна отложила личные дела и занялась чертежами. Неприятно заскребли на душе кошки, но у нее не было возможности известить его об этом. Сергей мог что угодно подумать, озлобиться и порвать их контакты. Не хотелось ей омрачать отношения, находившиеся в

стадии зарождения. Но что она могла поделать, в Чернобыле работа была превыше личных интересов!

Ожидания Людмилы оправдались, Сергей повел себя, как обиженный ребенок, не снизошел до объяснений и избегал с ней встреч. Намеренно холодно и отчужденно себя он вел, пряча от нее свои глаза, и молча спешил удалиться, если невольно где сталкивались. Все-таки в одной конторе работали! Но он рисовался, и она была в этом уверена, себе вбивал глупости в голову и ее интриговал. Не безразлична она ему! Нет! Она нужна ему, как и он ей. Характер свой показывает, был бы к ней равнодушен, снизошел бы до объяснений. Может, это и хорошо, что нрав у него не ангельский, а с норовом. Видимо, не чета ее мужу, полное равнодушие к жене и инфантильность которого порой доводили до истерики и нервных потрясений. О себе он больше заботился, нежели о жене и родителях. Амеба в штанах он, а не мужик! Благодаря протекции папы получил лабораторию и посчитал, что ухватил он свою удачу за бороду и большее ему ни к чему. Спокойно воспринимал, что в семье нет ребенка, и без него ему хорошо, к чему лишние заботы и хлопоты? Обращаться к докторам и сдавать анализы ему неподъемное дело. Стеснителен он и непривычно сидеть в очередях у кабинетов врачей. Стараниями ее и родителей его все-таки сподвинули ходить в поликлинику. Сдал все анализы и прошел курс лечения, но результаты остались те же. Нужно продолжать проверяться, а он заупрямился и слышать не хочет о докторах. Уже десять лет они вместе и не хотелось ей менять комфортные условия своего образа жизни. И в первую очередь она дорожила квартирой в академическом доме, которую они получили благодаря свекру. Он же помог ее меблировать и приобрести все необходимое, вплоть до тарелок и ложек.

Уютно она себя чувствовала дома, единственно ее угнетало, что стены их ухоженного жилья лишены радости слышать веселые детские голоса. Отсутствие детей ее расстраивало и лишало спокойствия. Она уже грозилась мужу уподобиться шлюхе и родить ребенка от первого попавшегося мужчины.

- Твое дело, - спокойно отреагировал он на ее угрозу.
- Ты же будешь отцом? - вразумляла она его спуститься на грешную землю.
- Ну и что, пусть буду, если тебе это надо, - охотно соглашался он с ней и не пытался ей перечить. Своей святой простотой он просто обезоруживал ее и лишал настрой обсуждать тему. Гнетущая тишина повисала в комнате, и у нее отпадало всякое желание продолжать свой разговор.

Но некогда ей было думать о чужих мужиках и, тем более, о пьянках-гулянках. Заняв должность начальника отдела, она постоянно задерживалась на работе и свои домашние дела она перенесла на выходные дни. Уборка, стояние в очередях за продуктами, приготовление полуфабрикатов на неделю, стирка и Бог знает еще какие заботы появлялись. Только займись домом, и появятся такие проблемы, как течь водопровода, отключение электричества, поломки приборов, и чего только не возникает. А помощи от мужа никакой, но она уже не ждала и не надеялась. Безмолвно взвалила все домашние заботы на себя и уподобилась белке в клетке, бегающей по одному и тому же маршруту.

Не удивила Людмилу Петровну командировка в Чернобыль, их же ведомству поручили возведение «Укрытия», а строитель без проектной и исполнительной документации - что слепой без поводья. И она поехала с надеждой отдохнуть и как следует выспаться. Небольшой срок командировки, всего два месяца, зато без домашних забот и хлопот и для мужа испытание. Пусть почувствует свою заброшенность, может, и наберется ума разума и сделает для себя какие-то

выводы. Закопошилась ли у нее мысль поискать здесь отца будущего ребенка? Вряд ли, она хорошо знала, что мужчины их управления работают в высоких полях радиации. И у нее не было желания организовывать себе проблемы с больным ребенком. А вот почувствовать влечение к мужчине и чтобы он вошел в твою плоть и постоянно тревожил душу? Этого она и предположить не могла. Для нее любовь казалась каким-то выдуманым явлением, а если что и было у нее подобное, то в далекой юности, покрытой туманом забвения. И уже никак не могла она даже подумать об этом чувстве. Но мысли о Сергее, словно беспокойные муравьи в муравейнике, не давали ей покоя своей суетой и тревожили душу.

Опоздала она на восьмичасовой автобус в общежитие, закопалась в своих чертежах и бумагах и пропустила время отъезда. А следующий рейс был в десять часов, и она на всякий случай вышла на улицу, чтобы попытаться с кем-то припозднившимся уехать. Вместо транспорта она встретила радостно улыбающегося Сергея, словно ожидающего ее. Невольно подумала, что мысли мистически влияют на людей. Если о ком-то много думать, то обязательно сбудутся твои желания. Не менее Сергея она была рада нечаянной встрече, но не преминула ехидненько заметить:

- Бог шельму всегда метит!
- Это ты к чему, Людмила? - недоуменно спросил Сергей и по нему было видно, что поникло его настроение.
- Ты же бегаешь от меня, а тебя Бог наказывает и возвращает на праведный путь, - продолжила она иронизировать, пряча свою довольную усмешку.
- Кто от кого бегают? - спросил ее раздосадованный Сергей и продолжил. - Это большой вопрос!

Милые бранятся, только тешатся! Так и у них начало разговора не сулило им ничего хорошего. Оба умничали и изощрялись в остротах, но вскорости опомнились, что себе же делают хуже. Их желание близости, уединения лишило разума, логики поведения, и только чувства правили ими и позволяли сполна утолить свою ненасытность.

Контора - вагончик Сергея - располагалась рядом с Управлением и она приняла своими неудобствами эти мятежные натуры и позволила им разрядиться и спокойно удовлетворить свои желания. Люда была благодарна Сергею за те забытые приятные ощущения от близости с мужчиной, и не хотелось ей отпускать его от себя. Он же удивлялся необычной мягкости и податливости ее тела и невольно сравнивал его с костлявым Алкиным, высохшим в заботах о талии. Обкрадывал он себя все эти годы, не испытывал он с женой такого восторга и не откликались так призывно Алкины губы. Они всегда были сухие, поджатые и лишали всяких желаний поцеловать ее, хотя сама ему из-за этого часто выговаривала и обижалась.

Время их встречи пролетело незаметно и, посмотрев на часы, они поторопились к автобусу. Люда не преминула его упрекнуть:

- А ты избегал меня, стоило ли?
- Казни меня или милуй, виноват! - нарочито шутейно ответил ей Сергей, пропуская ее из вагончика и закрывая дверь на замок.
- На душу ты мне лег, поэтому милую, - ответила, незаметно пожав ему руку.

Желания встреч и общения вынуждали их быть изобретательными. Они будто случайно сходились в условленном месте, чтобы пообщаться хотя бы полчаса. Иногда просто мозолил ей глаза Сергей без дела копаясь в чертежах, и она этому радовалась. Тяга видеть друг друга, общаться и разговаривать неотступно довлела над ними. Большим разочарованием для Сергея была командировка

Людмилы в министерство по сдаче отчетов и оформлению заданий на перспективу. Обычно такими вопросами занималось руководство стройки, а тут вдруг поручили ей. Возвратилась она через три дня вся такая возбужденная, радостная, довольство сквозило во всем ее облике, и особенно в глазах. Сергей удивился ее настроению, но любопытства особого не проявил. Не так уж близко они знакомы, чтобы у них не оставалось своих тайн, тем более если учесть особенности женского организма.

Не было времени им пообщаться и поговорить. На расстоянии их встречи происходили, по взглядам научились понимать друг друга, радость и счастье ощущали в них, словно чувствовали близость общения. Но грустинка покрывала поволокой их глаза при расставании. Решились они на экскурсию в «чудный лес», где воочию можно было увидеть мутацию в природе. Много было о нем разговоров, но поездка позволяла им несколько часов побыть вместе и поговорить без посторонних ушей.

Стояла полуденная жара, нещадно ярилось солнце, и в кабине их «жигулей» стояло духота. Вентилятор - «подхалимчик» - был малоэффективным, и сквознячок через щель в окне не помогал. Полностью открыть окно было опасно из-за пыли со взвешенными аэрозолями. Глубина тенистых чащоб леса заманчиво звала, обещая прохладу. Но туда хода нет, и путь запрещен, там радиация в два-три раза выше, чем на опушке. Длинные бирюзовые иглы на молодых соснах напоминали ветви кедрача. Здесь в окрестности радиация не превышала 20-30 р/час, потому и лес зеленел и не порыжел. Но мутация видна на ветках, в конфигурации листьев.

Остановились на бывших песчаных выработках, лес был вдалеке, а здесь росла молодая поросль. Некоторые молодые ели видоизменили ветви и стали больше походить на кактусы, небольшие дубки стояли с круглыми листьями. Он взял ее за руку и пошли они по неглубоким рытвинам песчаного карьера, рассматривая измененные формы растительности и кустов. Люда тесно прильнула и сделала попытку поцеловать Сергея, но тот быстро остудил ее желания:

- Остановись! Здесь столько нуклидов, что эту грязь нам не к чему загонять в рот!

Людмилу словно ошпарили кипятком и заспешила уехать отсюда, беспокойно спрашивая:

- Здесь вредно для будущей матери быть?
- Нежелательно, - пояснил Сергей.
- Чего же меня притащил сюда? - гневно выговорила ему, больше злясь на себя.

Промолчал в ответ Сергей, женщины все похожи одна на другую, то просила его свозить в «чудный лес», а теперь претензии предъявляет. А вообще-то опасно посещать такие места, а женщинам особенно. Ее прихоти надо поубавить, а то уже и в развалы реактора ее потянуло для удовлетворения любопытства. Впечатлений набирает, мало их ей по жизни досталось на стройках, так еще нужны острые, на грани опасности.

Проблема поиска уединенного места их встреч перед Сергеем стояла постоянно, и он был в вечном поиске. Под благовидным предлогом обратился к начальнику ЖКО, чтобы подобрал домик в Чернобыле, а то много времени теряется на дорогу. И тот не отказал, понимающе ухмыльнулся, Сергей не первый у него с подобной просьбой и не последний. Вскорости подобрал частный заброшенный дом. Поехал Сергей его осматривать. Внутри бесхозность, старые матрацы не вызывали доверия своим видом, пол выщерблен, кто-то взламывал половицы, чугунки и посуда валялась на полу. Взяв ключи, потом он поехал с Людой и она обрадовалась их уединению и, прильнув благодарно к нему, уже

требовательно взывала к любви. Но Сергей остановил ее желание, он оказался разумным.

- Люда, нельзя здесь! Кругом радиация, твое здоровье мне дороже любых сладких мгновений. Жилье придется чистить и снаружи тоже, посмотри на густые заросли травы... ягоды смородины, ведь они с вишню размером. Видимо, радиации в огороде много, поэтому и не заселял его никто. Недели две-три надо на дезактивацию.

- Овчинка выделки не стоит, это не вариант, - огорченно проговорила Люда.

И Сергей вновь стал искать подходящее место для встреч, а время незаметно бежало, и вдруг Люда объявила о своем скором отъезде. Решили поехать в Киев, посмотреть хотя бы экскурсионно город. Наслышаны они были о памятниках, о которых хорошо знали из школьных учебников, и особенно о Храме Св. Софии. Им хотелось посетить святыне места, побывать в пещерах и посмотреть там удивительные захоронения. Поездка предстояла без осложнений, автобусом до автовокзала без пересадок, потому что ехали из чистой зоны. Приехав в Киев, Сергея вдруг осенило, и он разыскал первую подвернувшуюся гостиницу и легко договорился об отдельном номере. Ликвидаторов в Киеве приветливо встречали, понимающая обслуга немного сверху взяла с Сергея, дали отдельный номер на сутки. Их ликование не было предела, искренне радовались удаче и безвылазно провели там почти сутки, лишь однажды выбрались в ресторан пообедать.

Они многое узнали друг о друге, поняли искренность своих чувств, и от каждого требовалось решение и действия. Не хотелось им особо огорчать близких, и необходимо время, чтобы уладить все взаимоотношения, а Сергею - решить квартирный вопрос. Не гадали о сроках, но понимали, что жить в разлуке им будет нестерпимо.

Вскорости уехала Людмила, пусто и одиноко стало Сергею, путались его мысли, опережая одна другую, от надежд и желаний, не хотелось особо заглядывать в будущее. После отъезда любимой прошло уже три недели, и подвернулся ему случай побывать в Москве. Его использовали в качестве курьера для передачи в аппарат Щербины ряда документов. Все удачно с этим у него складывалось, но нетерпение одолевало его. Люда дала телефон подруги для связи, и та его сразу разочаровала, сообщив, что она находится в больнице. Подробностей от нее он не мог добиться, подруга уходила от прямых ответов на его вопросы и в конце, раздраженная его назойливостью, все-таки немного раскрылась: «У женщин есть свои проблемы, чего вам мужикам слушать о них... ничего страшного, через две недели выйдет!»

Это был ему приговор, что встреча не состоится, и решил он навестить жену. Взял из гаража машину и поехал к ней в деревню. Дети были у его родителей на даче под Тулой. Алка хоть и была равнодушна к нему в последние годы, не зажигала его, но исправно справляла свои супружеские обязанности. Но дети были его слабостью, и он долго не мог быть в разлуке с ними, тем более, и они с радостью каждый раз встречали его, но времени у него не хватало на столь длинную поездку.

Было уже за полночь, и он знал, что ворота и калитку можно открыть только изнутри, а ключи находятся у тещи. Будить ее не хотелось, тем более, от нее наслушаешься столько упреков, что и гостить расхочется, и он подъехал в боковой переулок. Махнув через забор, по черной лестнице прошел к жене, чтобы неприметно взять ключи и загнать машину не нарушая сна тещи, страдающей бессонницей. Хотя сама спала и днем и ночью без задних ног.

Он не включил свет, хорошо знал каждую ступень этой лестницы с площадкой. Она, как бобслейная дорожка, выведет обязательно к финишу. Замка не было на двери, все недосуг ему было поставить, и он тихо убрал крючок и аккуратно открыл дверь, не зажигая света позвал жену:

- Алла! Алла! Проснись! Ключи нужны.

И вдруг он услышал мужской кашель, невольно включил свет и увидел на кровати с женой крепкого рыжего мужика, жмурившегося от света. Алка вскочила с кровати и стала успокаивать мужа:

- Только без драки! Тебе он не под силу... Леня вставай, чего затаился. В руку был твой сон перед отъездом, не жить нам вместе.

Бессовестная и расчетливая Алка даже не растерялась, не испугалась и уже командовала мужиками. А Сергей никак не реагировал на происходящее, он растерянно глядел на одевающегося любовника жены и невольно увидел его схожесть с младшим сыном.

- Он что, Юркин отец? - потерянно спросил Сергей.

- Да, да! - зло и раздраженно ответила жена. А ты не догадывался?

Похоже силы покидали Сергея, в груди у него заколошматило так, как будто заработал отбойный молоток. Защемило сердце, он схватился за грудь и стал потерянно растирать. Увидев бледность на его лице, любовник жены Леня прикрикнул на Алку.

- Растяпа, тащи валерьянку от тещи! Вишь, человеку плохо.

Оставшись вдвоем, Леня посчитал нужным объясниться и прояснить Сергею их отношения с Алкой.

- Вишь браток, расклад какой... я со школы с ней в любовь баловался, и решили по окончании пожениться, мне другой бабы и не надо было, но так получилось, что загремел я на десятку. Условно-досрочно освободили за примерное поведение через пять лет, а место подле Алки уже было занято... вот и весь базар, и еще не понятно, кто у кого ее украл... и как будем дальше жить.

Возвратилась Алка с пузырьком мутной жидкости, накапала в стакан с водой и молча протянула мужу.

- Да пошла ты... - отверг ее услуги и едко заметил: - еще отравишь!

- Нужно мне за тебя чалить срок, - со злостью ответила она, а Сергей про себя приметил, что эковский жаргон давно за ней замечал, только не понимал, откуда он у нее. В их перепалку вмешался Леня, уже одетый, он чувствовал себя хозяином положения:

- Не поднимайте кипешь друг на друга, давайте разведем стрелку, чтобы каждый знал свое место... Ты не против, Серега?

По свойски он обратился, будто давние они кореша. У того немного притихла боль в груди, и он приходил в себя. Его даже несколько обрадовала такая ситуация, проще будет ему решать вопрос с Людой, и он перехватил инициативу у Лени.

- Мое решение такое, жить с Аллой я не буду! Но развода не будем оформлять, пока не получу квартиру... если ее сейчас проморгать, то детям не на что надеяться в будущем... я и Юру имею в виду, не безразличен он мне, пятнадцать лет жил в семье, и вдруг чужой. Нет, он мне не чужой! Так и знайте! Думаю, что он новоявленного отца особо не примет, так что поберегите ему психику.

- С характером он парень, это точно! - поддержал его Леня, - весь в меня! Только пользы мне никакой от этого!

Огорченно выговорил Леня, что был у них с сыном и матерью один разговор, но не получился почему-то. Он признавал одного отца, с кем жил все эти годы, и после того памятного разговора перестал вообще общаться и с матерью,

всячески ее избегая. Теща все уши ей прожужжала, что не видит она внуков уже второе лето, а что мать могла сделать? Ничего! Оба они уже повзрослели, подзаработали денег на разгрузке вагонов и не просили их у матери, почувствовали себя самостоятельными людьми.

- А от тебя какая? - с негодованием прервала его Алка, - какой от тебя прок... мне жизнь наперекосяк устроил, сам без гроша в кармане сидишь, и в голове пусто... одна от тебя выгода - здоровый как бугай! Дети от меня из-за тебя отвернулись, и что мне делать?

Горько заплакала Алка с причитаниями о своей сломанной жизни с «бессовестным бугаем». А Сергей молча поднялся и вышел из дома той же темной лестницей, оставив жену наедине с любовником.

У Сергея в Москве особо дел не было, дети под Тулой у его отца с матерью, и о них особо беспокоиться нечего. Забежал в управление, встретился с нужными людьми, обговорил свои проблемы, а главное, что его обрадовало, он узнал адрес дома, в котором получит квартиру. Документы уже отправлены на оформление в райисполком. Пробовал еще раз через подругу связаться с Людой, бесполезно, она в больнице и связи с ней нет никакой.

С потерянными настроением возвратился в Чернобыль, его уже ничто не интересовало, и он, как на автопилоте, все это время автоматически выполнял свои обязанности. Пробовал звонить на квартиру Людмилы, подходил муж... а что ему он мог сказать? Молча клал трубку, едва дождался истечения двух недель, обещанных подругой, и позвонил ей. На что та ответила категорически, чтобы больше он ей не звонил, с ним разговаривала сухо, в каком-то надрыве: Какая кошка между ними пробежала, что вот так враз испортились отношения? Трудно предположить, и он пытался до нее дозвониться по домашнему телефону, но мягко и вежливо муж каждый раз отвечал в одном и том же русле:

- Да... да... слушаю.

Однажды он изменил своей привычке и дополнил:

- Если Людмила Петровна нужна, то ее здесь нет.

Запросил он адресный стол, но тот дал справку прежнего места жительства. И для Сергея круг замкнулся, и он не знал, что делать. Поэтому с нетерпением ждал окончания своей командировки и облегченно заспешил в Москву, туда, где он мог найти свою Людмилу.

После командировки оформил себе отпуск, перевез мать с детьми в квартиру и, успокоенный за домашних, кинулся в поиск. Часто бывал у ее дома рано утром и вечером, он уже знал распорядок дня мужа, но Людмилу ни разу не встретил. Ее родители жили в Хабаровске и он не знал ее девичьей фамилии. Не удосужился полюбопытствовать. Через своего кадровика навел справки о ее месте работы, но это оказался почтовый ящик: и без пропуска не пройти, и справки у них не получишь, тем более, сведения об их работнике. Кто он такой? Если был бы мужем - они бы откликнулись, а так и не разговаривали. И Сергею не оставалось ничего иного, как переговорить с ее мужем. Долго он продумывал эту встречу и предстоящий разговор. Но получилось до банальности просто. Он его поджидал у подъезда, а муж Люды сам к нему подошел, протянул руку и сказал:

- Давайте знакомиться... вы Сергей?

- Да.

- А меня зовут Венямин.

- Откуда вы меня знаете?

- Примелькались у дома, да и Люда о вас мне говорила, она же кристальной чистоты человек и не могла обманывать меня.

- Что с ней, где она? - прервал он его и задал свои вопросы.

- Этого я не знаю, у меня же в семье командует всем отец... отвез ее куда-то на излечение, а мне молчок о причине. Одно из двух: или безнадежно ее состояние, или меня решили проучить! Отец повторяет одно и то же, что ей помочь надо.

- В чем?

- Это и я хотел бы знать.

- Может, мне переговорить с ним?

- Нарветесь на такие неприятности, век будете помнить... не советую.

Вот так просто и доверительно говорили между собой, никаких ревнивых чувств не проявилось у Венямина, был абсолютно спокоен, будто не о его жене велся разговор. И Сергей не выдержал и поинтересовался:

- Венямин, вы свою жену не любите?

Он слегка призадумался, снисходительно усмехнулся и, растягивая слова, откровенно ему высказал:

- Может быть... вероятно, а почему? Не знаю... наверное, с детства не привил отец уважение к женщине своим поведением, вот и пожинаем вместе плоды.

- Ну хоть уважаете, считаетесь с ней?

- Сергей, ваши вопросы тянут на философию... долго в себе надо копать... мне с ней удобно, а это главное... она заботлива по отношению ко мне!

- И только?

- А что мужчине надо? Интересная работа... она у меня есть, домашний очаг с теплом... он меня греет... соблазны и грехи цивилизации... при желании всегда удовлетворишь, ну что еще мужчине надо?

Сергею уже не интересно стало их общение, его взгляды на жизнь были ему не понятны, и весь он ему показался прилизанно серым, самовлюбленным циником, недалеким и заботящимся о своем удобстве и комфорте в жизни. Какая ему разница? Валя, Катя, Тоня... лишь бы домашний очаг его грел. Пустовато обозначил он себе образ жизни. Пустовато! И Сергей не мог напоследок не задать интересующего вопроса:

- Венямин, вы зло на меня не держите?

Он рассмеялся снисходительно, не было похоже, что он рисовался, и укоризненно произнес:

- Пережиток этот не по мне.

- Значит не ревнуете?

- Я уже исчерпывающе вам ответил, - и у него пропал враз интерес, - до свидания, Сережа, думаю, больше с вами не встретимся.

Все время, пока они общались, Венямин вел себя ровно, спокойно, подчеркнуто вежливо и не допускал фамильярного тона разговора и не повышал голоса. Но не так уж он прост, как о нем говорила Люда и как он себя показал, есть в нем характер, и он ведь особо и не раскрыл себя. Папа, видите ли, во всем виноват! Он командует его семьей и уважения к женщинам не привил своим поведением. Видимо, еще тот ловелас и бабник этот папа! И сын смиренно смотрел на отношения отца со снохой? Что-то здесь не стыкуется, жива ли она? Еще большее беспокойство охватило Сергея от этой встречи, и он чувствовал свою беспомощность, понимая, что он ей ничем не мог помочь! И адреса Люды он никогда от него не узнает.

Но не сдался Сергей, вместе с заботами о квартире, переезде, он продолжал свой поиск. Вспомнил людей в ее отделе и созвонился с теми, кто еще не уехал из Чернобыля. Но какой-либо положительной информации не получил, зато узнал

о письме из Хабаровска, которое так и осталось не распечатанным и ему продиктовали обратный адрес. Эта была зацепка, и она его обрадовала. Он поспешил написать письмо к ее родителям с просьбой указать адрес, куда можно переслать ее вещи и документы, которые она оставила в общежитии Чернобыля. Сергей думал, что это самый простой способ узнать, где же живет Люда, но получил ответ, с указанием адреса мужа. Вновь круг замкнулся!

На Садовом кольце перед Тверской он неожиданно купил у барыг диск с адресами жителей Москвы. И первым делом разыскал место проживания отца Венямина, благо, в разговорах Люда обмолвилась о нем с именем и отчеством. В Оружейном переулке стоял кирпичных желтый дом, такие дома обычно строили для большого руководства по заказам администрации ЦК партии. И стал он приходить в сквер, как на работу и проводил там много времени с книгой. Однажды к нему подошли два крепких парня в костюмах с галстуками и поинтересовались причиной его постоянных прогулок в сквере. Не житель этого района, а обитал здесь уже шестой день?

- А что, нельзя? - удивленно спросил Сергей.
- Да подозрительно что-то!
- Времена такие, где хочу там и сижу, - напустил Сергей на себя простодушие и повел себя, как простак.
- Ну-ка, Дима, давай его обыщем? - произнес один из них, - наркоту, наверное, продает.
- Да вы что, ребята? - струхнул Сергей и понял, что с ними шутки плохи. - Женщину ищу, вот и жду.
- А почему здесь ищешь?
- Из этого она дома, - и он показал рукой на желтый дом.
- А вот недавно здесь женщина на сносках прогуливалась и все кого-то ждала, заметил один из них, - была уверена, что он придет. А не пришел!
- Заколдованное место какое-то.
- Так, может, обитатели вон того симпатичного четырехэтажного домика оставили о себе память... здесь располагался до революции бордель... - разговорились они по-дружески и охрана посоветовала Сергею не мозолить здесь глаза, иначе не оберется он неприятностей.
- А сейчас где эта женщина? - не унимался Сергей.
- Кто ее знает... вроде на дачу перевезли.
- Контингент здесь такой, что кроме Рублевки не признают загородного жилья.

* * *

По крупицам собирал Сергей сведения о Люде и каждой новой информации радовался как дитя, и надежды в нем вспыхивали с новой силой. Рублевка - понятие обширное, это шоссе пересекающее множество селений, в том числе те, которые особенно на слуху: Барвиха, Жуковка, Горки, Успенское, Кольчугино, Бузаево, Николина гора и многие Другие, расположенные вблизи. Поездил он по ним и понял, что застройка элитных поселков типа Жуковки выполнена не для посторонних глаз, и там могут хранить тайны почище мадридского двора. Он вынужден был признать свое поражение и отказался от дальнейших поисков дачи отца. Позвонил подруге Люды и попросил записать его новый телефон:

- Не нужен он мне, - раздраженно ответила та.
 - Надежда, все может быть в жизни, - запиши на всякий случай... будь добра, не упорствуй, благое дело всегда сторицей возвращается. Не звонить же мне каждый месяц и напоминать о себе, а ты вынуждаешь.
- Этот аргумент вроде воздействовал, но в оправдание она все-таки сказала:

- Сергей, лучше тебе ее забыть!

Каждые полгода он ей звонил и спрашивал свой номер телефона, она ему отвечала и успокаивала, что была бы возможность, Люда сама бы его нашла. Она же знала его место работы, на что он ей заметил, что он уже его поменял.

Сергей бобылем так и жил без жены, без любовницы. Было дело заводил он знакомства, но не лежала ни к кому душа, более того, противилась вынужденным нежным словам и ласкам, которые по обязанности исполнялись. Жена с бугаем после их развода вскорости расписались, но недолго их счастье длилось, свернул он ей в пылу гнева скулу, и она после этого близко не подпускала его к дому. За детьми ухаживала мать Сергея, она все эти годы жила с ними, отец был на пенсии и наездами приезжал в гости. Ребята учились уже в институтах и особых проблем ему не приносили. А новые времена наступали беспокойные. Все занялись строительством «капитализма с человеческим лицом», но что-то получалось во всем нечеловеческое, криминальное. Старая номенклатура потеряла власть или же приспособилась к новой, но затаилась в ожидании момента отхватить лакомый кусочек. А реформы проводило уже новое поколение и их старшее больше раздражало, нежели они о нем беспокоились за старые заслуги и не допускали до дележа пирога под названием «народное хозяйство». Сергея пока эти проблемы не тревожили, акции предприятий особо никто не покупал, да и не на что было. Он устроился работать к московским строителям, а у тех работы было непочатый край. И его жизнь была вне общения со всякими ее митингами, демонстрациями, газетами. Он был вне политики! И вот неожиданно позвонила Надежда и елеинно-ласковым тоном заговорила:

- Ну что, Сережа, дождался своего часа... нашла я Люду, приезжай не мешкая ко мне.

- Адрес?

- Не морочь голову, ты десятки раз торчал у моего подъезда, квартиру, что ли, не знаешь?

- Да знаю, так, на всякий случай уточняю.

Сергей не мог поверить услышанному и переспросил:

- Ты не разыгрываешь меня?

- Да разве такой любовью, как ваша, шутят? - с упреком выговорила Надя. - Приезжай и не мешкай!

Его машина стояла у дома, и он быстро собрался, осмотрел себя придирчиво в зеркале, поменял светлую рубашку на синюю. Этот цвет ему больше подходил, феном привел волосы в порядок: вроде ничего выглядел. Он волновался, Сергею казалось, что его сердце вот-вот остановится, слабость почувствовал во всем теле и не бодрило даже такое радостное известие. Знать-то он знал номер квартиры, но не бывал и не знал, на каком этаже она располагалась. Он пешком поспешил вверх по лестнице, не ожидая лифта, квартира оказалась на девятом этаже, сбил себе дыхание, опустил на ступеньки площадки передохнуть. Но тут открылась входная дверь квартиры и в проеме показалась радостная Люда.

- Ну что, притомился, старичок? - и засмеялась своим гортанным мягким смехом, подходя к нему, а он так и приклеился к ступенькам и не поднимался. Он заморожено смотрел на женщину, поиски которой заняли у него столько лет! Он удивлялся, что время пошло ей только на пользу. А может, без этой афганской формы она так неотразимо смотрелась. Строгое бордовое платье плотно облегло ее фигуру, подчеркивая талию и аппетитные груди, которые поначалу и свели его с ума. Притягательно смотрелись они в большом вырезе платья и вновь, как магнитом, притягивали его взгляд. Она присела рядом с ним, и ее улыбка враз исчезла, наклонила к нему голову и выдохнула шепотом:

- Здравствуй, Сережа, - поцеловала его в щеку, отодвинулась от него и изучающее смотрела, радостно улыбаясь.

Он обнял ее с силой и стал целовать, едва ответив ей на приветствие.

Неожиданно он увидел в дверях мальчишку трех-четырёх лет, внимательно наблюдавшего за ними, удивился ему Сергей, встал, протянул ей руку и помог ей подняться.

- Люда неужели... - больше ничего не произнес и не спросил, а смотрел удивленно на улыбающегося мальчишку.

- Да... да... он знает, что ты его отец... Денисом зовут, позови его.

И мальчишка откликнулся на это имя, кинулся к отцу, словно только этого и ждал. Подошла Людмила с повлажневшими глазами и радостно выговорила:

- Вот наконец мы и встретились! А то нам дед житья не давал.

- А что, он вас взаперти держал? - поинтересовался Сергей. Он даже не предполагал причин столь долгой разлуки. Если любишь, то тебя какая может остановить преграда?

- Не надо об этом... потом... как-нибудь расскажу, - ответила Людмила, выразительно кивая головой на сына. Видимо нежелательным был столь серьезный разговор при нем, да и по ней видно, что горькими будут воспоминания. Разве просто передать ему свое психологическое состояние, когда предметом торга и залога становился твой ребенок? Она вынуждена подчиняться обстоятельствам и силе. Первые два года после рождения ребенка она жила словно в элитной тюрьме, в комфортных условиях и под неусыпным наблюдением прислуги и охраны. Только в последнее время свекор успокоился в своей маньячной подозрительности и дал ей послабление. Но с ребенком она не могла никуда пойти. Он боялся ее встреч с Сергеем, видимо, хорошо был проинформирован о его холостяцкой жизни. Муж приезжал изредка, ребенок его не интересовал, все больше говорил о себе и о заботливой новой хозяйке. Видимо, нашел себе другую женщину, а может, и отец подобрал. Свекор души не чаял в ребенке, лишен он был этих чувств и общения с сыном из-за своих ловеласных походов и скандалов в доме. Остепенился к старости, а вокруг пустота. Жены не было, сыну

он был безразличен, тот лишь как потребитель нуждался в его помощи. И эту пустоту он решил заполнить невесткой и «внуком». Не все в порядке было у него с головой, но его положение и власть позволяли ему исполнять любые свои капризы, и он оградил ее от родителей и подруг.

- Поехали ко мне! - поспешил Сергей пригласить их к себе.

- Поедем... но не сейчас, надо пережить то, что произошло, а уже потом строить иную жизнь, новую!

Сергей ничего не мог возразить любимой и они втроем вошли в квартиру Надежды. Жизнь им совместную хоть с чего надо было начинать, так неплохо побыть гостями у ее лучшей подруги. Благо и лицо Надежды светилось радостью и она торопливо собирала на стол, чтобы отметить это событие. Но больше всех ликовал Денис, у которого не было никакого желания покидать руки отца. А растроганный Сергей нежно обнимал тельце сына и не мог отвести глаз от любимой. Он никак не мог поверить в свое счастье!

СОДЕРЖАНИЕ

Простая жизненная быль

Гимн чернобыльцев

РАССКАЗЫ

Обелиск

Иначе не могли жить!

Другого и не дано!

Достойные своих отцов!

Иные подходы

Деньги - не главное!

Любовь сильнее «рейганов»

Горе миру от соблазнов

Затянувшийся поиск

Досада

Шельмец!

Больше бань - меньше бесов!

Скромные запросы

Полынь - трава забвения

Прокаженный

Нельзя!

«Потомственный чернобылец»

Обязаны себя беречь!

Виной всему радиация!

Грустное кладбище надежд

СКАЗКА

Про злую Марию и её коварных дочерей

ПОВЕСТИ

«То не сказка - жизни быль!»

Предисловие

Знания и опыт - не подарок судьбы

Памятные дни молодости

«То не сказка - жизни быль!»

Смутные годы

Вместо послесловия

Подранки

Глава 1. Счастливые годы

Глава II. Беда

Глава III. Непостижимые потери

Послесловие

Торопился жить!

Любовью не шутят!

**Анатолий Иванович
КАЛАЧЁВ**

«ТО НЕ СКАЗКА - ЖИЗНИ БЫЛЬ!»

Художественная проза Чернобыля

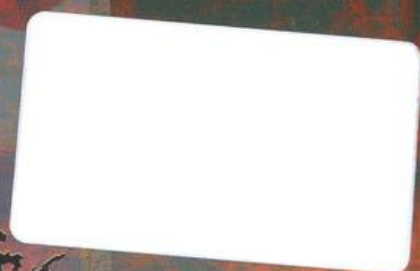
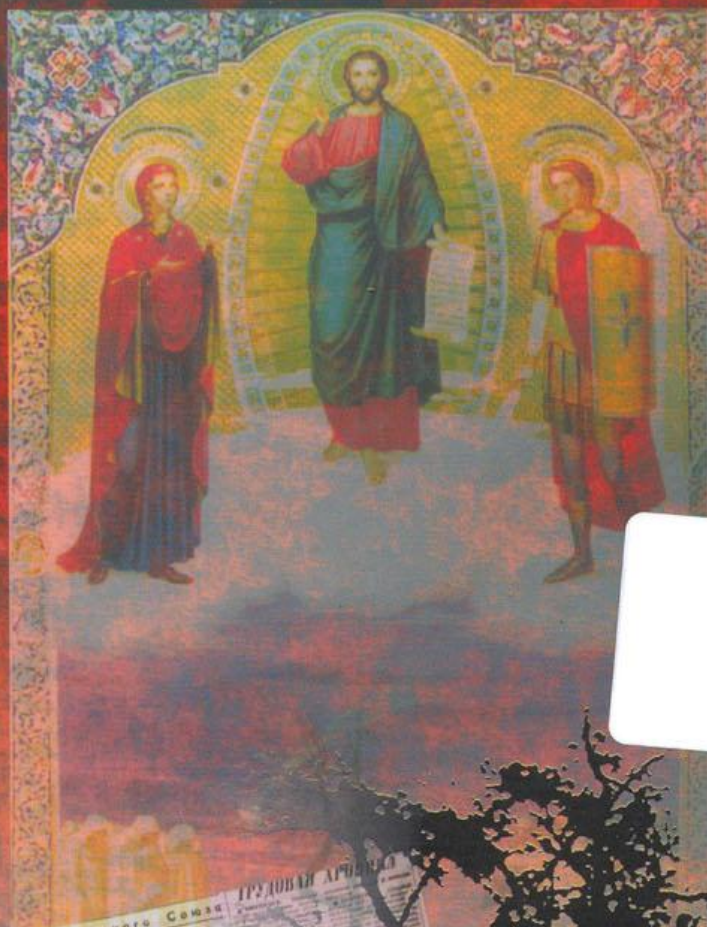
* * *

Фотографии из семейного архива А.И. Калачева

Редактор	И.П. Степанова
Корректор	Е.Ю. Салтыкова
Верстка	С.Н.Уланов
Дизайн обложки	Д.И. Колодинский

Подписано в печать 11.01.2011.
Формат 60х90/16. Усл. печ. л. 16 (вкл. вклейки).
Бумага офсетная. Гарнитура PragmaС.
Печать офсетная. Тираж 1500 экз. Заказ № 475.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ЗАО «Гриф и К»
300062, г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а.
Тел.: +7 (4872) 47-08-71, тел./факс: +7 (4872) 49-76-96

Коммунистическая партия Советского Союза
ПРАВДА
Орган Центрального Комитета КПСС
Создана 5 мая 1912 года
В. И. Ленин
Выступление М. С. Горбачев
по советскому телевидению

